

А.А.БЛОК
—
ИЗБОРНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

А.А.БЛОК

ИЗБОРНИК

Издание подготовили
К. М. АЗАДОВСКИЙ и Н. В. КОТРЕЛЕВ

МОСКВА
«НАУКА»
1989

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*Н. И. Балашов, Г. П. Бердников,
И. С. Брагинский, М. Л. Гаспаров,
А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),
Н. А. Жирмунская, Д. С. Лихачев (председатель),
А. Д. Михайлов, Д. В. Ознобишин, Д. А. Ольдерогге,
И. Г. Птушкина (ученый секретарь),
Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
Г. В. Степанов, С. О. Шмидт*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А. Л. ГРИШУНИН

Б $\frac{4603000000-027}{042(02)-89}$ без объявления

©Издательство «Наука», 1989 г.

Составление, статьи, примечания

© Скан и обработка: *glarus63*

ISBN 5-02-012717-5

ИЗБОРНИК

* * *

Муза в уборе весны постучалась к поэту,
Сумраком ночи покрыта, шептала пеясные
речи;
Благоухали цветов лепестки, занесенные
ветром
К ложу земного царя и посланницы неба;
С первой денницей взлетев, возложила она,
отлетая,
Желтую розу на темных кудрях человека:
Пусть разрушается тело — душа пролетит
над пустыней,
Будешь навеки печален и юн, обрученный
с богиней.

* * *

Там один и был цветок,
Ароматный несравненный...

Жуковский.

Я стремлюсь к роскошной воле,
Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне.
Там цветут и клевер пышный
И невинный василек,
Вечно шелест легкий слышно:
Колос клонит... Путь далек!

* * *

Милый друг! Ты юною душою
Так чиста!
Спи пока! Душа моя с тобою,
Красота!
Ты проснешься, будет ночь и вьюга
Холодна.
Ты тогда с душой надежной друга
Не одна.
Пусть вокруг зима и ветер вост,—
Я с тобой!
Друг тебя от зимних бурь укроет
Всею душой!

ГАМАЮН, ПТИЦА ВЕЩАЯ.

(Картина В. Васнецова).

На гладях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
По вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

* * *

Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом,
А в сердце, замирая, пел
Далекный голос песнь рассвета.
Рассвета песнь, когда заря
Стремилась гаснуть, звезды рдели,
И неба вышние моря
Вечерним пурпуром горели!
Душа горела, голос пел,
В вечерний час звуча рассветом,
Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом.

* * *

Дышит утро в окошко твое,
Вдохновенное сердце мое,
И на розовом облаке грез
В вышние чью-то душу пронес
Молодой, народившийся Бог...
Покидай же тлетворный чертог,
Улетай в бесконечную высь,
За крылатым виденьем гонись,
Утро знает стремленье твое,
Вдохновенное сердце мое!

И нашим ли умам поверить, что когда-то
За чей-то грех на нас наложен гнет?
И сам покой тосклив, и нас к земле
гнетет
Бессильный труд, безвестная утрата?

* * *

Не доверяй своих дорог
Толпе ласкателей несметной:
Они сломают твой чертог,
Погасят жертвенник заветный.

Все, духом сильные, одни
Толпы нестройной убегают,
Одни на холмах жгут огни,
Завесы мрака разрывают.

* * *

Увижу я, как будет погибать
Вселенная, моя отчизна.
Я буду одиноко ликовать
Над бытия ужасной тризной.

Пусть одиночек, но радостен мой век,
В уничтожение влюбленный.
Да, я, как ни один великий
человек,
Свидетель гибели вселенной.

* * *

То сон предутренний сошел,
И дух, на грани пробужденья,
Воспрянул, вскрикнул и обрел
Давно мелькнувшее виденье.

То был безжалостный порыв
Бессмертных мыслей вне сомнений.
И он промчался, разбудив
Толпы забитых откровений.

То бесконечность пронесла
Над надшим духом ураганы.
То Вечно-Юная прошла
В неозаренные туманы.

* * *

Отрекись от любимых творений,
От людей и общений в миру,
Отрекись от мирских вожделений,
Думай день и молись ввечеру.

Если дух твой горит беспокойно,
Отгоняй вдохновения прочь.
Лишь единая мудрость достойна
Перейти в неизбежную ночь.

* * *

О. М. Соловьевой.

Ищу спасенья.
Мои огни горят на высях гор —
Всю область ночи озарили.
Но ярче всех — во мне духовный взор
И Ты вдали... Но Ты ли?
Ищу спасенья.

Торжественно звучит на тебе звездный
хор.
Меня клянут людские поколенья.
Я для Тебя в горах зажег костер,
Но Ты — виденье.
Ищу спасенья.

Устал звучать, смолкает звездный хор.
Уходит ночь. Бежит сомненье.
Там сходишь Ты с далеких светлых гор.
Я ждал тебя. Я дух к Тебе простер.
В Тебе — спасенье!

* * *

Медленно, тяжело и верно
В черную ночь уходя,
Полный надежды безмерной,
Слово молитвы твердя,

Знаю — молитва поможет
Ясной надежде всегда,
Тяжкая верность заложит
Медленный камень труда.
Медленно, тяжело и верно
Мерю ночные пути:
Полному веры безмерной
К утру возможно дойти.

* * *

Я вышел. Медленно сходили
На землю сумерки зимы.
Мипувших дней младые были
Пришли доверчиво из тьмы...

Пришли и встали за плечами,
И пели с ветром о весне...
И тихими я шел шагами,
Провидя вечность в глубине...

О, лучших дней живые были!
Под вашу песнь из глубины
На землю сумерки сходили
И вечности вставали сны!..

* * *

Ветер принес издалека
Песни весенней намек,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.

В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны.

Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принес издалека
Звучные песни твои.

МОЕЙ МАТЕРИ.

Чем больней душе мятежной,
Тем ясней миры.
Бог лазурный, чистый, нежный
Шлет свои дары.

Шлет невзгоды и печали,
Нежностью объят.
Но чрез них в иные дали
Проникает взгляд.

И больней душе мятежной,
Но ясней миры.
Это Бог лазурный, нежный
Шлет свои дары.

ПОЛЕ ЗА ПЕТЕРБУРГОМ.

В день холодный, в день осенний
Я вернусь туда опять
Вспомнить этот вздох весенний,
Прошлый образ увидеть.

Я приду — и не заплачу,
Вспоминая, не сгорю.
Встречу песней наудачу
Новой осени зарю.

Самый огонь — слепые очи
Не сожжет мечтой былой.
Самый день — темнее ночи
Усыпленному душой.

* * *

Белой ночью месяц красный
Выплывает в синеве.
Бродит призрачно-прекрасный,
Отражается в Неве.

Мне провидится и снится
Исполненье тайны дум.
В вас ли доброе таится,
Красный месяц, тихий шум?

* * *

Одинокий, к тебе прихожу,
Околдован огнями любви.
Ты гадаешь. — Меня не зови. —
Я и сам уж давно ворожу.

От тяжелого бремени лет
Я спасался одной ворожкой.
И опять ворожу над тобой,
Но неясен и смутен ответ.

* * *

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Все в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И молча жду, — *тоскуя и любя.*

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко,
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

* * *

Я жду призыва, ищу ответа,
Немее небо, земля в молчаньи,
За желтой пивой — далеко где-то —
На миг проснулось мое воззванье.

Из отголосков далекой речи,
С ночного неба, с полей дремотных,
Все мнятся тайны грядущей встречи,
Свиданий ясных, но мимолетных.

Я жду — и трепет объемлет новый,
Все ярче небо, молчанье глуше...
Ночную тайну разрушит слово...
Помилуй, Боже, ночные души!

На миг проснулось за пивой, где-то,
Далеким эхом мое воззванье.
Все жду призыва, ищу ответа,
Но странно длится земли молчанье...

* * *

С. М. Соловьёву.

Входите все. Во внутренних покоях
Завета нет, хоть тайна здесь лежит.
Старинных книг на древних аналоях
Смущает вас оцепеневший вид.

Здесь в них жива святая тайна Бога,
И этим древностям истленья нет.
Вы, гордые, что создали так много,
Внушитель ваш и зодчий — здешний свет.

Напрасно вы исторгнули безбожно
Крикливые хуленья на Творца.
Вы все, рабы свободы невозможной,
Смутитесь здесь пред тайной без конца.

* * *

Сумерки, сумерки вешние,
Хладные волны у ног,
В сердце — надежды нездешние,
Волны бегут на песок.

Отзвуки, песня далекая,
Но различить — не могу.
Плачет душа одинокая
Там, на другом берегу.

Тайна ль моя совершается,
Ты ли зовешь вдалеке?
Лодка ныряет, качается,
Что-то бежит по реке.

В сердце — надежды нездешние,
Кто-то навстречу — бегу...
Отблески, сумерки вешние,
Клики на том берегу.

* * *

Ты горишь над высокой горою,
Недоступна в Своем терему.
Я примчуся вечерней порою,
В упоеньи мечту обниму.

Ты, заслышав меня издалека,
Свой костер разведешь ввечеру.
Стану, верный велениям Рока,
Постигать огневую игру.

И, когда среди мрака снопами
Искры станут кружиться в дыму,—
Я умчусь с огневыми кругами
И настигну Тебя в терему.

* * *

Встану я в утро туманное,
Солнце ударит в лицо.
Ты ли, подруга желанная,
Всходишь ко мне на крыльцо?

Настежь ворота тяжелые!
Ветром пахнуло в окно!
Песни такие веселые
Не раздавались давно!

С ними и в утро туманное
Солнце и ветер в лицо!
С ними подруга желанная
Всходит ко мне на крыльцо!

* * *

Медленно в двери церковные
Шла я, душой песвободная,
Слышались песни любовные,
Толпы молились пародные.

Или в минуту безверия
Он мне послал облегчение?
Часто в церковные двери я
Ныне вхожу без сомнения.

Падают розы вечерние,
Падают тихо, медлительно.
Я же молюсь сусвернее,
Плачу и каюсь мучительно.

* * *

Ночью вьюга снежная
Заметала след.
Розовое, нежное
Утро будит свет.

Встали зори красные,
Озаряя снег.
Яркое и страстное
Всколыхнуло брег.

Вслед за льдиной синею
В полдень я всплыву.
Деву в снежном инее
Встречу наяву.

НОЧЬ НА НОВЫЙ ГОД.

Лежат холодные туманы,
Горят багровые костры.
Душа морозная Светланы
В мечтах таинственной игры.
Скрипнет снег — сердца займутся —
Снова тихая луна.
За воротами смеются,
Дальше — улица темна.
Дай взгляну на праздник смеха,
Вниз сойду, покрыв лицо!
Ленты красные — помеха,
Милый глянет на крыльцо...

Растут невнятно розовые тени,
Высок и вмятен колокольный зов,
Ложится мгла на старые ступени...
Я озарен — я жду твоих шагов.

* * *

Сны раздумий небывалых
Стерегут мой день.
Вот видений запоздалых
Пламенеет тень.

Все лучи моей свободы
Заалели т а м.
З д е с ь снега и непогоды
Окружили храм.

Все виденья так мгновенны —
Буду ль верить им?
Но Владычицей вселенной,
Красотой неизреченной,
Я, случайный, бедный, тленный,
Может быть, любим.

Дни свиданий, дни раздумий
Стерегут в тиши...
Ждать ли пламенных безумий
Молодой души?

Иль, застывши в снежном храме,
Не открыв лица,
Встретить брачными дарами
Вестников конца?

* * *

На весенний праздник света
Я зову родную тень.
Приходи, не жди рассвета,
Приноси с собою день!

Новый день — не тот, что бьется
С ветром в окна по весне!
Пусть без умолку смеется
Небывалый день в окне!

Мы тогда откроем двери,
Мы заплачем и вздохнем,
Наши зимние потери
С легким сердцем понесем!

* * *

Мы живем в старинной келье
У разлива вод.
Здесь весной кипит веселье,
И река поет.

Но в предвестие веселий,
В день весенних бурь
К нам прольется в двери келии
Светлая лазурь.

И полны заветной дрожью
Долгожданных лет
Мы помчимся к бездорожью
В несказанный свет.

* * *

И Дух, и Невеста
говорят: приходи.

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Все дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Передо мной — к бездорожью
Золотая межа.

Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.

Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.

* * *

Гадай и жди. Среди полночи
В твоём окошке, милый друг,
Зажгутся дерзостные очи,
Послышится условный стук.

И мимо, задувая свечи,
Как некий Дух, закрыв лицо,
С надеждой невозможной встречи
Пройдет на милое крыльцо.

* * *

Весна в реке ломает льдины,
И милых мертвых мне не жаль:
Преодолев мои вершины,
Забыл я зимние теснины
И вижу голубую даль.

Что сожалеть в дыму пожара,
Что сокрушаться у креста,
Когда всечасно жду удара,
Или божественного дара
Из Моисеева куста!

* * *

Мы встречались с тобой на закате,
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твое белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи
Впереди — на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.

Приближений, сближений, сгораний —
Не приемлет лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Все померкло, прошло, отошло...
Очертание белого стана
И твое золотое весло.

* * *

Брожу в стенах монастыря,
Безрадостный и темный инок.
Чуть брежжит бледная заря,—
Слежу мелькания снежинок.

Ах, ночь длинна, заря бледна
На нашем севере угрюмом.
У занесенного окна
Упорным предаются думам.

Один и тот же снег — белей
Петрутой и вечной ризы.
И вечно бледный воск свечей,
И убеленные карнизы.

Мне странен холод здешних стен
И непонятна жизни бедность.
Меня пугает сонный плен
И братий мертвенная бледность.

Заря бледна и ночь долга,
Как ряд заутрень и обеден.
Ах, сам я бледен, как снега,
В упорной думе сердцем беден...

* * *

Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кадильный берегу.
Она без мысли и без речи
На том смеется берегу.

Люблю вечернее моление
У бслрой церкви пад рекой,
Передзакатное селенье
И сумрак мутно-голубой.

Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю белые цветы.

Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрежжит брачная заря.

* * *

Свет в окошке шатался,
В полумраке — один —
У подъезда шептался
С темнотою арлекип.

Был окутанный мглою
Бело-красный наряд.
Наверху — за стеною
Шутовской маскарад.

Там лицо укрывали
В разноцветную ложь.
Но в руке узнавали
Неизбежную дрожь.

«Он» — мечом деревянным
Начертал письма.
Восхищенная странным,
Потушлялась «она».

Восхищенью не веря,
С темнотою — один —
У задумчивой двери
Хохотал арлекип.

* * *

Золотистой долиной
Ты уходишь, нем и дик.
Таает в небе журавлиный
Удаляющийся крик.

Замер, кажется, в зените
Грустный голос, долгий звук.
Бесконечно тянет нити
Торжествующий паук.

Сквозь прозрачные волокна
Солнце, света на тая,
Праздно бьет в слепые окна
Опустелого жилья.

* * *

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

Дорога, под луной бела,
Казалось, наполнилась шагами.
Там только чья-то тень брела
И опустилась за холмами.

И слушал я — и услышал:
Среди дрожащих лунных пятен
Далеко, звонко конь скакал,
И легкий посвист был понятен.

Не здесь, а дальше — ровный звук,
И сердце медленно боролось.
О, как понять, откуда стук,
Откуда будет слышен голос?

И вот, слышнее звоп коньт,
И белый конь ко мне несется...
И стало ясно, кто молчит
И на пустом седле смеется.

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

ЭККЛЕСИАСТ.

Бысть Эккlesiаст мудр.

Благословляя свет и тень
И веселясь игрою лирной,
Смотри туда — в хаос безмирный,
Куда склоняется твой день.

Цела серебряная цепь,
Твои наполнены кувшины,

Миндаль цветет на дне долины,
И влажным зноем дышит степь.

Идешь ты к дому на горах,
Полдненным солнцем залитая;
Идешь,— повязка золотая
В смолистых тонет волосах.

Зачахли канерса цветы,
И вот кузнечик тяжелеет,
И на дороге ужас веет,
И помрачились высоты.

Молоть устали жернова.
Бегут испуганные стражи,
И всех объемлет призрак вражий,
И долу гнутся дерева.

Все диким страхом смятено.
Стопнулись в кучу люди, звери.
И тицетно замыкают двери
Досель смотревшие в окно.

* * *

О легендах, о сказках, о тайнах.
Был один Всепобедный Христос.
На пустынях, на думах случайных
Начертался и вихри пронес.

Мы терзались, стирались веками,
Закаляли железом сердца,
Утомленные, вновь вспоминали
Непостижную тайну Отца.

И пред Ним распростертые долу
Замираем на тонкой черте:
Не понять Золотого Глагола
Изнуренной железом мечте.

* * *

Любил я нежные слова.
Искал таинственных соцветий.
И, прозревающий едва,
Еще шумел, как в играх дети.

Но, выходя под утро в луг,
Твердя невнятные напевы,
Я знал Тебя, мой вечный друг,
Тебя, хранительница—Дева.

Я знал, задумчивый поэт,
Что ни один не ведал гений
Такой свободы, как обет
Моих невольничьих Служений.

* * *

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

* * *

И их хранил в приделе Иоанна,
Недвижный страж, — хранил огонь
лампад.

И вот — Она, и к Ней — моя Осанна —
Венец трудов — превыше всех наград.

Я скрыл лицо, и проходили годы.
Я пребывал в Служеньи много лет.

И вот зажглись лучом вечерним своды,
Она дала мне Царственный Ответ.

Я здесь один хранил и теплил свечи.
Один — пророк — дрожал в дыму кадил.

И в Оный День — один участник
встречи —
Я этих встреч ни с кем не разделил.

8 ноября 1902.

* * *

Андрею Белому.

Целый год не дрожало окно,
Не звенела тяжелая дверь;
Все забылось — забылось давно,
И она отворилась теперь.

Сустились, поспешно крестясь...
Выносили серебряный гроб...
И старуха, за ручку держась,
Спотыкалась о снежный сугроб.

Равнодушные лица толпы,
Любопытных соседей набег...
И кругом протоптали тропы,
Осквернив целомудренный снег.

Но, ложась в снеговую постель,
Услыхал заключенный в гробу,
Как вдали запевала метель,
К небесам подымая трубу.

* * *

Я к людям не выйду навстречу,
Испугаюсь хулы и похвал.
Пред Тобой Одною отвечу,
За то, что всю жизнь молчал.

Молчаливые мне понятны,
И люблю обращенных в слух:
За словами — сквозь гул невнятный
Просыпается светлый Дух.

Я выйду на праздник молчанья,
Моего не заметят лица.
Но во мне — потаенное знанье
О любви к Тебе без конца.

* * *

Потемнели, поблекли залы.
Почернела решотка окна.
У дверей шептались вассалы:
— Королева, королева больна.

И король, нахмуривший брови,
Проходил без пажей и слуг.
И в каждом брошенном слове
Ловили смертный недуг.

У дверей затихнувшей спальни
Я плакал, сжимая кольцо.
Там — в конце галереи дальней
Кто-то вторил, закрыв лицо.

У дверей Несравненной Дамы
Я рыдал в плаще голубом.
И, шатаясь, вторил тот самый —
Незнакомец с бледным лицом.

* * *

Погружался я в море клевера,
Окруженный сказками пчел.
Но ветер, зовущий с севера,
Мое детское сердце нашел.

Призывал на битву равнинную —
Побороться с дыханьем небес.
Показал мне дорогу пустынную,
Уходящую в темный лес.

Я иду по ней косогорами
И смотрю неустанно вперед,
Впереди с невидными взорами
Мое детское сердце идет.

Пусть глаза утомятся бессонные,
Запоет, заалеет пыль...
Мне цветы и пчелы влюбленные
Рассказали не сказку — был.

* * *

— Все ли спокойно в народе?
— Нет. Полководец убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит.

— Все ли готовы подняться?
— Нет. Каменеют и ждут.
Кто-то велел дожидаться:
Бродят и песни поют.

— Кто же поставлен у власти?
— Власти не хочет народ.
Дремлют гражданские страсти:
Слышно, что кто-то идет.

— Кто ж он, народный смиритель?
— Темен, и зол, и свиреп:
Инок у входа в обитель
Видел его — и ослеп.

Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада...
Посохом гонит железным...
— Боже! Бежим от Суда!

* * *

Мне снились веселые думы,
Мне снилось, что я не один...
Под утро проснулся от шума
И треска несущихся льдин.

Я думал о сбывшемся чуде...
А там, пачочив топоры,
Веселые, красные люди,
Смеясь, разводили костры:

Смолили тяжелые челны...
Река, распевая, несла
И синие льдины, и волны,
И тонкий обломок весла...

Пьяна от веселого шума,
Душа небывалым полна...
Со мною — весенняя дума,
Я знаю, что Ты не одна...

* * *

Отворяются двери — там мерцанья,
И за ярким окошком — виденья.
Не знаю — и не скрою незнанья,
Но усну — и потекут сновиденья.

В тихом воздухе — тающее, знающее...
Там что-то притаилось и смеется.

Что смеется? Мое ли, вздыхающее,
Мое ли сердце радостно бьется?

Весна ли за окнами — розовая, сонная?
Или это Ясная мне улыбается?
Или только мое сердце влюбленное?
Или только кажется? Или все узнается?

* * *

С. М. Соловьеву.

У забытых могил пробивалась трава,
Мы забыли вчера... И забыли слова...
И настала кругом тишина...

Этой смертью отшедших, сгоревших дотла,
Разве Ты не жива? Разве Ты не светла?
Разве сердце Твое — не весна?

Только здесь и дышать, у подножья могил,
Где когда-то я нежные песни сложил
О свиданьи, быть может, с Тобой...

Где впервые в мои восковые черты
Отдаленною жизнью повеяла Ты,
Пробиваясь могильной травой...

* * *

Просыпаюсь я — и в поле туманно,
Но с моей вышки — на солнце укажу.
И пробуждение мое безжеланно,
Как девушка, которой я служу.

Когда я в сумерки проходил по дороге,
Заприметился в окошке красный огонек.
Розовая девушка встала на пороге
И сказала мне, что я красив и высок.

В этом вся моя сказка, добрые люди.
Мне больше не надо от вас ничего:
Я никогда не мечтал о чуде —
И вы успокойтесь — и забудьте про него.

* * *

М. А. Олениной д'Альгейм.

Темная, бледно-зеленая
Детская комнатка.
Нянюшка бродит сонная.
«Спи, мое дитяtko».

В углу — лампадка зеленая.
От нее — золотые лучики.
Нянюшка над постелькой склоненная...
«Дай заверну твои ноженьки и рученьки».

Нянюшка села и задумалась.
Лучики побежали — три лучика.
«Нянюшка, о чем ты задумалась?
— Расскажи про святого мученика».

Три лучика. Один тоненький...
«Святой мученик, дитяtko, преставился...
— Закрой глазки, мой мальчик сонненький.
— Святой мученик от мученья избавился».

ФАБРИКА.

В соседнем доме окна желты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу все с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

ИЗ ГАЗЕТ.

Встала в сияньи. Крестила детей.
И дети увидели радостный сон.
Положила, до полу клонясь головой,
Последний земной поклон.

Коля проснулся. Радостно вздохнул,
Голубому сну еще рад наяву.
Прокатился и замер стеклянный гул:
Звенящая дверь хлопнула вниз.

Прошли часы. Приходил человек
С оловянной бляхой на теплой шапке.
Стучал и дожидался у двери человек.
Никто не открыл. Играли в прятки.

Были веселые морозные Святки.

Прятали мамин красный платок.
В платке уходила она по утрам.
Сегодня оставила дома платок:
Дети прятали его по углам.

Подкрались сумерки. Детские тени
Запрыгали на стене при свете фонарей.
Кто-то шел по лестнице, считая ступени.
Сосчитал. И заплакал. И постучал
у дверей.

Дети прислушались. Отворили двери.
Толстая соседка принесла им щей.
Сказала: — Кушайте. Встала на колени
И, кланяясь, как мама, крестила детей.

Мамочке не больно, розовые детки.
Мамочка сама на рельсы легла.
Доброму человеку, толстой соседке,
Спасибо, спасибо. Мама не могла...

Мамочке хорошо. Мама умерла.

* * *

Мой любимый, мой князь, мой жених,
Ты печален в цветистом лугу.
Павиликой средь нив золотых
Завилась я на том берегу.

Я ловлю твои сны на лету
Бледно-белым прозрачным цветком.
Ты сомнешь меня в полном цвету
Белогрудым усталым конем.

Ах, бессмертье мое растопчи,—
Я огонь для тебя сберегу.
Робко пламя церковной свечи
У заутрени бледной зажгу.

В церкви станешь ты, бледен лицом,
И к Царице Небесной придешь,—
Колыхнусь восковым огоньком,
Дам почуять знакомую дрожь...

Над тобой — как свеча — я тиха,
Пред тобой — как цветок — я нежна,
Жду тебя, моего жениха,
Все невеста — и вечно жена.

* * *

Наш Арго!

Андрей Белый.

Сторожим у входа в терем,
Верные рабы.
Страстно верим, выси мерим,
Вечно ждем трубы.

Вечно — завтра. У решетки
Каждый день и час
Славословит голос четкий
Одного из нас.

Воздух полон воздыханий,
Грозовых надежд.
Вись горит от несмыканий
Воспаленных вежд.

Ангел розовый укажет,
Скажет: — Вот опа:
Бисер нижет, в нити вяжет —
Вечная Весна.

В светлый миг услышим звуки
Отходящих бурь.
Молча свяжем вместе руки,
Отлетим в лазурь.

* * *

Вот он — ряд гробовых ступеней.
И меж нас — никого. Мы вдвоем.
Спи ты, нежная спутница дней,
Залитых небывалым лучом.

Ты покоишься в белом гробу.
Ты с улыбкой зовешь: не буди.
Золотистые пряди на лбу.
Золотой образок на груди.

Я отпраздновал светлую смерть,
Прикоснувшись к руке восковой.
Остальное — бездонная твердь
Схоронила во мгле голубой.

Сни — твой отдых никто не прервет.
Мы — окрай неизвестных дорог.
Всю ненастную ночь напролет
Здесь горит сияющий чертог.

Июнь 1904.

БОЛОТНЫЕ ЧЕРТЕНЯТКИ.

А. М. Ремизову.

Я прогнал тебя кнутом
В полдень сквозь кусты,
Чтоб дожидаться здесь вдвоем
Тихой пустоты.

Вот — сидим с тобой на мху
Посреди болот.
Третий — месяц наверху —
Искривил свой рот.

Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой также стерт.
Тише вод и ниже трав —
Захудалый чорт.

На дурацком колпаке
Бубенец разлук.
За плечами — вдалеке —
Сеть речных излук...

И сидим мы, дурачки,—
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
Задом наперед.

Зачумленный соп воды,
Ржавчина волны...
Мы — забытые следы
Чьей-то глубины...

* * *

Ты в поля отошла без возврата.
Да святится Имя Твое!
Снова красные копыя заката
Протянули ко мне острие.

Лишь к Твоей золотой свирели
В черный день устами прильну,
Если все мольбы отзвенели,—
Угнетенный, в поле усну.

Ты пройдешь в золотой порфире —
Уж не мне глаза разомкнуть.
Дай вздохнуть в этом сонном мире,
Целовать излученный путь...

О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой рукой!

БОЛОТНЫЙ ПОПИК.

На весенней проталинке
За вечерней молитвою — маленький
Попик болотный виднеется.

Ветхая ряска над кочкой
Чернеется
Чуть заметною точкой.

И в безбурности зорь красноватых
Не видать чертенят бесноватых,
Но вечерняя прелесть
Увила вокруг него свои тонкие руки...
Предзакатные звуки...
Легкий шелест.

Тихонько он молится,
Улыбается, клонится,
Приподняв свою шляпу.
И лягушке хромой, ковыляющей,
Травой исцеляющей
Перевяжет болящую лапу.

Перекрестит и пустит гулять:
— Вот, ступай в родимую гать.
— Душа моя рада
— Всякому гаду
— И всякому зверю
— И о всякой вере.

И тихонько молится,
Приподняв свою шляпу,
За стебель, что клонится,
За большую звериную лапу,
И за римского папу.—

Не бойся пучины тряской,
Спасет тебя черная ряска.

На весеннем пути в теремок
Перелетный вспорхнул ветерок,
Прозвенел золотой голосок.

Постояла она у крыльца,
Поискала дверного кольца,
И поднять не посмела лица.

И ушла в синеватую даль,
Где дымилась весенняя таль,
Где кружилась над лесом печаль.

Там — в березовом дальнем кругу —
Старикашка сгибал из березы дугу
И заметил ее на лугу.

Закричал и запрыгал на пне:
— Ты, красавица, верно, ко мне!
— Стосковалась в своей тишине!

За корявые пальцы взялась,
С бороною зеленой сплелась
И с туманом лесным поднялась.

Так тоскуют они об одном,
Так летают они вечерком,
Так венчалась весна с колдуном.

* * *

Она веселой невестой была.
Но смерть пришла. Она умерла.

И старая мать погребла ее тут.
Но церковь упала в зацветший пруд.

Над зыбью самых глубоких мест
Плывет один неподвижный крест.

Миновали сотни и сотни лет,
А в старом доме юности нет.

И в доме, уставшем юности ждать,
Одна осталась старая мать.

Старуха вдевает нити в иглу.
Тени нитей дрожат на светлом полу.

Тихо как будет. Светло как было.
И счет годин старуха забыла.

Как мир, стара, как лушь, седа.
Никогда не умрет, никогда, никогда.

А вдоль комодов, вдоль старых кресел
Мушиный танец все так же весел,

И красные нити лежат на полу,
И мышь щекочет обои в углу.

В зеркальной глуби — еще покой
С такой же старухой, как лушь седой.

И те же книги, и те же мыши
И тот же образ смотрит из ниши —

В окладе темном — темней пруда,
Со взором скромным — всегда, всегда...

Давно потухший взгляд безучастный,
Клубок из нитей веселый, красный...

И глубже, и глубже покоев ряд,
И в окна смотрит все тот же сад,

Зеленый, как мир; высокий, как почь;
Нежный, как отошедшая дочь.

— Вернись, вернись. Нить не хочет тлеть.
— Дай мне спокойно умереть.

* * *

Полюби эту вечность болот,
Никогда не иссякнет их мощь.
Этот знак, что сгорел,— не умрет.
Этот куст — без исления — тощ.

Эти ржавые кочки и пни
Знают твой отдыхающий плен.
Неизменно предвечны они,—
Ты пред Вечностью полон измен.

СТАРУШКА И ЧЕРТЕНЯТА.

Григорию Е.

Побывала старушка у Троицы
И все дальше идет на Восток.
Вот сидит возле белой околицы,
Обвевает ее вечерок.

Собрались чертенята и карлики,
Только диву даются в кустах
На костыль, на мешок, на сухарики,
На усталые ноги в лаптях.

«Эта странница, верно, не рада нам —
Приложилась к мощам — и свята;
Надышалась божественным ладаном,
Чтобы видеть Святые Места».

И мохнатые, малые каются,
Умиленно глядят на костыль,
Униженно в траве кувыркаются,
Поднимают копытами пыль:

«Ты прости нас, старушка ты Божия.
Не бери нас в Святые Места!
Мы и здесь лобызаем подножия
Своего, полевого Христа.

Занимаются села пожарами,
Грозовая над нами весна,
Но за майскими тонкими чарами
Затлевает и нам Купина»...

БАЛАГАНЧИК.

Вот открыт балаганчик
Для веселых и славных детей,
Смотрят девочка и мальчик
На дам, королей и чертей.
И звучит эта адская музыка,
Завывает упылый смычок.
Страшный чорт ухватил карапузика,
И стекает клюквенный сок.

М а л ь ч и к.

Он спасается от черного гнева
Мановенисм белой руки.
Посмотри: огоньки
Приближаются слева...

Видишь факелы? видишь дымки?
Это, верно, сама королева...

Д е в о ч к а .

Ах, нет, зачем ты дразнишь меня?
Это — адская свита...
Королева — та ходит средь белого дня,
Вся гирляндами роз перевита,
И шлейф ее посит, мечами звеня,
Вздыхающих рыцарей свита.

Вдруг паяц перегнулся за рампу
И кричит: «Помогите!
Истекаю я клюквенным соком!
Забинтован тряпичей!
На голове моей — картонный шлем!
А в руке — деревянный меч!»
Заплакали девочка и мальчик,
И закрылся веселый балаганчик.

ОСЕННЯЯ ВОЛЯ.

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,

Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

Кто взманил меня на путь знакомый,
Усмехнулся мне в окно тюрьмы?
Или — каменным путем влекомый
Нищий, распевающий исалмы?

Нет, иду я в путь никем не званный,
И земля да будет мне легка!
Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью пив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю...

Много нас — свободных, юных,
статных —

Умирает, не любя...
Приюти ты в далях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

* * *

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам,— плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

* * *

Евгению Иванову.

Вот он — Христос — в цепях и розах —
За решеткой моей тюрьмы.
Вот Агнец Кроткий в белых ризах
Пришел и смотрит в окно тюрьмы.

В простом окладе синего неба
Его икона смотрит в окно.
Убогий художник создал небо,
Но Лик и синее небо — одно.

Единый, Светлый, немного грустный —
За Ним восходит хлебный знак,
На пригорке лежит огород капустный,
И березки и елки бегут в овраг.

И все так близко и так далеко,
Что, стоя рядом, достичь нельзя,
И не постигнешь синего Ока,
Пока не станешь сам, как стезя.

Пока такой же пиццей не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всем не забудешь и всего
не разлюбишь,
И не поблекнешь, как мертвый знак.

МИТИНГ.

Он говорил умно и резко,
И тусклые зрачки
Метали прямо и без блеска
Слепые огоньки.

А снизу устремлялись взоры
От многих тысяч глаз,

И он не чувствовал, что скоро
Пробьет последний час.

Его движенья были верны,
И голос был суров,
И борода качалась мерно
В такт запыленных слов.

И серый, как ночные своды,
Он знал всему предел.
Цениями тягостной свободы
Уверенно гремел.

Но те, впризу, не понимали
Ни чисел, ни имен,
И знаком долга и печали
Никто не заклеял.

И тихий ронот поднял руку,
И дрогнули огни.
Пронесся шум, подобный звуку
Упавшей головни.

Как будто свет из мрака брызнул,
Как будто был намек...
Толпа проснулась. Дико взвизгнул
Пронзительный свисток.

И в звоны стекол перебитых
Ворвался стон глухой,
И человек упал на плиты
С разбитой головой.

Не знаю, кто ударом камня
 Убил его в толпе,
И струйка крови, помню ясно,
 Осталась на столбе.

Еще свистки ломали воздух,
 И крик еще стоял,
А он уж лег на вечный отдых
 У входа в шумный зал...

Но огонек блеснул у входа...
 Другие огоньки...
И звонко брякнули у свода
 Взведенные курки.

И промелькнуло в беглом свете,
 Как человек лежал,
И как солдат ружье над мертвым
 Наперевес держал.

Черты лица бледней казались
 От черной бороды,
Солдаты, молча, собирались
 И строились в ряды.

И в тишине, внезапно вставшей,
 Был светел круг лица,
Был тихий Ангел пролетающий,
 И радость без конца.

* * *

Еще прекрасно серое небо,
Еще безнадежна серая даль.
Еще несчастных, просящих хлеба,
Никому не жаль, никому не жал!

И над заливом голос черни
Пропал, развеялся в невском сне.
И дикие вопли: «Свергни! О, свергни!»
Не будят жалости в сонной волне...

И в небе сером холодные светы
Одели Зимний дворец царя.
И латник в черном не даст ответа,
Пока не застигнет его заря.

Тогда, алея над водной бездной,
Пусть он угрюмой опустит меч,
Чтоб с дикой чернью в борьбе
бесполезной
За древнюю сказку мертвым лечь.

18 окт(ября) 1905.

СКАЗКА О ПЕТУХЕ И СТАРУШКЕ.

Петуха упустила старушка,
Золотого, как день, петуха!
Не сама отворилась клетушка,
Долго ль в зимнюю ночь до греха!

И на белом узорном крылечке
Промелькнул золотой гребешок...
А старуха спускается с печки,
Все не может найти посошок...

Вот — ударило светом в оконце,
Загорелся старушечий глаз...
На дворе — словно яркое солнце,
Деревенька стоит напоказ.

Эх, какая беда приключилась,
Внопыхах не нащупать клюки...
Ишь, проклятая, где завалилась!..
А у страха глаза велики:

Вон стоит он в углу, озаренный,
Из-под шапки таращит глаза...
А на улице — снежной и сонной —
Суматоха, возня, голоса...

Прибежали к старухину дому,
Захватили ведро, кто не глух...
А уж в кучке золы — незнакомый
Робко съежился маленький труп...

Долго, бабушка, верно искала,
Не сыскала ты свой посошок...
Петушка своего потеряла,
Ан, нашел тебя сам петушок!

Зимний ветер гуляет и свищет,
Все играет с торчащей трубой...
Мертвый глаз будто все еще ищет,
Где пропал петушок... золотой.

А над кучкой золы разметенной,
Где гулял и клевал петушок,
То погаснет, то вспыхнет червонный
Золотой, удалой гребешок.

НОЧНАЯ ФИАЛКА.

Миновали случайные дни
И равнодушные ночи,
И, однако, памятно мне
То, что хочу рассказать вам,
То, что случилось во сне.

Город вечерний остался за мною.
Дождь начинал моросить.
Далеко, у самого края,
Там, где небо, устав прикрывать
Поступки и мысли сограждан моих,
Упало в болото,—
Там краснела полоска зари.

Город покинув,
Я медленно шел по уклону
Малозастроенной улицы,
И, кажется, друг мой со мной.
Но если и шел он,
То молчал всю дорогу.
Я ли просил помолчать,
Или сам он был грустно настроен,
Только, друг другу чужие,
Разное видели мы:

Он видел извощицьи дрожки,
 Где молодые и лысые франты
 Обнимали раскрашенных женщин.
 Также не были чужды ему
 Девицы, смотревшие в окна
 Сквозь желтые бархатцы...
 Но все посерело, померкло,
 И зренье у спутника — также,
 И, верно, другие желанья
 Его одолели,
 Когда он исчез за углом,
 Нахлобучив картуз,
 И оставил меня одного
 (Чем я был несказанно доволен,
 Ибо что же приятней на свете,
 Чем утрата лучших друзей?)
 Прохожих стало все меньше.
 Только тощие псы попадались навстречу,
 Только пьяные бабы ругались вдали.
 Над равниною мокрой торчали
 Кочерыжки капусты, березки и вербы,
 И нахло болотом.

И пока прояснялось сознание,
 Умолкали шаги, голоса,
 Разговоры о тайнах различных религий,
 И заботы о плате за строчку,—
 Становилось ясней и ясней,
 Что когда-то я был здесь и видел
 Все, что вижу во сне,— наяву.

Опустилась дорога,
 И не стало видно строений.

На болоте, от кочки до кочки,
Над стоячей и ржавой водой
Перекинута мостики были,
И тропинка вилась
Сквозь лилово-зеленые сумерки
В сон, и в дрему, и в лень,
Где внизу и вверху,
И над кочкою чахлой,
И над красной полоской зари —
Затаил ожидание воздух
И, как будто, на страже стоял,
Ожидая расцвета
Нежной дочери струй
Водяных и воздушных.

И педаром все было спокойно
И торжественной встречей полно:
Ведь никто не слышал никогда
От родителей смертных,
От наставников школьных,
Да и в книгах никто не читал,
Что вблизи от столицы,
На болоте глухом и пустом,
В час фабричных гудков и журфиксов
В час забвенья о зле и добре,
В час разгула родственных чувств
И развратно длинных бесед
О дурном состоянии желудка
И о новом совете министров,
В час презренья к лучшим из нас,
Кто, падений своих не скрывая,
Без стыда продает свое тело
И на пыльно-трескучих тротуарах
С наглой скромностью смотрит в глаза,—

Что в такой оскорбительный час
Всем доступны виденья.
Что такой же бродяга, как я,
Или, может быть, ты, кто читаешь
Эти строки, с любовью иль злобой,—
Может видеть лилово-зеленый
Безмятежный и чистый цветок,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так я знал про себя,
Проходя по болоту,
И увидел сквозь сетку дождя
Небольшую избушку.
Сам не зная, куда я забрел,
Приоткрыл я тяжелую дверь
И смущенно встал на пороге.

В длинной, низкой избе по стенам
Неуклюжие лавки стояли.
На одной — перед длинным столом —
Молчаливо сидела за пряжей,
Опустив над работой прибор,
Некрасивая девушка
С неприметным лицом.
Я не знаю, была ли она
Молода иль стара,
И какого цвета волосы были,
И какие черты и глаза.
Знаю только, что тихую пряжу пряла,
И потом, отрываясь от пряжи,
Долго, долго сидела, не глядя,
Без забот и без дум.
И еще я, наверное, знаю,
Что когда-то уж видел ее,

И была она, может быть, краше
И, пожалуй, стройней и моложе,
И, быть может, грустили когда-то,
Припадая к подножьям ее,
Короли в седирах голубых.

И запомнилось мне,
Что в избе этой пизкой
Веял сладкий дурман,
Оттого, что болотная дрема
За плечами моими текла,
Оттого, что пронизан был воздух
Зацветаньем Фиалки Ночной,
Оттого, что на праздник вечерний
Я не в брачной одежде пришел.
Был я нищий бродяга,
Посетитель ночных ресторанов,
А в избе собрались короли;
Но запомнилось ясно,
Что когда-то я был в их кругу
И устами касался их чаши
Где-то в скалах, на фьордах,
Где уж нет ни морей, ни земли,
Только в сумерках спешных
Чуть блестят золотые вещи
Скандинавских владык.

Было тяжело опять приступить
К исполнению сурового долга,
К поклонению забытым вещам,
Но они дожидались,
И, грустя, засмеялась душа
Запоздалому их ожиданью.

Обходил я избу,
Руки жал я товарищам прежним,
Но они не узнали меня.
Наконец, за огромною бочкой
(Верно, с пивом), на узкой скамье
Я заметил сидящих
Старика и старуху.
И глаза различили венцы,
Потускневшие в воздухе ржавом,
На зеленых и древних кудрях.
Здесь сидели веками они,
Дождаясь привычных поклонов,
Чуть кивая пришельцам в ответ.
Обойдя всех сидевших на лавках,
Я отвесил поклон королям;
И по старым, глубоким морщинам
Пробежала усталая тень;
И привычно торжественным жестом
Короли мне велели остаться.
И тогда, обернувшись,
Я увидел последнюю лавку
В самом темном углу.

Там, на лавке неровной и шаткой,
Неподвижно сидел человек,
Опершись на колени локтями,
Подпирая руками лицо.
Было видно, что он, не старея,
Не меняясь, и думая думу одну,
Прогрустил здесь века,
Так, что члены одеревенели,
И теперь, обреченный, сидит
За одною и тою же думой

И за тою же кружкой пивной,
Что стоит рядом с ним на скамейке

И когда я к нему подошел,
Он не поднял лица, не ответил
На поклон, и не двинул рукой.
Только понял я, тихо взглядевшись
В глубину его тусклых очей,
Что и мне, как ему, суждено
Здесь сидеть — у недопитой кружки,
В самом темном углу.
Суждена мне такая же дума,
Так же руки мне надо сложить,
Так же тусклые очи направить
В дальний угол избы,
Где сидит над мерцающим светом,
За дремотой четы королевской,
За уснувшей дружиной,
За бесцельною пряжей —
Королевна забытой страны,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так сижу я в избе.
Рядом — кружка пивная
И печальный владелец ее.
Повемногу лицо его никнет,
Скоро тихо коснется колен,
Да и руки, не в силах согнуться,
Только брякнут костями,
Упадут и повиснут.
Этот нищий, как я, — в старину
Был, как я, благородного рода,
Стройным юношей, храбрым героем,
Обольстителем северных дев

И певцом скандинавских сказаний.
Вот обрывки одежды его:
Разноцветные полосы тканей,
Шитых золотом красным
И поблекших.

Дальше вижу дружину
На огромных скамьях:
Кто владеет в забвеньи
Рукоятью меча;
Кто, к щиту прислоняясь,
Увязил долговязую шпору
Под скамьей;
Кто свой шлем уронил, — и у шлема,
На истлевшем полу,
Пробивается бледная травка,
Обреченная жить без весны
И дышать стариной бездыханной.

Дальше — чинно, у бочки пивной,
Восседают старик и старуха,
И на них догорают венцы,
Озаренные узкой полоской
Отдаленной зари.
И струятся зеленые кудри,
Обрамляя морщин глубину,
И глаза под навесом бровей
Огоньками болотными дремлют.

Дальше, дальше — беззвучно прядет,
И прядет, и прядет королевна,
Опустив над работой пробор.
Сладким сном одурманила нас,
Опоила нас зельем болотным,

Окружила нас сказкой ночной,
А сама все цветет и цветет,
И болотами дышит Фиалка,
И беззвучная кружится прялка,
И прядет, и прядет, и прядет.

Цепенею, и сплю, и грущу,
И таю мою долгую думу,
И смотрю на полоску зарн.
И проходят, быть может, мгновенья,
А, быть может, — столетья.

Слышу, слышу сквозь сон
За стенами раскаты,
Отдаленные всплески,
Будто дальний прибой,
Будто голос из родины новой,
Будто чайки кричат,
Или стонут глухие сирены,
Или гонит играющий ветер
Корабли из веселой страны.
И печаянно Радость приходит,
И далекая пена бушует,
Зацветают далеко огни.

Вот сосед мой склонился на кружку,
Тихо брякнули руки,
И приникла к скамье голова.
Вот рассыпался меч, дребезжа.
Щит упал. Из-под шлема
Побежала веселая мышка.
А старик и старуха на лавке
Прислонились тихонько друг к другу,

И над старыми их головами
Больше нет королевских венцов.

И сижу на болоте,
Над болотом цветет,
Не старея, не зная измены,
Мой лиловый цветок,
Что зову я — Ночною Фиалкой.

За болотом остался мой город;
Тот же вечер и та же заря.
И, наверное, друг мой, шатаюсь,
Не однажды домой приходил
И ругался, меня проклиная,
И мертвецким сном засыпал.

Но столетья прошли,
И продумал я думу столетий.
Я у самого края земли,
Одинокий и мудрый, как дети.
Так же тих догорающий свод,
Тот же мир меня тягостный встретил.
Но Ночная Фиалка цветет,
И лиловый цветок ее светел.
И в зеленой ласкающей мгле
Слышу волн круговое движенье,
И больших кораблей приближенье,
Будто вести о новой земле.
Так заветная прялка прядет
Сон живой и мгновенный,
Что нечаянно Радость придет
И пребудет она совершенной.

И Ночная Фиалка цветет.

НЕЗНАКОМКА.

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!» кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?)
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие, бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ.

Мы встретились с тобою в храме
И жили в радостном саду,
Но вот зловонными дворами
Пошли к проклятью и труду.

Мы миновали все ворота
И в каждом видели окне,
Как тяжело лежит работа
На каждой согнутой спине.

И вот пошли туда, где будем
Мы жить под низким потолком,
Где прокляли друг друга люди,
Убитые своим трудом.

Стараясь не запачкать платья,
Ты шла меж спящих на полу;
Но самый сон их был проклятье,
Вон там — в заплеванном углу.

Ты обернулась, заглянула
Доверчиво в мои глаза...
И на щеке моей блеснула,
Скатилась пьяная слеза.

Нет! Счастье — праздная забота,
Ведь молодость давно прошла.
Нам скоротает век работа,
Мне — молоток, тебе — игла.

Сиди, да шей, смотри в окошко,
Людей повсюду гонит труд,
А те, кому трудней немножко,
Те песни длинные поют.

Я близ тебя работать стану,
Авось ты не припомнишь мне,
Что я увидел дно стакана,
Топя отчаянье в вине.

В ОКТЯБРЕ.

Открыл окно. Какая хмурая
Столица в октябре!
Забитая лошадка бурая
Гуляет на дворе.

Спежинка легкою пушинкою
Порхает на ветру,
И елка слабенькой вершинкою
Мотает на юру.

Жилось легко, жилось и молодо —
Прошла моя пора.
Вон — мальчик, посинев от холода,
Дрожит среди двора.

Все, все по старому, бывалому,
И будет как всегда:
Лошадке и мальчишке малому
Не сладки холода.

Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак.
Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.

А все хочу свободной волею
Свободного житья,
Хоть нет звезды счастливой более
С тех пор, как запил я.

Давно звезда в стакан мой канула, —
Ужели навсегда?..
И вот душа опять воспрянула:
Со мной моя звезда!

Вот, вот — в глазах плывет манящая,
Качается в окне...
И жизнь начнется настоящая,
И крылья будут мне!

И даже все свое имущество
С собою захвачу!
Познал, познал свое могущество!
Вот вскрикнул... и лечу!

Лечу, лечу к мальчишке малому,
Средь вихря и огня...
Все, все по старому, бывалому,
Да только — без меня!

РУСЬ.

Ты и во сне необычайна.
 Твоей одежды не коснусь.
 Дремлю — и за дремотой тайна,
 И в тайне — ты почишь, Русь.

Русь, опоясана реками
 И дебрями окружена,
 С болотами и журавлями,
 И с мутным взором колдуна,

Где разноликие народы
 Из края в край, из дола в дол
 Ведут ночные хороводы
 Под заревом горящих сел.

Где ведуны с ворожеями
 Чаруют злаки на полях,
 И ведьмы тешатся с чертями
 В дорожных снеговых столбах,

Где буйно заметает вьюга
 До крыши — утлое жильё,
 И девушка на злого друга
 Под снегом точит лезвее.

Где все пути и все распутья
 Живой клюкой измождены,
 И вихрь, свистящий в голых прутьях,
 Поет преданья старины...

Так — я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищету,
И в лоскутах ее лохмотий
Души скрываю наготу.

Тропу печальную, ночную
Я до погоста протоптал,
И там, на кладбище ночуя,
Педолгу песни распевал.

Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах, ты,
И вот, она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне — почивает Русь,
Она и в снах необычайна.
Ее одежды не коснусь.

СЫН И МАТЬ.

Моей матери.

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.

В песнях матери оставленной
Золотая радость есть:
Только б он пришел прославленный,
Только б радость перенести!

Вот, в доспехе ослепительном,
Слышно, ходит сын во мгле.
Дух свой предал небожителям,
Сердце — матери—земле.

Петухи поют к заутрене.
Ночь испуганно бежит.
Хриплый рог туманов утренних
За спиной ее трубит.

Вот он, сын мой, в светлом облаке,
В шлеме утренней зари!
Сыплет он стрелами колкими
В чернолесья, в пустыри!..

Веет ветер очистительный
От небесной синевы.
Сын бросает меч губительный,
Шлем снимает с головы.

Точит грудь его пронзенная
Кровь и горные хвалы:
Здравствуй, даль, освобожденная
От почной туманной мглы!

В сердце матери оставленной
Золотая радость есть:
Вот он, сын мой, окровавленный!
Только б радость перенести!

Сын не забыл родную мать:
Сын воротился умирать.

БАЛАГАН.

Ну, старая кляча, пойдём
ломать своего Шекспира!

Кин (А. Дюма).

Над черной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут, покряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.

Лицо дневное Арлекина
Еще бледней, чем лик Пьеро.
И в угол прячет Коломбина
Лохмотья, сшитые пестро...

Тащитесь, траурные клячи!
Актеры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло!

В тайник души проникла плесень,
Но надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути.

* * *

Хожу, брожу понурый,
Один в своей норе.
Придет шарманщик хмурый
Заплачет на дворе.

О той свободной доле,
Что мне не суждена,
О том, что ветер в поле,
А на дворе — весна.

А мне — какое дело?
Брожу один, забыт.
И свечка догорела,
И маятник стучит.

Одна, одна надежда
Вон там, в ее окне.
Светла ее одежда,
Она придет ко мне.

А я, нахмурив брови,
Ей в сотый передам,
Как много портил крови
Знакомым и друзьям.

Опять нам будет сладко,
И тихо, и тепло.
В углу горит лампадка,
На сердце отлегло...

Зачем она приходит
Со мною говорить?
Зачем в иглу проводит
Веселенькую нить?

Зачем она роняет
Веселые слова?
Зачем лицо склоняет
И прячет в кружева?

Как холодно и тесно,
Когда ее здесь нет!
Как долго неизвестно,
Блеснет ли в окнах свет.

Лицо мое блесе,
Чем белая стена...
Опять, опять сробею,
Когда придет она...

Ведь нечего бояться
И нечего терять...
Но падо ли сказаться?
Но можно ли сказать?

И что ей молвить — нежной?
Что сердце расцвело?
Что ветер веет снежный?
Что в комнате светло?

НА ЧЕРДАКЕ.

Что на свете выше
Светлых чердаков?
Вижу трубы, крыши
Дальних кабаков.

Путь туда заказан,
И на что — теперь?
Вот — я с ней лишь связан...
Вот — закрыта дверь...

А она не слышит —
Слышит — не глядит,
Тихая — не дышит,
Белая — молчит...

Уж не просит кушать...
Ветер свищет в щель.
Как мне любо слушать
Вьюжную свирель!

Ветер, снежный север,
Давний друг ты мне!
Подари ты веер
Молодой жене!

Подари ей платье
Белое, как ты!
Нанеси в кровать ей
Снежные цветы!

Ты дарил мне горе,
Тучи, да снега...
Подари ей зори,
Бусы, жемчуга!

Чтоб была нарядна
И, как снег, бела!
Чтоб глядел я жадно
Из того угла!..

Слаще пой ты, вьюга,
В снежную трубу,
Чтоб спала подруга
В ледяном гробу!

Чтоб она не встала,
Не скрипи, доска...
Чтоб не испугала
Милого дружка!

Из «Снежной маски»

ВТОРОЕ КРЕЩЕНИЕ.

Открыли дверь мою метели,
Застыла горница моя.
И в новой снеговой купели
Крещен вторым крещеньем я.

И, в новый мир вступая, знаю,
Что люди есть, и есть дела.
Что путь открыт наверно к раю
Всем, кто идет путями зла.

Я так устал от ласк подруги
На застывающей земле.
И драгоценный камень выюги
Сверкает льдиной на челе.

И гордость нового крещенья
Мне сердце обратила в лед.
Ты мне сулишь еще мгновенья?
Пророчишь, что весна придет?

Но посмотри, как сердце радо!
Заграждена снегами твердь.
Весны не будет, и не надо:
Крещеньем третьим будет — Смерть.

ЕЕ ПЕСНИ.

Не в земной темнице душной
Я гублю.
Душу всерь ладье воздушной —
Кораблю.
Ты пойми душой послушной,
Что люблю.

Взор твой ясный к выси звездной
Обрати.
И в руке твой меч железный
Опусти.

Сердце с дрожью бесполезной
Укроти.

Вихри снежные над бездной
Закрути.

Рукавом моих метелей
Задушу.

Серебром моих веселий
Оглушу.

На воздушной карусели
Закружу.

Пряжей спутанной кудели
Обовью.

Легкой брагой снежных хмелей
Напою.

ОБРЕЧЕННЫЙ.

Тайно сердце просит гибели.
Сердце легкое, скользи...
Вот меня из жизни вывели
Снежным серебром стези...

Как над тою дальней прорубью
Тихий пар струит вода, —
Так своею тихой поступью
Ты свела меня сюда,

Завила, сковала взорами
И рукою обняла,
И холодными призорами
Белой Смерти предала...

И в какой иной обители
Мне влачиться суждено,
Если сердце хочет гибели,
Тайно просится на дно?

УСТАЛОСТЬ.

Кому назначен темный жребий,
Над тем не властен хоровод.
Он, как звезда, утонет в небе,
И новая звезда взойдет.

И краток путь среди долгой ночи,
Друзья, близка почная твердь!
И даже рифмы нет короче
Глухой, крылатой рифмы: с м е р т ь.

И есть ланит живая алость,
Печаль свиданий и разлук...
Но есть паденье и усталость,
И торжество предсмертных мук.

О СМЕРТИ.

Все чаще я по городу брожу.
 Все чаще вижу смерть — и улыбаюсь
 Улыбкой рассудительной. Ну, что же?
 Так я хочу. Так свойственно мне знать,
 Что и ко мне придет она в свой час.

Я проходил вдоль скачек по шоссе.
 День золотой дремал на грудах щебня,
 А за глухим забором — ипподром
 Под солнцем зеленел. Там стебли злаков
 И одуванчиков, раздутые весной,
 В ласкающих лучах дремали. А вдали
 Трибуна придавила плоской крышей
 Толпу зевак и модниц. Маленькие флаги
 Пестрели там и здесь. А на заборе
 Прохожие сидели и глазели.

Я шел и слышал быстрый гон копей
 По грунту легкому. И быстрый топот
 Копыт. Потом — внезапный крик:
 — Упал! Упал! — кричали на заборе,
 И я, вскочив на маленький пенек,
 Увидел все зараз: вдали летели
 Жокеи в пестром — к тонкому столбу.
 Чуть-чуть отстав от них, скакала лошадь
 Без седока, взметая стремяна.
 А за листвою кудрявеньких березок,
 Так близко от меня — лежал жокей,
 Весь в желтом, в зеленях весенних
 злаков,

Упавший навзничь, обратив лицо
В глубокое ласкающее небо.
Как будто век лежал, раскинув руки
И ногу подогнув. Так хорошо лежал.
К нему уже бежали люди. Издали,
Поблескивая медленными спицами, ландо
Катилось мягко. Люди подбежали
И подняли его...

И вот повисла
Беспомощная желтая нога
В обтянутой рейтузе. Завалилась
Им на плечи куда-то голова...
Ландо подъехало. К его подушкам
Так бережно и нежно приложили
Цыплячью желтизну жокея. Человек
Вскочил неловко на подпожку, замер,
Поддерживая голову и ногу,
И важный кучер повернул назад.
И так же медленно вертелись спицы,
Поблескивали козла, оси, крылья...

Так хорошо и вольно умереть.
Всю жизнь скакал — с одной упорной
мыслью,
Чтоб первым доскакать. И на скаку
Занулась запыхавшаяся лошадь.
Уж силой ног не удержать седла,
И утлые взмахнулись стремяна,
И полетел, отброшенный толчком...
Ударился затылком о родную,
Весеннюю, приветливую землю,
И в этот миг — в мозгу прошли все
мысли,
Единственные нужные. Прошли —

И умерли. И умерли глаза.
И труп мечтательно глядит наверх.

Так хорошо и вольно.

Однажды брел по набережной я.
Рабочие возили с барок в тачках
Дрова, кирпич и уголь. И река
Была еще синей от белой пены.
В отстегнутые ворота рубах
Глядели загорелые тела,
И светлые глаза привольной Руси
Блестели строго с почерневших лиц.
И тут же дети голыми ногами
Месили груды желтого песка,
Таскали то кирпичик, то полено,
То бревнышко. И прятались. А там
Уже сверкали грязные их пятки,
И матери — с отвислыми грудями
Под грязным платьем — ждали их,
ругались

И, надавав затрепич, отбирали
Дрова, кирпичики, бревешки. И тащили,
Согнувшись под тяжелой ношей, вдаль.
И снова, воротясь гурьбой веселой,
Ребятки начинали воровать:
Тот — бревнышко, другой — кирпичик...

И вдруг раздался всплеск воды и крик:
— Упал! Упал! — опять кричали с барки.
Рабочий, ручку тачки отпустив,
Показывал рукой куда-то в воду,
И пестрая толпа рубах неслась
Туда, где на траве, в камнях булыжных,

На самом берегу — лежала сотка.
Один тащил багор.

А между свай,
Забитых возле набережной в воду,
Легко покачивался человек
В рубахе и в разорванных портках.
Один схватил его. Другой помог,
И длинное растянутое тело,
С которого ручьем лилась вода,
Втащили на берег и положили.
Городовой, гремя о камни шашкой,
Зачем-то щеку приложил к груди
Намокшей, и прилежно слушал,
Должно быть, сердце. Собрался народ,
И каждый вновь пришедший задавал
Одни и те же глупые вопросы:
Когда упал, да сколько пролежал
В воде, да сколько выпил?
Потом все стали тихо отходить,
И я пошел своим путем, и слушал,
Как истовый, но выпивший рабочий
Авторитетно говорил другим,
Что губит каждый день людей вино.

Пойду еще бродить. Покуда солнце,
Покуда жар, покуда голова
Тупа, и мысли вялы...

Сердце!

Ты будь вожатаем моим. И смерть
С улыбкой наблюдай. Само устанешь,
Не вынесешь такой веселой жизни,
Какую я веду. Такой любви

И ненависти люди не выносят,
Какую я в себе ношу.

Хочу,

Всегда хочу смотреть в глаза людские,
И пить вино, и жепции целовать,
И яростью желаний полнить вечер,
Когда жара мешает днем мечтать
И песни петь! И слушать в мире ветер!

* * *

С каждой весною пути мои круче,
Мертвенней сумрак очей.
С каждой весною ясней и певучей
Тайинства белых почей.

Месяц ладью опрокинул в последней
Бледной могиле,— и вот
Стертые лица и пьяные бредни...
Карты... Цыганка поет.

Видишь, и мне наступила на горло,
Душит красавица ночь...
Краски последние смысла и стерла...
Что ж? Если можешь, пророчь...

Ласки мои неумелы и грубы.
Ты же — пезжнее, чем май.
Что же? Целуй в помертвелые губы.
Пояс печальный снимай.

Как бывало, забудешь, что дни идут,
Как бывало простишь, кто горд и зол.
И смотришь — тучи вдали встают,
И слушаешь песни далеких сел...

Заплачет сердце по чужой стороне,
Запросится в бой — зовет и манит.
Только скажет: — Прощай. Вернись
ко мне.

И опять за травой колокольчик звенит...

ПРИНИМАЮ.

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!

Осветленный простор поднебесий
И томления рабьих трудов!

И встречаю тебя у порога,—
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем Бога
На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но пад нами — хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Все равно: принимаю тебя!

КЛЕОПАТРА.

Открыт наоптикум печальный
Один, другой и третий год.
Толпою пьяной и нахальной
Спешим... В гробу царица ждет.

Она лежит в гробу стеклянном.
И не мертва и не жива,
А люди шепчут неустанно
О ней бесстыдные слова.

Она раскинулась лениво —
Навек забыть, навек уснуть...
Змея легко, неторопливо
Ей жалит восковую грудь...

Я сам, позорный и продажный,
С кругами синими у глаз,
Пришел взглянуть на профиль важный,
На воск, открытый напоказ...

— Кадите мне. Цветы рассыпьте.
— Я в незапамятных веках
— Была царицею в Египте.
— Теперь — я воск. Я тлен. Я прах.

— Царица! Я пленен тобою!
Я был в Египте лишь рабом,
А ныне суждено судьбою
Мне быть поэтом и царем!

Замолк. Смотрю. Она не слышит.
Но грудь колыхается едва
И за прозрачной тканью дышит...
И слышу тихие слова:

— Тогда я исторгала грозы,
— Теперь исторгну жгучей всех
— У пьяного поэта — слезы,
— У пьяной проститутки — смех.

* * *

Я помню длительные муки:
Ночь догорала за окном;
Ее заломленные руки
Чуть брезжили в луче дневном.

Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла;
А там, как призрак возраста,
День обозначил купола;

И под окошком участились
Прохожих быстрые шаги;
И в серых лужах расходились
Под каплями дождя круги;

И утро длилось, длилось, длилось...
И праздный тяготил вопрос;
И ничего не разрешилось
Весенним ливнем бурных слез.

* * *

Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету.
И ангел поднял в высоту
Звезду зеленую одну,
И стало дивно на мосту
Смотреть в такую глубину,
В такую высоту.

Свирель поет: взошла звезда,
Пастух, гони стада...
И под мостом поет вода:
Смотри, какие быстрины,
Оставь заботы навсегда,
Такой прозрачной глубины
Не видел никогда...
Такой глубокой тишины
Не слышал никогда...
Смотри, какие быстрины,
Когда ты видел эти сны?..

ЗА ГРОБОМ.

Божья Матерь «Утоли мои печали»
Перед гробом шла, светла, тиха.
А за гробом — в траурной вуали
Шла невеста, провожая жениха.

Был он только литератор модный,
Только слов кощунственных творец...
Но мертвец — родной душе народной:
Всякий свято чтит она конец.

И навстречу кланялись, крестили
Многодумный, многотрудный лоб.
А друзья и близкие пылили
На икону, на нее, на гроб...

И с какою бесконечной грустью
(Не о нем — Бог весть о ком?)

Приняла она слова сочувствий
И веноч случайный за венком...

Этих фраз избитых повторенья,
Никому не нужные слова —
Возвела она в венец творенья,
В тайную улыбку Божества...

Словно здесь, где пели и кадили,
Где и грусть не может быть тиха,
Убралась она фатой из пыли
И ждала Иного Жениха...

ДРУЗЬЯМ.

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!

Что делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главы приклонить!

Что делать! Изверившись в счастье,
От смеху мы сходим с ума,
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!

Когда ж под забором в крапиве
Несчастные кости сгниют,
Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...

Вот только замучит, проклятый,
Ни в чем не повинных ребят
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных цитат...

Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забиться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

РОССИЯ.

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,—
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею,
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет,—
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты.

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты все та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей.

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика.

* * *

Ночь как ночь, и улица пустынна.
Так всегда!
Для кого же ты была певинна
И горда?

Лишь сырая каплет мгла с карнизов.
Я и сам
Собираюсь бросить злобный вызов
Небесам.

Все на свете, все на свете знают:
Счастья нет.

И который раз в руках сжимают
Пистолет!

И который раз, смеясь и плача,
Вновь живут!
День как день; ведь решена задача:
Все умрут.

* * *

Своими горькими слезами
Над нами плакала весна.
Огонь мерцал за камышами,
Дразня лихого скакуна...

Опять звала бесчеловечным,
Ты, отданная мне давно!..
Но ветром буйным, ветром встречным
Твое лицо опалено...

Опять — бессильно и напрасно —
Ты отстранялась от огня..
Но даже небо было страстно,
И небо было за меня!..

И стало все равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача...

И все равно, чей вздох, чей шопот,—
Быть может, здесь уже не ты...
Лишь скакуна неровный топот,
Как бы с далекой высоты...

Так — сведены с ума мгновеньем —
Мы отдавались вновь и вновь,
Гордясь своим уничтоженьем,
Твоим превратностям, любовь!

Теперь, когда мне звезды ближе,
Чем та неистовая ночь,
Когда еще безмерно ниже
Ты пала, униженья дочь,

Когда один с самим собою
Я проклиная каждый день,—
Теперь проходит предо мною
Твоя развенчанная тень.

С благоволеньем? Иль с укором?
Иль неавидя, мстя, скорбя?
Иль хочешь быть мне приговором?—
Не знаю: я забыл тебя.

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ.

1.

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске
безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль.
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!

Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

2.

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути — горючий белый камень.
За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не выиграет больше никогда.

И к земле склонившись головою,
Говорит мне друг:— Остри свой меч,
— Чтоб недаром биться с татарвою,
— За святое дело мертвым лечь!

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

3.

В ночь, когда Мамай залег с ордою
Степи и мосты,
В темном поле были мы с Тобою,—
Разве знала Ты?

Перед Доном темным и зловещим,
Средь ночных полей
Слышал я Твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.

С полуночи тучей возносилась
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

И, чертя круги, почные птицы
Реяли вдали.
А над Русью тихие зарницы
Князя стерегли.

Орлий клекот над татарским станом
Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой.

И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сопла, в одежде свет струящей,
Не спугнув копя.

Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.

И когда, наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

4.

Опять с вековою тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали...

Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.

И я с вековою тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!

Я слушаю рокоты сечи
И трубные клики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне.
Встречаются вольные тучи
Во мгlistой ночной вышине.

Вздываются светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...

— Явись, мое дивное диво!
— Быть светлым меня научи!
Вздывается конская грива...
За ветром зывают мечи...

5.

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.

Вл. Соловьев.

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск, и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал.— Молись!

ОСЕННИЙ ДЕНЬ.

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.

Осенний день высок и тих,
Лишь слышно — ворон глухо
Зовет товарищей своих,
Да кашляет старуха.

Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За летом журавлиным.

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Что плач осенний значит?

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком.

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

* * *

Мой милый, будь смелым
И будешь со мной

Я вишенъем белым
Качнусь над тобой.

Зеленой звездою
С востока блесну,

Студеной волною
На панцырь плесну,

Русалкою вольной
Явлюсь над ручьем,

Нам вольно, нам больно,
Нам сладко вдвоем.

Нам в темные ночи
Легко умереть

И в мертвые очи
Друг другу глядеть.

* * *

В голодной и больной неволе
И день не в день, и год не в год.
Когда же всколосится поле,
Вадохнет униженный народ?

Что лето, шелестят во мраке,
То выпрямляясь, то клонясь
Всю ночь под тайным ветром, злаки:
Пора цветенья началась.

Народ — венец земного цвета,
Краса и радость всем цветам:
Не миновать Господня лета
Благоприятного — и нам.

* * *

Ты в комнате один сидишь.
Ты слышишь?
Я знаю: ты теперь не спишь...
Ты дышишь и не дышишь.

Зачем за дверью свет погас?
Не бойся!
Я твой давно забытый час.
Стучусь — откройся.

Я знаю, ты теперь в бреду,
Мятежный!
Я все равно к тебе войду,
Старинный друг и нежный...

Не бойся вспоминать меня:
Ты был так молод...
Ты сел на белого коня,
И щеки жег осенний холод!

Ты полетел туда, туда —
В янтарь закатный!

Немудрый, знал ли ты тогда
Свой нищий путь возвратный?

Теперь ты мудр: не прекословь —
Что толку в споре?
Ты помнишь первую любовь
И зори, зори, зори?

Зачем склонился ты лицом
Так низко?
Утешься: ветер за окном —
То трубы смерти близкой!

Открой, ответь на мой вопрос:
Твой день был ярок?
Я саван царственный принес
Тебе в подарок!

* * *

Чем больше хочешь отдохнуть,
Тем жизнь страшней, тем жизнь страшней,
Сырой туман ползет с полей,
Сырой туман вползает в грудь
По бархату ночей.

Забудь о том, что жизнь была,
О том, что будет жизнь, забудь...
С полей ползет ночная мгла...
Одно, одно —
Уснуть, уснуть...
Но все равно —
Разбудит кто-нибудь.

* * *

Как прощались, страстно клялись
В верности любви...
Вместе Таин приобщались,
Пели соловьи...

Взял гитару на прощанье
И у струн исторг
Все признанья, обещанья,
Всей души восторг...

Да тоска заполонила,
Порвалась струна...
Не звала б да не машила
Дальня сторона!

Вспоминай же, ради Бога,
Вспоминай меня,
Как седой туман из лога
Выйдет до плетня...

* * *

Все на земле умрет — и мать, и младость,
Жена изменит и покинет друг.
Но ты учись вкушать иную сладость,
Глядясь в холодный и полярный круг.

Бери свой челн, плыви на дальний полюс
В стенах из льда, и тихо забывай,

Как там любили, гибли и боролись...
И забывай страстей бывалый край.

И к вздрагиваньям медленного хлада
Усталую ты душу приучи,
Чтоб было здесь ей ничего не надо,
Когда о т т у д а ринутся лучи.

* * *

Из хрустального тумана,
Из невиданного сна
Чей-то образ, чей-то странный...
(В кабинете ресторана
За бутылкою вина).

Визг цыганского напева
Налетел из дальних зал,
Дальних скрипок вопль туманный...
Входит ветер, входит дева
В глубь исчерченных зеркал.

Взор во взор — и жгуче-синий
Обозначился простор.
Магдалина! Магдалина!
Веет ветер из пустыни,
Раздувающий костер.

Узкий твой бокал и вьюга
За глухим стеклом окна —
Жизни только половина!
Но за вьюгой — солнцем юга
Опаленная страна!

Разрешенье всех мучений,
Всех хулений и похвал,
Всех змеящихся улыбок,
Всех просительных движений,
Жизнь разбей, как мой бокал!

Чтоб на ложе долгой ночи
Не хватило страстных сил!
Чтоб в пустынном вопле скрипок
Перепуганные очи
Смертный сумрак погасил.

* * *

Поздней осенью из гавани
От заметенной снегом земли
В предназначенное плаванье
Идут тяжелые корабли.

В черном небе означается
Над водой подъемный крап,
И один фонарь качается
На оснеженном берегу,

И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Все потеряно, все выпито!
Довольно — больше не могу!

А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...
В самом чистом, в самом нежном саване
Сладко ли спать тебе, матрос?

* * *

Русь моя, жизнь моя, вместе ль пам
маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу па что твоя тьма?

Знала ли что? Или в Бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог, да столбов верстовых...

Лодки, да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских святынь не дошла...
Соколов, лебедей в степь распустила ты —
Кинулась из степи черная мгла...

За море Черное, за море Белое
В черные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?

Ты взглянула. Я встретил смущенно
и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала:— И этот влюблен.

И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
Иступленно запели смычки...
Но была ты со мной всем презрением юным.
Чуть заметным дрожаньем руки...

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но из глуби зеркал ты мне взоры бросала
И, бросая, кричала: — Люби!..
А монисто бречало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ.

Марии Павловне Ивановой.

Под насыпью во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих —
Нежней румянец, круче локонов:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальной из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блеклыми,
Ее, жаңдарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой пежною...
Скользнул — и поезд в даль умчало.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что — давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинута
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — все больно.

* * *

Когда-то гордый и надменный —
Теперь с цыганкой я в раю,
И я прошу ее смиренно:
— Спляши, цыганка, жизнь мою.

Она пустилась в пляс ужасный,
И жизнь проходит предо мной
Многообразной — и прекрасной,
И отвратительной мечтой.

То кружится, закинув руки,
То поползет змеей — и вдруг
Вся замерла в истоме скуки,
И бубен падает из рук...

О, как я был богат когда-то!
А что тут стоит пятака?
Вражда, любовь, молва и злато,
А пуще...одурь, да тоска!

* * *

Когда ты загнан и забит
 Людьюми, заботой, иль тоскою;
 Когда под гробовой доскою
 Все, что тебя пленяло, спит;
 Когда по городской пустыне,
 Отчаявшийся и больной,
 Ты возвращаешься домой,
 И тяжелит ресницы ишей,
 Тогда — остановись на миг
 Послушать тишину почную:
 Постигнешь слухом жизнь иную,
 Которой днем ты не постиг;
 По-новому окинешь взглядом
 Даль снежных улиц, дым костра,
 Ночь, тихо ждущую утра
 Над белым, запущенным садом,
 И небо — книгу между книг;
 Пайдешь в душе опустошенной
 Вновь образ матери склоненный,
 И в этот несравненный миг —
 Узоры на стекле фонарном,
 Мороз, оледенивший кровь,
 Твоя холодная любовь —
 Все вспыхнет в сердце благодарном,
 Ты все благословишь тогда,
 Поняв, что жизнь — безмерно боле,
 Чем *quantum satis* Бранда воли,
 А мир — прекрасен, как всегда.

НАРОД И ПОЭТ.

1.

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами — сумрак неминуемый,
Иль ясность Божьего Лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты — знай,
Где стерегут нас Ад и Рай.
Тебе дано бесстрашной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд — да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты,
И ты увидишь: *мир прекрасен.*
Познай, где свет, поймешь, где тьма.
Пуускай же все пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.
Так Зигфрид правит меч над горном:
То в красный уголь обратит,
То быстро в воду погрузит,
И зашипит, и станет черным
Любимцу вверенный клинок...
Удар — он блещет, Нотунг верный,
И Миме, карлик лицемерный,
В смятеньи падает у ног!

2.

Кто меч скует? — Не знавший страха.
А я — беспомощен и слаб —

Как все, как вы, — лишь умный раб,
 Тяжелого созданье праха,
 И мир — он страшен для меня:
 Герой уж не разит свободно,
 Его рука — в руке народной,
 Стоит над миром столб огня,
 И в каждом сердце, в мысли каждой —
 Свой произвол и свой закон...
 Над всей Европою — дракон,
 Разинув пасть, томится жаждой...
 Кто нанесет ему удар? —
 Не ведаем: над нашим станом,
 Как встарь, повита даль туманом,
 И пахнет гарью. Там — пожар.

3.

Но песня — песнью все пребудет;
 В толпе — все кто-нибудь поет.
 Вот голову его на блюде
 Царю плясунья подает;
 Там — он на эшафоте черном
 Слагает голову свою;
 Здесь — именем клеймят позорным
 Его стихи... И я пою,
 Но не за вами — суд последний,
 Не вам замкнуть мои уста!
 Пусть церковь темная пуста,
 Пусть пастырь спит; я до обедни
 Пройду росистую между,
 Ключ ржавый поверну в затворе
 И в алом от зари притворе
 Свою обедню отслужу.

4.

Ты, поразившая Денницу,
Благослови на здешний путь!
Позволь хоть малую страницу
Из книги жизни повернуть.
Дай мне неспешно и нежливо
Поведать пред Лицом Твоим
О том, что мы *в себе* таим,
О том, что *в здешнем* мире живо,
О том, как зреет гнев в сердцах,
И с гневом — юность и свобода,
Как в каждом дышит дух народа,
Сыны отражены в отцах:
Коротенький обрывок рода —
Два-три звена, — и уж видны
Заветы темной старины:
Созрела новая порода —
Угль превращается в алмаз.
Он, под киркой трудолюбивой,
Восстав из недр неторопливо,
Предстанет — миру напоказ!
Так бей, не знай отдохновецья,
Пусть жила жизни глубока:
Алмаз горит издалека, —
Дроби, мой гневный ямб, камня!

* * *

О, как смеялись вы над нами,
Как ненавидели вы нас,
Когда певучими стихами
Мы грозно обличали вас!
Но вы — все те же. Мы, поэты,
За вас, о вас тоскуем вновь,
Храпя священную любовь,
Твердя старинные обеты...
И так же прост наш тихий храм,
Мы на стенах читаем сроки.
Что ж, смейтесь и не верьте нам.
И не читайте наши строки
О том, что под землей струи
Поют, что в небе бродят свету...

Но помни Тютчева заветы:
«Молчи, скрывайся и тай
И чувства и мечты свои...»

* * *

Встр палетит, завост снег,
И в памяти на миг возникнет
Тот край, тот отдаленный брег...
Но цвет увял, под снегом пикнет.

И шелестят травой сухой
Мои старинные болезни...

И ночь. И в ночь тропой глухой
Иду к прикрытой снегом бездне...

Ночь, лес и снег. И я несу
Постылый груз воспоминаний...
Вдруг — малый домик на поляне,
И девочка поет в лесу.

ПЛЯСКА СМЕРТИ.

Как тяжело мертвецу среди людей
Живым и страстным притворяться!
Но надо, надо в общество втираться,
Скрывая для карьеры лязг костей...

Живые спят. Мертвец встает из гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в сенат...
Чем ночь белее, тем чернее злоба,—
И перья торжествующе скрипят...

Мертвец весь день трудится
над докладом.
Присутствие кончается. И вот —
Нашептывает он, виляя задом,
Сенатору — скабресный анекдот...

Уж вечер. Мелкий дождь зашлепал
грязью
Прохожих, и дома, и прочий вздор...
А мертвеца — к другому безобразью
Скрежещущий несет таксо-мотор.

В зал многолюдный и многоколонный
Спешит мертвец. На нем — изящный
фрак.

Его дарят улыбкой благосклонной
Хозяйка—дура и супруг—дурак.

Он изнемог от дня чиновной скуки,
Но лязг костей — музыкой заглушен...
Он крепко жмет приятельские руки...
Живым, живым казаться должен он!

Лишь у колонны — встретится очами
С подругою — она, как он, мертва...
За их условно-светскими речами
Ты слышишь настоящие слова?

— Усталый друг, мне странно в этом
зале.

— Усталый друг, могила холодна.

— Уж полночь.— Да, по вы не
пригласили
На вальс NN. Она в вас влюблена...

А там — NN уж ищет взором страстным
Его, его — с волнением в крови...
В ее лице, девически-прекрасном,
Бессмысленный восторг живой любви...

И льнет к нему... в его лице —
румянец...

Ресницы опустив, летит она,
Не ведая, что это — смерти танец,
Им, скрипками и вальсом пленена...

Он шепчет ей незначащие речи,
Пленительные для живых слова,
И смотрит он, как розовеют плечи,
Как на плечо склонилась голова...

И острый яд привычно-светской злости
С нездешней злостью расточает он...
— Как он умен! Как он в меня влюблен!
В ее ушах — нездешний, странный звон:
То — кости лязгают о кости.

* * *

Приближается звук. И, покорна щемящему
звучу.
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою
прежнюю руку,
Не дыша.

Снится, — слова я мальчик, и снова —
любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне — колючий шиновник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы и листья и колючие ветки,
я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от краю
до краю,
И окошко твое.

Этот голос — он твой, и его непонятному
звучу

Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне, твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

* * *

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастья твердишь, — который раз?

Что счастье? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глуши?
Иль мрачные, порочные услады
Вина, страстей, погибели души?

Что счастье? Короткий миг и тесный,
Забвенье, сон и отдых от забот...
Очнешься — вповь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полет...

Вздыхнул, глядишь — опасность миновала,
Но в этот самый миг — опять толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится волчок!

И, уцепясь за край скользящий, острый,
И слушая всегда жужжащий звон, —
Не сходим ли с ума мы в смене пестрой
Придуманных причин, пространств, времен?

Под этим деловым, давно спокойным
взглядом,
Представилась она гораздо проще мне...

Тот джентльмен — ушел. По нес со мной —
бессменно.
В час горький на меня оставит добрый взор,
И лапу жесткую положит на колено,
Как будто говорит: «Нора смириться, сер».

К МУЗЕ.

Есть в папевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счастья есть.

И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты пизводила,
Соблазняя своей красотой...

И когда ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.

Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звездами —
Все проклятье своей красоты?

И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого Аи,
И любви цыганской короче —
Были страшные ласки твои.

И была роковая отрада
В попирашьи заветных святынь.
И безумная сердцу услада —
Эта горькая страсть, как полынь...

* * *

Ревет ураган,
Поет океан,
Кружится снег,
Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

В темных расселинах почи
Прялка жужжит и поет.
Пряха незримая в очи
Смотрит и судьбы прядет.

Смотрит чертой огневою
Рыцарю в очи закат,
Да над судьбой роковою
Звездные почи горят.

Мира восторг беспредельный
Сердцу певучему дан.
В путь роковой и бесцельный
Шумный зовет океан.

Сдайся мечте невозможной,
Сбудется, что суждено.
Сердцу закон непреложный—
Радость — Страданье одно!

Путь твой грядущий — скитанье,
Шумный поет океан.
Радость, о, Радость — Страданье —
Боль неизведанных ран!

Всюду — беда и утраты,
Что тебя ждет впереди?
Ставь же свой парус косматый,
Меть свои крепкие латы
Знаком креста па груди!

Ревет ураган,
Поет океан,
Кружится снег,
Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

* * *

Мы забыты, одни на земле.
Посидим же тихоцько в тепле.

В этом комнатном, теплом углу
Поглядим на октябрьскую мглу.

За окном, как тогда, огоньки.
Милый друг, мы с тобой старики.

Все, что было и бурь и невзгод,
Позади. Что ж ты смотришь вперед?

Точно ангела бурного ждешь?
Все прошло. Ничего не вернешь.

Только стены, да книги, да дни.
Милый друг мой, привычны они.

Ничего я не жду, не ропщу,
Ни о чем, что прошло, не грущу.

Только, вот — принялась ты опять
Светлый бисер на нитки пизать,

Как когда-то, ты поминишь, тогда...
О, какие то были года!

Но, когда ты моложе была,
И шелка ты поярче брала,

И ходила рука побыстрей...
Так возьми ж и теперь попестрей,

Чтобы шелк, что вдеваешь в иглу,
Побеждал пестротой эту мглу.

* * *

Есть времена, есть дни, когда
 Ворвется в сердце ветер снежный,
 И не спасет ни голос нежный,
 Ни безмятежный час труда.

Испуганной и дикой птицей
 Летишь ты, но заря — в крови...
 Тоскою, страстью, огневицей
 Идет безумие любви...

Пол-сердца — туча грозная,
 Под ней — все глушь, все немота,
 И эта — прежняя, простая —
 Уже другая, уж не та...

Темно, и весело, и душно,
 И, задыхаясь, не дыша —
 Уже во всем другой послушна
 Доселе гордая душа!

НОВАЯ АМЕРИКА.

Праздник радостный, праздник
 великий,
 Да звезда из-за туч не видна...
 Ты стоишь под метелицей дикой,
 Роковая, родная страна.

За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица.
Только ль страшный простор пред очами.
Непонятная ширь без конца?

Утопая в глубоком сугробе,
Я на утлые санки сажусь.
Не в богатом покоишься гробе
Ты, убогая финская Русь!

Там прикинешься ты богомольной,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон колокольный,
За крестами — кресты, да кресты...

Только ладан твой синий и росный
Просквозит мне порою иным...
Нет, не старческий лик и не постный
Под московским платочком цветным!

Сквозь земные поклоны, да свечи,
Ектеньи, ектеньи, ектеньи —
Шопотливые, тихие речи,
Запылавшие щеки твои...

Дальше, дальше... И ветер рванулся,
Черноземным летя пустырем...
Куст дорожный по ветру метнулся,
Словно дьякон взмахнул орарем...

А уж там, за рекой полноводной,
Где пригнулись к земле ковыли,
Тянет гарью горючей, свободной,
Слышны гуды в далекой дали...

Иль опять это — стан половецкий
И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нет, не видно там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон...

Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки...

Путь степной — без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер, — и вдруг
Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...

На пустынном просторе, на диком
Ты все та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...

Черный уголь — подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная стонет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

ХУДОЖНИК.

В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную
Легкий, доселе не слышанный звон.

Вот он — возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.

С моря ли вихрь? Или сирены райские
В листьях поют? Или время стоит?
Или осыпали яблоки майские
Снежный свой цвет? Или ангел летит?

Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошрое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого — нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, —
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил — убил.

И замыкаю я в клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести,
Птицу летевшую душу спасти.

Вот моя клетка — стальная, тяжелая,
 Как золотая, в вечернем огне.
 Вот моя птица, когда-то веселая,
 Обруч качает, поет на окне.

Крылья подрезаны, песни заучены.
 Любите вы под окном постоять?
 Песни вам нравятся. Я же, измученный,
 Нового жду — и скучаю опять.

* * *

О, нет! не расколдуешь сердца ты
 Ни лестию, ни красотой, ни словом.
 Я буду для тебя чужим и новым,
 Все — призрак, все — мертвец, в лучах
мечты.

И ты уйдешь. И некий саван белый
 Прижмешь к губам ты, пребывая в снах.
 Все будет сном: что ты хороишь тело,
 Что ты стоишь три ночи в головах.

Упоена *красивыми* мечтами,
 Ты укоризны будешь слать судьбе.
 Украсишь ты нежнейшими цветами
 Могильный холм, приспившийся тебе.

И тень моя пройдет перед тобою
 В девятый день, и в день сороковой
 Неузнанной, красивой, неживою.
 Такой ведь ты искала?—Да, такой.

Когда же грусть твою погасит время,
Начнешь дышать, сначала робко, ты
Другими снами, сказками не теми...
И ты *простой* возжаждешь красоты.

И он придет, знакомый, долгожданный,
Тебя будить от *неземного* сна.
И в мир другой, на миг благоуханный,
Тебя умчит последняя весна.

А я умру, забытый и пенужный,
В тот день, когда придет твой новый друг,
В тот самый миг, когда твой смех
жемчужный
Ему расскажет, что прошел *недуг*.

Забудешь ты мою могилу, имя...
И вдруг — очнешься: пусто; нет огня;
И в этот час, под ласками чужими,
Припомнишь ты и призовешь — меня!

Как исступленно ты протянешь руки
В глухую почву, о, бедная моя!
Увы! Не долетают жизни звуки
К утешенным весной небытия.

Ты проклянешь, в мученьях невозможных,
Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть ответ в моих стихах тревожных:
Их тайный жар тебе поможет жить,

* * *

Есть игра: осторожно войти,
 Чтоб вниманье людей усыпить;
 И глазами добычу найти;
 И за ней незаметно следить.

Как бы ни был нечуток и груб
 Человек, за которым следят, —
 Он почувствует пристальный взгляд
 Хоть в углах еле дрогнувших губ.

А другой — точно сразу поймет:
 Вдрогнут плечи, рука у него;
 Обернется — и нет ничего;
 Между тем — беспокойство растет.

Тем и страшен невидимый взгляд,
 Что его невозможно поймать;
 Чуешь ты, но не можешь понять,
 Чьи глаза за тобою следят.

Не корысть, — не влюбленность,
не месть;
 Так — игра, как игра у детей:
 И в собрании каждом людей
 Эти тайные сыщики есть.

Ты и сам никогда не поймешь,
 Отчего так бывает порой,
 Что собою ты к людям придешь,
 А уйдешь от людей — не собой.

Есть дурной и хороший есть глаз,
Только б лучше ничей не следил:
Слишком много есть в каждом из нас
Неизвестных играющих сил.

И пока — в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других.

* * *

Пристал ко мне нищий дурак,
Идет по пятам, как знакомый.
— Где деньги твои? — Снес в кабак.
— Где сердце? — Зброшено в омут.

— Чего ж тебе надо? — Того,
Чтоб стал ты, как я, откровенен,
Как я, в униженьи, смиренен,
А больше, мой друг, ничего.

— Что лезешь ты в сердце чужое?
Ступай, проходи, сторонись!
— Ты, думаешь, друг мой, нас двое?
Напрасно: смотри, оглянись...

И правда (ну, задал задачу!)
Смотрю — близь меня никого.
В карман посмотрел — ничего.
Взглянул в свое сердце — и плачу.

НЕОТСТУПНОЕ.

Ты — буйный зов рогов призывных,
 Влекущий на неверный след,
 Ты — серый ветер рек разливных,
 Обманчивый болотный свет.

Люблю тебя, как посох — странник,
 Как воин — милую в бою,
 Тебя провижу, как изгнанник
 Провидит родину свою.

По лик твой мне незрим, неведом,
 Твоя непостижима власть:
 Ведя меня, как вождь, к победам,
 Испепеляешь ты, как страсть.

* * *

Как свершилось, как случилось?
 Был я беден, слаб и мал.
 Но Великий неких тайна
 Мне до времени открылась,
 Я Высокое познал.

Недостойный раб, сокровищ
 Мне врученных не храня,
 Был я царь и страж случайный.
 Сонмы лютые чудовищ
 Налетели на меня.

Приручил я чарой лестью
Тех, кто первые пришли.
Но не счесть нам вражьей силы!
Ощетинившейся местью
Остальные поползли.

И, покинув стражу, к ночи
Я пошел во вражий стан.
Ночь курилась, как кадило.
Ослепительные очи
Повлекли меня в туман.

Падший ангел, был я встречен
В стане их, как юный бог.
Как прекрасный небожитель,
Я царицей был замечен,
Я входил в ее чертог,

В тот чертог, который в пепел
Обратился на земле.
Но не спал мой грозный Мститель:
Лик Его был гневно-светел
В эти — ночи на скале

И рассвет мне в очи глянул,
Наступил мой скудный день.
Только крыл раздался трепет,
Кто-то мимо в небо канул,
Как разгневанная тень.

Было долгое томленье.
Думал я: не будет дня.
Бред безумный, страстный лепет,
Клятвы, пепи, уверенья
Доносились до меня

Но, тоской моей гонима,
Нежить сгнула, — и вдруг
День жестокий, день железный
Вкруг меня неумолимо
Очертил замкнутый круг.

Нет конца и нет начала,
Нет исхода — сталь и сталь.
И пустыней бесполезной
Душу бедную обстала
Прежде милая мне даль.

Не таюсь я перед вами,
Посмотрите на меня:
Я стою среди пожариц,
Обожженный языками
Преисподнего огня.

Где же ты? не медли боле.
Ты, как я, не ждешь звезды.
Приходи ко мне, товарищ,
Разделить земной юдоли
Невеселые труды.

* * *

О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне;
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

- Простим угрюмство — разве это
- Сокрытый двигатель его?
- Он весь — дитя добра и света,
- Он весь — свободы торжество!

* * *

Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный.
С кровель каменных громад
Смотрит месяц бледный,

Насылает тишину,
Оттеплет крутизну
Каменных отвесов,
Черноту навесов.

Все бы это было зря,
Если б не было царя,
Чтоб блюсти законы.

Только не ищи дворца,
Добродушного лица,
Золотой короны.

Он — с далеких пустырей
В свете редких фонарей
Появляется.

Шея скручена платком,
 Под дырявым козырьком
 Улыбается.

* * *

Ну, что же? Устало заломлены слабые
 И Вечность Сама загляделась в погасшие руки,
 И муки утихли. А если б и были высокие очи.
 И муки утихли. А если б и были высокие муки, —
 Что нужды? — Я вижу печальное шествие почи.

Ведь солнце, положенный круг обойдя,
 Открой мои книги: там сказано все, что закатилось.
 Да, был я пророком, пока это сердце свершится
 Молилось и пело Тебя, но ведь ты — молилось,
 Молилось и пело Тебя, но ведь ты — не царица.

Царем я не буду: ты власти мечты не делила.
 Рабом я не стану: ты власти земли не хотела.
 Вот новая ноша: пока не откроет могила
 Сырые объяття, — тащиться без важного дела.

Все небо скроет гнусный грех,
 На всех устах застынет смех,
 Тоска небытия...

Весны, дитя, ты будешь ждать —
 Весна обманет;
 Ты будешь солнцу на небо звать —
 Солнце не встанет;
 И крик, когда ты начнешь кричать,
 Как камень, канет...

Будьте ж довольны жизнью своей:
 Тише воды,
 Ниже травы!
 О, если б знали, дети, вы,
 Холод и мрак грядущих дней!

КАРМЕН.

Л. А. Д.

Как океан меняет цвет,
 Когда в нагроможденной туче
 Вдруг полыхнет мигнувший свет,—
 Так сердце под грозой певучей
 Меняет строй, боясь вздохнуть,
 И кровь бросается в лапы,
 И слезы счастья душат грудь
 Перед явленьем К а р м е н с и т ы.

ПОСЛЕДНЕЕ НАПУТСТВИЕ.

Боль проходит понемногу,
Не навек она дана.
Есть конец мятежным стонам.
Злую муку и тревогу
Побеждает тишина.

Ты смежил больные вежды,
Ты не ждешь — она вошла.
Вот она — с хрустальным звоном
Преисполнила надежды,
Светлым кругом обвела.

Слышишь ты сквозь боль мучений,
Точно друг твой, старый друг,
Тронул сердце нежной скрипкой?
Точно легких сновидений
Быстрый рой домчался вдруг?

Это — легкий образ рая,
Это — милая твоя.
Ляг на смертный одр с улыбкой,
Тихо грезить, замыкая
Круг постылый бытия.

Протянуться без желаний,
Улыбнуться навсегда,
Чтоб в последний раз проплыли
Мимо, сонно, как в тумане,
Люди, зданья, города...

Чтобы звуки, чуть тревожа
Легкой музыкой земли,
Прозвучали, потомили
Над последним миром ложа
И в иное увлекли...

Лесть, коварство, слава, злато —
Мимо, мимо, навсегда...
Человеческая тупость —
Все, что мучило когда-то,
Забавляло иногда...

И опять — коварство, слава,
Злато, лесть, всему вепец —
Человеческая глупость,
Безысходна, величава,
Бесконечна... Что ж, конец?

Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...

А когда пройдет все мимо,
Чем тревожила земля,
Та, кого любил ты много,
Поведет рукой любимой
В Елисейские поля.

* * *

Моей матери.

Ветер стих, и слава заревая
Облекла вон те пруды.
Вон и схимник. Книгу закрывая,
Он смиренно ждет звезды.

Но бежит шоссе́нная дорога,
Убегает вбок...
Дай вздохнуть, помедли, ради Бога,
Не хрусти, песок!

Славой золотеет заревою
Монастырский крест издалека.
Не свернуть ли к вечному покою?
Да и что за жизнь без клобука?..

И опять влечет неудержимо
Вдаль из тихих мест
Путь шоссе́нный, пробега́я мимо,
Мимо инокá, прудов и звезд...

* * *

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторожкой в Божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...—
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

* * *

З. Н. Гиппиус.

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забывать не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от «дней свободы» —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул пабата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье. —
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое!

* * *

Он занесен — сей жезл железный —
Над нашей головой. И мы
Летим, летим над грозной бездной
Среди сгущающейся тьмы.

Но чем полет неукротимей,
Чем ближе веянье конца,
Тем лучезарнее и зримей
Сияние Ее Лица.

И сквозь круженье вихревое,
Сынам отчаянья сквозя,
Уже уводит в голубое
Ее лазурная стезя.

ПЕРЕД СУДОМ.

Что же ты потунилась в смущеньи?
Погляди, как прежде, на меня.
Вот какой ты стала — в униженьи,
В резком, неподкупном свете дня!

Я и сам ведь не такой — не прежний,
Недоступный, гордый, чистый, злой.
Я смотрю добрей и безнадежней
На простой и скучный путь земной.

Я не только не имею права,
Я тебя не в силах упрекнуть
За мучительный твой, за лукавый,
Многим женщинам сужденный путь.

Но ведь я немого по-другому,
Чем иные, знаю жизнь твою,
Более, чем судьям, мне знакомо,
Как ты очутилась на краю.

Вместе ведь по краю, было время,
Нас водила пагубная страсть,
Мы хотели вместе сбросить бремя
И лететь, чтобы потом упасть.

Ты всегда мечтала, что сгорая,
Догорим мы вместе — ты и я,
Что дано, в объятьях умирая,
Увидать блаженные края.

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?

Не до нас ей, жизни торопливой,
И мечта права, что нам лгала.—
Все-таки когда-нибудь счастливой
Разве ты со мною не была?

Эта прядь — такая золотая
Разве не от старого огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

СОЛОВЬИНЫЙ САД.

1.

Я ломаю слонстые скалы
В час отлива на илистом дне,
И таскает осел мой усталый
Их куски на мохнатой спине.
Донесем до железной дороги,
Сложим в кучу,— и к морю опять
Нас ведут волосатые ноги,
И осел начинает кричать.
И кричит, и трубит он, — отрадно,
Что идет налегке хоть назад.
А у самой дороги прохладный
И тенистый раскинулся сад.
По ограде высокой и длинной

Лишних роз к нам свисают цветы.
Не смолкает напев соловьиный,
Что-то шепчут ручьи и листья.
Крик осла моего раздается
Каждый раз у садовых ворот,
А в саду кто-то тихо смеется,
И потом — отойдет и поет.
И, вникая в напев беспокойный,
Я гляжу, попукая осла,
Как на берег скалистый и знойный
Опускается синяя мгла.

2.

Знойный день догорает бесследно,
Сумрак почти ползет сквозь кусты;
И осел удивляется бедный:
— Что, хозяин, раздумался ты?
Или разум от зноя мутится,
Замечтался ли в сумраке я?
Только все неотступнее спится
Жизнь другая — моя, не моя...
И чего в этой хижине тесной
Я, бедняк обездоленный, жду,
Повторяя напев неизвестный,
В соловьином звенящий саду?
Не допоятся жизни проклятья
В этот сад, обнесенный стеной,
В синем сумраке белое платье
За решеткой мелькает резной.
Каждый вечер в закатном тумане
Прохожу мимо этих ворот,
И она меня, легкая, манит
И круженьем, и пеньем зовет.

И в призывном круженьи и пеньи
Я забытое что-то ловлю,
И любить начинаю томленье,
Недоступность ограды люблю.

3.

Отдыхает осел утомленный,
Брошен лом на песке под скалой,
А хозяин блуждает влюбленный
За ночью, за знойною мглой.
И знакомый, пустой, каменистый,
Но сегодня — таинственный путь
Вновь приводит к ограде тенистой,
Убегающей в сишюю муть.
И томление все безысходней,
И идут за часами часы,
И колючие розы сегодня
Опустились под тягой росы.
Наказанье ли ждет, иль награда,
Если я уклонюсь от пути?
Как бы в дверь соловьиного сада
Постучаться, и можно ль войти?
А уж прошлое кажется странным,
И руке не вернуться к труду.
Сердце знает, что гостем желанным
Буду я в соловьином саду...

4.

Правду сердце мое говорило,
И ограда была не страшна,
Не стучал я, — сама отворила
Неприступные двери она.

Вдоль прохладной дороги, меж лилий,
 Однозвучно запели ручьи,
 Сладкой песнью меня оглушили,
 Взяли душу мою соловьи.
 И звенели, спадая, запястья;
 Мне в объятьях открылся иной,
 Чуждый край незнакомого счастья
 И вознес над убогой мечтой.
 Опьяненный вином золотистым,
 Золотым опаленный огнем,
 Я забыл о пути каменистом,
 О товарище бедном своем.

5.

Пусть укрыла от дольного горя
 Утонувшая в розах стена —
 Заглушить рокотание моря
 Соловьиная песнь не вольна!
 И вступившая в пенье тревога
 Рокот волн до меня донесла...
 Вдруг — виденье: большая дорога
 И усталая поступь осла...
 И во мгле благовонной и знойной
 Обвиваясь горячей рукой,
 Повторяет она беспокойно:
 — Что с тобою, возлюбленный мой?
 Но, вперяясь во мглу сиротливо,
 Надышаться блаженством спеша,
 Отдаленного шума прилива
 Уж не может не слышать душа.

6.

Я проснулся на мглистом рассвете
Неизвестно которого дня.
Спит она, улыбаясь, как дети, —
Ей пригрезился сон про меня.
Как под утренним сумраком чарым
Лик, прозрачный от страсти, красив!..
По далеким и мерным ударам
Я узнал, что подходит прилив.
Я окно распахнул голубое,
И почудилось, будто возник
За далеким рычаньем прибоя
Призывающий жалобный крик.
Крик осла был протяжен и долог,
Проникал в мою душу, как стоп,
И тихонько задернул я полог,
Чтоб продлить очарованный сон.
И, спускаясь по камням ограды,
Я нарушил цветов забытье.
Их шипы, точно руки из сада,
Уцепились за платье мое.

7.

Путь знакомый и прежде недлинный
В это утро кремнист и тяжел.
Я вступаю на берег пустынный,
Где остался мой дом и осел.
Или я заблудился в тумане?
Или кто-нибудь шутит со мной?
Нет, я помню камней очертанье,
Тощий куст и скалу над водой...

Где же дом? И скользящей ногою
Спотыкаюсь о брошенный лом,
Тяжкий, ржавый, под черной скалою
Затянувшийся мокрым песком...
Размахнувшись движеньем знакомым
(Или все еще это во сне?),
Я ударил заржавленным ломом
Но слоистому камню на дне...
И оттуда, где серые спруты
Покачнулись в лазурной щели,
Закарабкался краб всполохнутый
И присел на песчаной мели.
Я подвинулся, — он приподнялся,
Широко разевая клешни,
Но сейчас же с другим повстречался,
Подрались и пропали они...
А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоняя чужого осла.

КОРШУН.

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг.—
В избушке мать над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест носи».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней.—
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

*⟨Автобиблиографический
список⟩*

- Стихотворения в трех томах. Издание четвертое. СПб. 1918. К-во «Земля» (печатается).
- Театр. (Балаганчик. Король на площади. Незнакомка. Роза и Крест). Издание третье. СПб. 1918, К-во «Земля» (печатается).
- Двенадцать. Скифы. Предисловие Иванова-Разумника. СПб. 1918, К-во «Революционный Социализм». Ц. 1 рубль.
- Россия и интеллигенция. Семь статей (печатается).
- Ф. Грильцарцер. Праматерь. (Die Ahnfrau). Драма в пяти действиях. Перевод в стихах А. Блока. [СПб. 1908. Распродано.] Второе (исправленное) издание М. и С. Сабашниковых (печатается).
- Г. Флобер. Переписка. Перевод А. А. Кублицкой-Пиоттух под ред. А. Блока. Часть первая. СПб. 1915. [Изд. Шишовник.] Ц. 3 рубля.
- Аполлон Григорьев. Собрание стихотворений. Собрал и примечаниями снабдил А. Блок. Москва 1915. Изд. Некрасова. Ц. 3 р. 50 коп.

ДОПОЛНЕНИЯ

Условные обозначения:

Астериски ставятся перед фрагментом текста и означают, что он выполнен (или вычеркнут, если одновременно употреблены прямые скобки [])

* — простым карандашом

** — красным карандашом

*** — синим карандашом.

Употребление чернил, основного материала, не отмечается; равно и то, что все порядковые номера стихотворений проставлены простым карандашом.

Действие знака распространяется слева направо от начала соответствующего фрагмента текста или вычерка до следующего знака или конца строки; в пояснительных записях Блока — до конца данной записи (косое расположение записей на листе не оговаривается).

Не восполняются сокращенные Блоком названия отдельных разделов второго и третьего тома стихотворений:

А. и С. — Арфы и Скрипки

Возм. — Возмездие

Вступ. — Вступление

Гор. — Город

О ч. п. в. — О чем поет ветер

П. З. — Пузыри Земли

Р. С., Р. Ст. — Разные Стихотворения

Род. — Родина

С. М. — Страшный Мир

Ф. — Фаина

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК
ИЗБРАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ
ДЛЯ «ИЗДАТЕЛЬСТВА
М. и С. САБАШНИКОВЫХ»

⟨л. 1:⟩

** Вся книга — в хронологическом порядке.

⟨л. 1: стлб. а:⟩

1898.

- 1 Муза в уборе ⟨вспы постучалась к поэту...⟩ — 8
2 Я стремлюсь ⟨к роскошной воле...⟩ — 12
3 Мне спилась смерть ⟨любимого создателя...⟩ — 12
*—————
*32

1899.

- 4 Милый друг ⟨! Ты юною душою...⟩ — 12
** [Между страда⟨ньями земными...⟩ — 4]
** [Когда мы любим ⟨безотчетно...⟩ — 4]
5 Гамаюн ⟨, птица вещая⟩ — 12
6 Я шел к блаж⟨енству. Путь блеснул...⟩ — 12
7 Дышит утро ⟨в окошко твое...⟩ — 10
8 Невед⟨омому⟩ Богу — 12
9 Спустилась мгла⟨, туманами чревата...⟩ — 12
*—————
*78

1900.

- ** [Медл⟨ительной⟩ чредой ⟨нисходит день
осенний...⟩ — 8]
** [Лениво и тяжело ⟨плывут облака...⟩ — 16]
** [Прош⟨едших⟩ дней ⟨немеркнущим сия-
нием⟩ — 10]

- 10 Не доверяй (своих дорог...) — 8
11 Увижу я (как будет погибать...) — 8
12 То сон (предутренний сошел...) — 12
13 Отрекись (от любимых творений...) — 8
14 Ищу спасенья (...) — 16
15 Медленно (тяжко и верно...) — 12

*—————
*98

(л. 1, стлб. б:)

1901.

- 16 Я вышел (Медленно сходили...) — 12
17 Ветер принес (издалека...) — 12
18 Чем больней (душе мятежной...) — 12
19 В день холодный (в день осенний...) — 12
20 Белой ночью (месяц красный...) — 8
21 Одинокый (к тебе прихожу...) — 8
22 Предчувствую Тебя (Года проходят мимо...) — 12

** [За туманом (за лесами...) — 12]

- 23 Я жду призыва (ищу ответа...) — 16
24 Входите все (Во внутренних покоях...) — 12
25 Сумерки (сумерки вешние...) — 16
26 Ты горюшь (над высокой горою...) — 12
27 Встану я в утро (туманное...) — 12
28 Медленно в двери (церковные...) — 12
** [Зарево белое (желтое, красное...) — 12]
29 Ночью вьюга (снежная...) — 12
30 Лежат холодные (туманы...) — 28

*—————
*230

* Избранные стихи // (выбрано в июле // 1918
для издания // Сабашниковых)

⟨л. 1 об., стлб. а:⟩

1902.

- 31 Бегут неверные ⟨дневные тени...⟩ — 12
 32 Сны раздумий ⟨небывалых...⟩ — 22
 33 На весенний праздник ⟨света...⟩ — 12
 34 Мы живем ⟨в старинной келье...⟩ — 12
 35 Верю в Солнце ⟨Завета...⟩ — 16
 ** [Целый день ⟨предо мною...⟩ — 12]¹
 36 Гадай и жди ⟨. Среди полночи...⟩ — 8
 ** [Кто плачет здесь(? На мирные ступени...)
 — 12]
 37 Весна в реке ⟨ломает льдины...⟩ — 10
 38 Мы встречались ⟨с тобой на закате...⟩ — 16
 39 Брожу в стенах ⟨монастыря...⟩ — 20
 40 Я, отрок, ⟨зажигаю свечи...⟩ — 16
 ** [Ужасен холод ⟨вечеров...⟩ — 8]
 41 Свет в окошке ⟨штался...⟩ — 20
 42 Золотистою долиной — 12
 43 Я вышел в ночь ⟨ — узнать, понять...⟩ — 24
 44 Экклесиаст — 24
 45 О легендах, о сказках, о тайнах... (Хр(и-
 стос)) — 12
 46 Любил я нежные ⟨слова...⟩ — 12
 47 Вхожу я в темные ⟨храмы...⟩ — 16
 48 Я их хранил ⟨в приделе Иоанна...⟩ — 12
 ** [Царица смотрела ⟨заставки...⟩ — 32]

*
 *360 стр(ок)

¹ Относим блоковскую сокращенную запись к нававанному стихотворению из хронологических соображений: оно датируется февралем 1902 (I, 174), после «Верю в Солнце Завета...» (22 февраля — I, 170), тогда как стихотворение «Целый день — суета у могил...» датируется январем 1902 г. (I, 486). — К. А., Н. К.

⟨л. 1 об., стлб. б:⟩

1903.

- 49 Целый год не дрожало ⟨окно...⟩ — 16
50 Я к людям не выйду ⟨навстречу...⟩ — 12
51 Потемнели, поблекли ⟨залы...⟩ — 16
52 Погружался я ⟨в море клевера...⟩ — 16
53 Все ли спокойно ⟨в народе...⟩ — 20
54 Мне снились веселые ⟨думы...⟩ — 16
55 Отворяются двери⟨ — там мерцанья...⟩ — 12
56 У забытых могил ⟨пробивалась трава...⟩ — 12
57 Просыпаюсь я⟨ — и в поле туманно...⟩ — 12
58 Темная, бледно-зеленая — 16
59 Фабрика — 16
** [Что с тобой⟨ — не знаю и не скрою...⟩
— 12]^a
60 Встала в сияньи⟨. Крестила детей...⟩ — 30
** [Отдых напрасен⟨. Дорога крута...⟩ — 16]
*—————
*222
* Красным вычеркнуто // 13 стих⟨отворений⟩
— 158 строк

⟨л. 2, стлб. а:⟩

1904.

- ** [Посл⟨едний⟩ день — *32] **Гор.
** [Петр — 24] **Гор.
61 Мой любимый⟨, мой князь, мой жених...⟩ — 20
62 Сторожим ⟨у входа в терем...⟩ — *20
63 Вот он ряд ⟨гробовых ступеней...⟩ — 16

^a На месте номера карандашная помета Блока:
текста.— К. А., Н. К.

** [Поднимались (из тьмы погребов...) — 24]

**Гор.

*

*136¹

1905.

64 Бол(отные) черт(енятки) — *24 **П. З.

65 Ты в поле отошла (без возврата...) — 16***

Вступ.²

66 Бол(отный) поп(ик) — *31 **П. З.

67 Колд(ун) и весна * — 21**П. З.

68 Она веселой невестой (была...) *34 **Р. С.¹

69 Полюби эту вечность (болот...)*8 **П. З.

* Т(екста) нет **[Белый конь чуть ступает
усталой ногой...* — 20] ***Род.³

70 Побывала старушка (у Троицы...) *24 **П. З.

71 Балаганчик — *28**Р. С.¹

72 Ос(енняя) воля — 28**Род.³

73 Девушка пела (в церковном хоре...) — 16

** Р. С.¹

** [Умолк(ает) светл(ый) вет(ер)* — 16

**Р. С.¹

74 Вот он — Христос (— в цепях и розах...)

— 20 ***Род.³

75 Митинг — 56 **Гор.

76 Еще прекрасно (серое небо...) — 16 **Гор.

** [Перст(ень) — Страд(апись) — *24] **Гор.

*

*382¹

¹ Здесь и далее подчеркнуто красным карандашом.—
К. А., Н. К.

² Здесь и далее взято в рамки красным карандашом.—
К. А., Н. К.

³ Здесь и далее подчеркнуто прямой чертой синим ка-
рандашом.— К. А., Н. К.

(л. 2, стлб. б:)

1906.

- 77 Ск(азка) о пет(ухе) и стар(ушке) *— 36 **Р. С.¹
78 Ночная Фиалка *304 ***Поэма²
79 Незнакомка — 52 **Гор.
* [Анг(ел) — Хранит(ель)]
80 Хол(одный) день — 32 **Гор.
81 В окт(ябре) — 40 **Гор.
82 Русь — 40 ***Род.
83 Сын и мать — *32 **Р. Ст. ¹
** [Нет имени (тебе, мой дальний...)]* — 28
**Р. Ст.
84 О жизни, догор(евшей в хоре...)* — 24 **Р. С.
85 Балаган* — 16 **Р. С.
86 Хожу, брожу (понурый...)*48 **Гор.
87 На чердаке* — 40 **Гор.

*—————
*702¹

(л. 2, стлб. б:)

1907.

- 88 3 ст(ихотворения). Из Сн(ежной) Маски
* — 60.*** — Поэм(а).²
* Вт(орое) Крещение⁴
* Ее песни⁴
* Обреченный⁴
89 Усталость — *18 — **Р. С.¹. *текста нет
** Зачатый в ночь(, я в ночь рожден...) —
*44| **Р. С.

⁴ Названия стихотворений из «Снежной Маски» вписаны Блоком над строкой восемьдесят восьмого номера.— К. А., Н. К.

- 90 *Из Вольных Мыслей* — *(О см(ерти)) — 123
 ***Поэм(а) ²
- 91 С каждой весной (пути мои круче...) — *16
 **Р. С.
- 92 Ты отошла(, и я в пустыне...)* — 12***Род. ³
- 93 В густой траве (пропадешь с головой...)
 * — 16 Род. ³
- ** [Когда в листве (сырой и ржавой...)* — 16]
 ***Род. ³
- ** [Сн(ежная) Дева* — 40] **Ф.
- 94 О, весна (без конца и без краю...)* — 28 **Ф.
- 95 Клеопатра* — 32 **Гор.

*—————
 **399 ¹

*** [Из ямбов (по 1914)]

1908.

- 96 Я помню длительные (муки...) — 16 **Ф.
- 97 Свирель запела (на мосту...)* — 18 ***А. и С.
 **[Май жестокий (с белыми ночами!..)*16]
 ***А. и С.
- 98 За гробом* — 24 ***Р. С.
- 99 Друзьям* — 24 ***Р. С.
- 100 Опять, как в годы (золотые...) — *26 ***Род. ³
 **[Вот он — ветер...* — 8]
- 101 Ночь, как почь(, и улица пустынна...)* — 16
 ***Возм.
- 102 Своими горькими (слезами...) — 36** — Ф.
- 103 *На поле Кулик(овом)* — 120***Род. ³
- 104 О доблестях(, о подвигах, о славе...) — 24.
 ***Возм.

*—————
 *328 ¹

1909.

- 105 Осен(ний) день – 24 ***Род. ³
106 Мой милый(, будь смелым...)* – 16 ***А. и С.
107 В голодной и больной (неволе...)* – 12
108 Ты в комн(ате) один (сидишь...) – 32. ***Возм.
109 Чем больше хочешь (отдохнуть...)*12 ***Возм.
110 Как прощались(, и страстно клялись...)* – 16
***А. и С.
111 Все на земле (умрет – и мать, и младость...)
* – 12 ***Р. С.
112 Из хруст(ального) тумана(...) – 30 С. М.
113 Поздн(ей) осенью (из гавани...) – 16 ***Р. С.

*—————
*138 ¹

(л. 2 об., стлб. а:)

1910.

- 114 Русь моя(, жизнь моя, вместе ль нам маять-
ся...)* – 20 ***Род. ³
115 Все, что память (сберечь мне старается...)
– 12 ***А. и С.
116 В ресторапе – 24 ***А. и С.
117 На жел(езной) дороге * – 36 ***Р. С.
118 Когда-то гордый (и надменный...)* – 16

***А. и С. ⁵

**[Там неба (осветленный край...)* – 12]
***Род. ³

*—————
*120 ¹

1911.

- 119 *Когда ты загнан (и забит...) – 28
***[Из Ямбов и]
120 Возм(ездие) (Пролог)* – 80

⁵ При синей букве С Блок поставил красный косой крестик: С*.— К. А., Н. К.

***[см(отри) 1907,]

***[1916).]

- 121 *О, как смеялись (вы над нами...) — 17

*—————
*125¹

1912.

- 122 Ветр налетит(, завоюет снег...)* — 12 ***А. и С.
*Текст(а) нет **[Благославляю все(, что было...)* — 16]
- 123 Как тяжело мертвецу (среди людей...)* — 49
***С. М.
- 124 Приближ(ается) звук(, И покорна щемящему звуку...)* — 16 ***Род.³
- 125 Миры летят(, Года летят. Пустая...)* — 24
** [Есть минуты(, когда не тревожит...)* — 12] ***А. и С.
- 126 Осенний вечер был(, Под звук дождя стеклянный...)* — 20 ***Р. С.
- 127 К Музе* — 24 ***С. М.
- 128 Ревет ураган(...) — 35

*173¹+35

(л. 2 об., стлб. б:)

1913.

- 129 Мы забыты (одни на земле...)* — 24
***О ч. п. в.
- 130 Есть времена(, есть дни, когда...)* — 16
***А. и С.
- 131 Праздн(ик) радостный(, праздник великий...)
— 60 ***Р. С.
- 132 Художник — 32 ***Р. С.
- 133 О, нет(!) не расколдуешь (сердца ты...)* — 40
***Р. С.

- 134 Есть игра(: осторожно войти...)* — 32***С. М.
135 Пристал ко мне (нищий дурак...)* — 16
136 Неотступное* — 12
137 Как свершилось(, как случилось...) — 60
***Возм.

*—————
*292¹

1914.

- 138 О, я хочу безумно (жить...) (см(отри
Ямбы))* — 12
139 Вновь богатый (зол и рад...) — 20
140 Ну, что же? Устало (заломлены слабые
руки...)* — 16
141 Голос из хора* — 30
142 Как океан (меняет цвет...)* — 8 — ***Кармен
143 Посл(еднее) напутьствие — 50 ***Р. С.
144 Ветер стих(, и слава заревая...)* — 16 ***Род.³
145 Грешить бесстыдно(, беспробудно...) — 24
***Р. С.
146 Рожд(енные) в года (глухие...) — 16 ***Р. С.
147 Он занесен(— сей меч железный...)* — 12
** [Я не предал (белое знамя...)* — 16]

*—————
*220¹

1915.

- *** [Протекли за годами (года...)* — 12]
*** [За горами, лесами* — 12]
148 Перед судом — 36
149 Солов(ьиный) сад ***148 Поэма

*—————
*184¹

1916.

** [Ветер («Дикий ветер...»)* — 26]

150 Коршун — 12 ***Род.³

*** [Другу (Ты твердишь, что я холоден,
замкнут и сух...)* — 40]

*—————
***3*8

* всего с 1898 — // 4527 стихов

*—————

* красным вычеркнуто // 17 стихотворений
—334 стр(оки) // Остается всего 3765 стихов+
35=3800⁶.

**всего 150 стих(отворений) // 3800 стихов²

⁶ Итог взят в рамку простым карандашом.— К. А., Н. К.

⟨А. А. БЛОК И «ИЗДАТЕЛЬСТВО
М. И С. САБАШНИКОВЫХ».
ДОГОВОР НА КНИГУ
«ИЗБОРНИК»⟩¹

21 июня 1918 года ...дня.— Мы, нижеподписавшиеся Александр Александрович Блок с одной стороны и Товарищество на вере под названием «Издательство М. и С. Сабашниковых» с другой стороны заключили между собой следующее условие:

1) А. Блок принял на себя выбрать и составить из всех когда-либо написанных им стихотворений сборник (антологию) стихов, могущий с возможной полнотой представить все стороны его творчества как в наивысших художественных, так и в наиболее им самим ценных достижениях.

2) Сборник должен заключать от 3500 до 5000 стихов, причем не изданных до сего времени стихов в нем должно быть не свыше десяти процентов. При желании А. Блок может предпослать сборнику небольшое предисловие, размером до одной страницы, объясняющее читателю, чем руководился поэт при выборе своих произведений.

3) Если издательство сочтет возможным дать в сборнике портрет и факсимиле автора, то А. Блок

¹ Текст, заключенный в прямые скобки,— зачеркнут.

Текст, выделенный курсивом,— вписан рукой Блока.

Текст, выделенный разрядкой,— вписан чужой рукой.

— Слова подчеркнуты красным карандашом

представит издательству для того свою фотографию и подпись.

4) Весь текст должен быть представлен Издательству в готовом к печати виде * 1 сентября 1918 *.

5) Издательство выпускает затем сборник отдельным томиком в предполагаемой им серии беллетристических произведений под общим для всех подобных же выпусков названием, причем время выпуска книги, порядок выпуска, внешность ее, цена и условия продажи и распространения всецело определяются издательством по его усмотрению.

6) *А. Блок* уступает право выпуска в свет настоящего сборника в неограниченном количестве экземпляров и изданий с правом дальнейших переуступок, что, однако, не лишает *А. Блока* права помещать стихотворения, включенные им в сборник, как в полных собраниях своих произведений, так и при переиздании им книг и сборников, в кои они первоначально издавались; однако стихотворения, включенные в сборник, не должны в полном собрании произведений автора размещаться в том же сочетании, в каком они войдут в сборник.

7) *А. Блок* получает от Издательства 15% с нарицательной цены томика сборника, объявленной на обложке (без переплета), один раз в год по заключении издательством годового отчета и выяснении числа действительно проданных экземпляров. Авансом в счет указанного отчисления *А. Блок* получает при представлении издательству всего готового к печати текста [пятьсот] тысяч рублей.

8) Договор сей стороны обязуются хранить свято и нерушимо, и он является обязательным для наследников и правопреемников обеих сторон и

для всех, кому бы стороны не переуступили свои права. В случае отмены в России прав литературной собственности издательство уплачивает лишь упомянутый в п. 3 аванс за труд по составлению сборника и освобождается от уплаты процентного отчисления по п. 3. В случае же частичного изменения закона об авторских правах в направлении сокращения таковых, установленное процентное вознаграждение по п. 3 может быть уменьшено либо полюбовным соглашением, либо через арбитров. В случае же * не * представления к установленному в пункте 4-м сроку готового к печати текста издательству предоставляется самому произвести выбор произведений для сборника *(в сем пункте вписано «и с»)*.

В § 7 сего договора слово «пятьсот» зачеркнуто, сверху написано «тысячу» — тому верить.

Александр Блок.

Тысячу рублей авансом получил Александр Александрович Блок.

21 июня 1918 г.¹

¹ Расписка сделана на гербовых марках. Справа — печать и запись: «Гербовый сбор в размере 5 руб. уплачен гербовыми знаками 1918 года 30/VI дня Инспектор (подпись врзбр.) — К. А., Н. К.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Н. В. Котрелев

АЛЕКСАНДР БЛОК
В РАБОТЕ НАД ТОМОМ
ИЗБРАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ
(«ИЗБОРНИК», 1918) *

«Изборник» — самое крупное, по всей вероятности, произведение Александра Блока, не увидевшее света при жизни автора и только теперь появляющееся в печати¹. Как правило, все, кто пишет о Блоке, пользуются текстами его стихотворений в «последней редакции» из собраний сочинений, где материал расположен либо в чисто хронологиче-

* Почин настоящего издания принадлежал С. С. Гречишкину, который, к глубокому сожалению соавторов, не смог принять участия в его подготовке. Раздел «1» статьи написан совместно с К. М. Азадовским. Большой, дружеской помощью мы обязаны А. В. Лаврову, за что приносим ему самую живую благодарность.

¹ О том, насколько текст «Избранных стихотворений» 1924 г. отвечает (вернее, не отвечает) авторскому тексту «Изборника», см. ниже. Читатель получил возможность доступа к оригиналу блоковской книги около двадцати лет назад в составе фонда «Издательство М. и С. Сабашниковы» в Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. См.: *Панина А. Л.* Архив издательства М. и С. Сабашниковых // Зап. ОР ГБЛ. М., 1972. Вып. 33. С. 81, 114 (далее это архивохранилище именуется ОР ГБЛ). Тогда же А. П. Толстяков в краткой, но содержательной статье первым указал на важность блоковского «Изборника» в ряду других прижизненных изданий поэта, заявил о необходимости внимательного изучения этой книги при подготовке полного собрания сочинений поэта. См.: *Толстяков А.* «Изборник» Александра Блока // *Вопр. литературы.* 1968, № 2. С. 248—250.

ской последовательности, либо с противопоставлением «капонической» редакции трехтомника «Стихотворений» «стихотворениям, не вошедшим в основное собрание». Такой подход к наследию поэта подразумевает, что каждое стихотворение он доводил от первоначального замысла до некоей окончательной версии, наилучшим образом выражающей художественную идею. В этой перспективе и история трехчастного «романа в стихах» (I, 559)² предстает историей нарастающего выяснения некоего «смысла», изначально единственного и потому обретающего «истинную», себе совершенно соответствующую и потому «окончательную» форму. В работе самого Блока можно найти опору такого рода представлениям. Например, в своих беловых тетрадах Блок имел «полное собрание стихотворений» в хронологическом порядке, с необходимым сопроводительным аппаратом датировок и сведений о публикациях³. Напротив, подготовительные материалы к отдельным поэтическим книгам или томам «Стихотворений» Блок сохранял только как запас копий, т. е. книга выбиралась из всей массы стихотворений как временное образование, чтобы потом ее составляющие снова вернулись на свои помеченные временем создания места, до формирования следующего сборника.

² Цитаты из произведений Блока приводятся (с указанием в скобках тома и страницы) по изданию: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960—1963; цитаты из записных книжек (сокращенно: ЗК и страница) — по изданию: Блок А. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965.

³ Орлов В. Н. Литературное наследство Александра Блока // Литературное наследство, Т. 27/28. М., 1937. С. 505—508, 510.

«Канонический», окончательный текст необходим. Но исторический подход не позволяет упускать из виду динамику блоковского творчества. Нужно помнить, что каждый момент и этап творческого пути поэта запечатлевает себя в первоначальной форме произведений, созданных именно в это время; позднейшие переделки, доработки, циклизация и т. п. уже ретроспекция, более характеризующая свое время, чем то, к которому возвращается поэт. Не об этом ли говорил и сам Блок в начале 1916 г., работая над вторым изданием поэтического трехтомника: «Переиздание моих книг побуждает меня всегда проверять весь путь, потому я семь раз отмериваю, чтобы раз отрезать. (...) Выбираю и распределяю все так, чтобы как можно яснее (насколько в данное время жизни понимаю) было, чего хотел, чего не достиг, как падал, где удалось удержаться» (VIII, 456—457, курсив наш.— К. А., Н. К.). И тут же поэт оговаривался, что «все это» (т. е. создание трехтомника «Стихотворений») «не имеет ничего общего с „полным собранием сочинений“». Над единым хронологическим потоком отдельных стихотворений, воплотивших в себе отдельные мгновения жизни, разворачивается другой поток, воплотивший различные ступени и этапы авторефлексии, ряд литературных «жестов»: выбор произведений для публикации в интимном кругу или в печати, циклизация в журналах и альманахах, включение тех, а не иных стихотворений в книгу и порядок их сцепления в ней. Мы справедливо отдаем приоритет в блоковском творчестве трехтомнику «Стихотворений», поскольку и сам поэт считал его главным своим произведением; и как «последнее» слово поэта о себе мы должны рассматривать по-

следнюю редакцию трех томов, которую и называют «канонической»⁴.

Но «каноническая» редакция для всякого, кто интересуется Блоком в его становлении, не отменяет ни одной более ранней редакции, каждая из которых служит первоисточником для понимания *своего* «времени жизни». То же следует утверждать, и с не меньшей настоятельностью, об отдельных сборниках поэта. Нельзя Блока, скажем, 1907—1908 гг. изучать только по стихам этого периода, как они даны в «каноне», т. е. по четвертому прижизненному изданию (1918) второго тома и третьему (1921) — третьего. В этом случае необходим прежде всего анализ всех стихотворений этих годов в их внутренних связях между собой (и именно в тогдашних, 1907—1908 гг., редакциях), необходим самый скрупулезный анализ сборников «Нечаянная Радость», «Снежная Маска» и «Земля в Снегу», какими они были опубликованы Блоком в 1907 и 1908 гг. О Блоке 1916 г. второе издание «Стихотворений», подготовленное тогда, говорит гораз-

⁴ Тут, впрочем, является одно важное недоумение. Блок рассматривал три тома как единое целое и, следует предположить, принимался за работу над новым изданием трехтомника всякий раз с единым творческим замыслом. Если это так, то третьей полной редакции, подготовленной для издательства «Земля» по договору 1918 г., противостоит незаконченная четвертая, с одним только первым томом, наново переработанным в 1918—1920 гг. (кроме того, и третий том, подготовленный для «Земли», пока ждал печати, был автором переработан независимо от первых двух. См.: Орлов В. Н. Указ. соч. С. 529—530). Насколько естественно соединение в «каноне» томов из разных изданий? Вопрос этот слишком сложен и ответствен, чтобы решать его здесь, но поставить его необходимо.

до больше, чем сравнительно немногочисленные, написанные в 1916 г. произведения. Одна из очередных задач блоковедения, на наш взгляд, — тщательное изучение отдельных книг поэта и всех редакций трилогии как самоценных художественных данностей⁵.

Из всех прижизненных книг Блока исследователям и читателям наименее доступен (а практически недоступен) был «Изборник». Основная цель предпринятой нами работы: представить его по возможности широкому кругу ученых и всем ценящим творчество Блока и русское поэтическое слово.

1

«Изборник» составлен Блоком по заказу «Издательства М. и С. Сабашниковых»⁶. Он должен был стать одним из выпусков серии «избранных» русских поэтов. Появление такого издательского замысла отражало ситуацию в русской литературе и на русском книжном рынке, вполне определив-

⁵ В этом смысле представляется уже недостаточным анализ, скорее библиографический, прижизненных книг Блока, проведенный В. Н. Орловым. См.: Орлов В. Н. Указ. соч. С. 512—535.

⁶ Об этом замечательном издательском предприятии существует уже обширная литература. Основным источником наших знаний о нем являются мемуары издателя, увидевшие свет, к сожалению, в сильно сокращенном виде (*Сабашников М. В. Воспоминания. М., 1983*), указанный в примеч. 1 обзор архива издательства, подготовленный А. Л. Паниной, и ее кандидатская диссертация (см. автореферат: *Панина А. Л. Издательская деятельность М. и С. Сабашниковых. М., 1975*); упомянем также популярную монографию: *Белов С. Книгоиздатели Сабашниковы. М., 1974*.

шуюся к середине 1910-х годов. В глумливо осмеянных в 1890-е годы, в начале XX в. «декадентах» и «символистах» — К. Д. Бальмонте, Федоре Сологубе, Зинаиде Гиппиус, Валерии Брюсове, Вяч. Иванове, Андрее Белом, Александре Блоке, Михаиле Кузmine⁷ — русский читатель узнал крупнейших поэтов своего времени, законных наследников и обновителей классической традиции.

Символисты оказали решающее влияние на становление следующего поколения русских поэтов — В. Хлебникова, Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама, В. Маяковского, М. Цветаевой, Б. Пастернака и, по сути, всех других. Из поэтов, принадлежавших к иным литературным лагерям, один И. А. Бунин равнялся с ними даром и признанием (и поэтому М. В. Сабашников, служивший утверждению ценностей русской культуры, предложил, как мы увидим, подготовить «изборник» и ему).

Внешним признаком — и закреплением — литературного успеха, устойчивости читательского интереса был выпуск «Собрания сочинений». Первым право на него получил Бальмонт, самый популярный русский лирик первого десятилетия нашего века. В 1904—1905 гг. московское издательство «Скорпион» выпускает его двухтомное «Собрание стихотворений», в которое вошли пять ранних книг поэта; двухтомник позже заменяется десяти томным «Полным собранием стихов», отдельные тома которого до 1914 г. выдержали по нескольку изданий, что давало по тем временам очень большой для

⁷ И. Анненский появился в литературе, когда борьба новой школы за признание была уже на деле выиграна.

поэзии суммарный тираж (по 6500 экз. только в «скорпионовском» издании). Затем появились трехтомный свод стихотворений Брюсова («Пути и перепутья». М., 1908—1909), собрания сочинений Сологуба (СПб., 1909—1912; СПб., 1913—1914), Брюсова (СПб., 1913—1914), Кузмина (Пг., 1914—1915). Но еще раньше, в 1911—1912 гг., московский «Мусагет» выпустил три тома «Собрания стихотворений» Блока тиражом 1300 экз.

Спрос на поэзию на русском книжном рынке рос стремительно, особенно с начала 1910-х годов. Перед литераторами и издателями встал вопрос об удовлетворении не только обычного покупателя поэтических книг, как правило, сравнительно дорогих, но и читателя «широкого», даже массового. Громоздких собраний сочинений, создававших репутацию, было недостаточно.

И вот 5/18 марта 1913 г. К. Д. Бальмонт пишет своему издателю С. А. Полякову — «Скорпиону»: «Прошу ответить о следующем. Я составляю сборник „Образцы поэзии Бальмонта“. Том страниц в 300, из наиболее любимых читателем стихов моих, а равно из наиболее любимых мною, — по несколько стихотворений из каждой моей книги. Сборник должен быть напечатан в большом количестве экземпляров и стоить не дороже рубля. Я полагаю, что такая книга двинет продажу всех моих томов. Сообщи мне, пожалуйста, расположен ли ты издать такой сборник. Должен сказать, что для него у меня есть издатель, но мне приятно было бы иметь дело с тобой. Прошу не задерживать меня таким или иным ответом»⁸. И уже в октябре того же

⁸ Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (далее: РО ИРЛИ). Ф. 240. Оп. 1. № 12—51. Л. 58.

года «Скорпион» выпустил в продажу книгу Бальмонта «Звенья. Избранные стихи, 1890–1912» (тиражом 5000 экз., ценою в рубль). Еще красноречивее пример В. Брюсова, издавшего в 1915 г. и переиздавшего в 1916 г. свои «Избранные стихи» в самой массовой, копеечной «Универсальной библиотеке». В этом же издательстве была выпущена в 1916 г. и книга «выбранных стихов» Ф. Сологуба, посвященных России, — «Земля родная». Приветствуя появление этих двух «изборников» как первую попытку «ознакомить читательскую массу с современной нашей поэзией», В. Ходасевич высказывал пожелание, «чтобы издатели не останавливались на этом первом опыте и дали сборники других выдающихся поэтов, наших современников: А. Блока, Вяч. Иванова, Андрея Белого, З. Гиппиус»⁹. С этими фактами в непосредственной связи стоит «сабашниковский» издательский замысел, имевший, разумеется, собственные культурные задачи, вытекавшие из общего направления деятельности издательства, в котором просветительские функции господствовали над коммерческими интересами¹⁰.

⁹ Утро России. 1916, № 176 (25 июня) (раздел «Новые книги»).

¹⁰ При оценке деятельности «Издательства М. и С. Сабашниковых» нельзя упускать из виду следующего обстоятельства. Обладая значительным и независимым от успехов книгоиздательской деятельности капиталом, М. В. Сабашников в годы расстройства русского книжного рынка широко скупал авторские права на произведения русских писателей. Ту же издательскую политику он проводил и после Октябрьской революции, используя на это значительную часть получаемых через Наркомпрос и Госиздат ссуд и издательской прибыли (см. в связи с этим прямую ссылку на обычай

Из письма М. В. Сабашникова к И. А. Бунину от 9 октября 1918 г. видно, что еще в 1916 г. он обсуждал с русскими поэтами тип и характер будущих «изборников». «Вы были в числе первых, — писал Сабашников Бунину, — к которым я два года тому назад обратился с предложением о составлении сборника. Вы тогда высказали Ваше к этому отношение и поместили желательную форму договора. Ваши замечания были припяты во внимание и легли в основу текста, припятого в настоящее время всеми вошедшими в соглашение поэтами»¹¹. В издательстве, действительно, был выработан проект типового договора, который согласовывался с отдельными авторами, в некоторых случаях претерпевая изменения. В «сабашниковском» архиве сохранился ряд договоров, подписанных обеими сторонами. Первый по времени договор на составление «Изборника» был заключен с Кузминым (он подписан 28 января 1917 г.¹²), затем с Баль-

издательства авансировать авторов ежемесячными выплатами в заявлении М. В. Сабашникова в Наркомпрос от 12 января 1919 г. — ОР ГБЛ. Ф. 261. Карт. 1. Ед. хр. 3. Л. 1). В тяжелых условиях военных и пореволюционных лет для десятков литераторов уступка прав Сабашникову и его щедрые авансы были необходимой помощью, для многих — основным источником существования. Примером тому служит и коммерческая сторона отношений издателя с Блоком. Однако в случае послевоенной нормализации книжного дела на частно-предпринимательской основе богатейший договорной портфель позволил бы Сабашникову развернуть свое дело с невиданным, едва ли не монополистическим размахом.

¹¹ ОР ГБЛ. Ф. 261. Карт. 2. Ед. хр. 5. Л. 1 (машинописанная копия).

¹² Там же. Ф. 261. Карт. 8. Ед. хр. 27. Л. 2—3, 8.

монтом (подписан 7 июня 1917 г.¹³). Остальные договоры совершались весной 1918 г.: договор с Сологубом был подписан 15 апреля¹⁴, с Вяч. Ивановым — 4 мая¹⁵, с Брюсовым — 30 мая¹⁶, с Блоком — 21 июня 1918 г.¹⁷ Соответственно были указаны и различные сроки представления рукописей в издательство: Бальмонту — 1 февраля 1918 г., Вяч. Иванову — 1 августа 1918 г., Блоку — 1 сентября 1918 г., Сологубу — 1 января 1919 г.

Каждому из подписавших договор авторов предлагалось, согласно пункту 1, составить для издательства антологию собственных стихотворений («изборник»), где были бы с возможной полнотой представлены все стороны его творчества «как в наивысших художественных, так и в наиболее им самим ценимых достижениях»¹⁸. В тексте договора устапавливалось также, что «„изборник“ должен заключать от 3500 до 5000 стихов, причем непзданных до сего времени стихов в нем должно

¹³ Там же. Карт. 7. Ед. хр. 32. Л. 15—16.

¹⁴ Там же. Карт. 8. Ед. хр. 98. Л. 1 (в этот договор внесены Сологубом очень интересные оговорки на случай отмены права литературной собственности).

¹⁵ Там же. Ед. хр. 7. Л. 3.

¹⁶ Там же. Карт. 7. Ед. хр. 47. Л. 3—4.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 41. Л. 3.

¹⁸ Здесь и в дальнейшем цитируется текст договора, подписанного Блоком (Там же. Ф. 261. Карт. 7. Ед. хр. 41). В архиве Блока сохранилась также незавершенная и неподписанная машинописная копия договора — РО ИРЛИ. Ф. 651. Оп. 1, № 132. Л. 3—3 об. Возможно, это копия типового договора, предложенная Блоку в начале переговоров для ознакомления, как проект (а может быть, от нас ускользает смысл появления этого документа — подобные копии сохранились и в архиве издательства при других авторских договорах).

быть не более десяти процентов». В том же пункте было отмечено, что автор при желании «может предпослать изборнику небольшое предисловие, размером до одной страницы, объясняющее читателю, чем руководствовался поэт при выборе своих произведений». Кроме того, в шестом пункте договора содержалась важная оговорка о том, что «стихотворения, включенные в изборник, не должны в полном собрании произведений автора размещаться в том же сочетании, в каком они войдут в изборник»¹⁹.

Особого внимания заслуживает пятый пункт договора, определяющий, что «Издательство выпускает (...) изборник отдельным томиком в предполагаемой им серии беллетристических произведений под общим для всех подобных же выпусков названием». Кажется, при разработке проекта договора еще не ясен был общий контур предприятия.

По письму М. В. Сабашникова Брюсову от 1 мая 1918 г. можно предположить, что обсуждался замысел специальной серии: «Мы как-то давно гово-

¹⁹ В договоре с Сологубом эта фраза зачеркнута — ОР ГБЛ. Ф. 261. Карт. 8. Ед. хр. 98. Л. 1. В связи со своими обязательствами перед издательством В. Антика (ср. примеч. 20) Брюсов внес собственной рукой в свой контракт при подписании оговорку о том, что он «сохранит за собою право издавать и впредь другие изборники (антологии своих стихов), с тем, однако, чтобы в них стихотворения помещались в ином сочетании и при ином выборе, нежели в изборнике издательства М. и С. Сабашниковых» (ОР ГБЛ. Ф. 261. Карт. 7. Ед. хр. 47. Л. 4). Как мы видим, и композиция материала в издательской практике четко осознавалась в качестве элемента художественного, авторского (тем самым учитываемого авторским правом).

рили об издании сборника Ваших стихов. Вы тогда отнесли к моему предложению благосклонно, предупредив, что подобный сборник выпускается Антиком в Универсальной библиотеке, что, однако, как я тогда же указал Вам, не исключает значения задуманного мною издания. Наше издание, во-первых, было бы изящнее и, во-вторых, входило бы в серию подобных вещей, что само собой уже имеет интерес. Я нездоров, не выхожу и потому не могу посетить Вас, чтобы войти во все подробности моего плана, который мною, впрочем, был развит при разговоре с Вами более года тому назад достаточно полно. (...) Вы его усмотрите в том проекте договора (прилагаемом при сем), на основании которого мы заключаем соглашения с поэтами по составлению ими своих сборников. Обратите внимание, что нами предполагаемое издание совместимо не только с переизданием каждого из Ваших сборников отдельно и с изданием полного собрания Ваших сочинений, но и с изданием параллельно с нами других подобных же сборников, лишь бы содержание их не совпадало во всем. Вся суть в нашем деле состоит в том, что мы хотим дать собрание или коллекцию таких сборников. Это будет хрестоматия современных поэтов, но изданная не в одном большом томе, а томичками, из которых каждый будет посвящен одному только поэту»²⁰.

Но в то же время в издательство оформился план «Пушкинской библиотеки». Ее характер хорошо виден по первому пункту договора издатель-

²⁰ ОР ГЕЛ. Ф. 386. Карт. 101. Ед. хр. 25. Л. 21 и об.; на л. 22 об. брюсовский набросок содержания «сборника».

ства с М. О. Гершензоном, по которому последний обязывался взять на себя редакцию 150 томов серии: «М. В. Сабашников предполагает выпустить в своем книгоиздательстве (...) серию книг под названием „Пушкинская библиотека“, состоящую из избранных произведений изящной словесности, русской и иностранной, по преимуществу романистов XIX века и других писателей, дающих занимательное, легкое и изящное чтение, подходящее для широких кругов русских читателей. „Пушкинскую библиотеку“ предположено выпускать томками в 7–12 печатных листов (считая лист по 40 000 букв), от 40 до 60 томов в год, равномерно в течение всего года, примерно по одному томику в неделю. К регулярному выпуску „П(ушкинской) б(иблиотеки)“ должно быть приступлено немедленно по окончании войны, лишь только к тому представится возможность по состоянию бумажного рынка и по условиям работы в типографиях; но предварительно теперь же предполагается приступить к выпуску незначительного количества образцов томиков „П(ушкинской) б(иблиотеки)“»²¹.

Более определенно просветительский замысел «Пушкинской библиотеки» вырисовывается из представленной 20 февраля 1920 г. в Госиздат «Программы работ» издательства. Там, в частности, говорится: «Как выпускаемые издательством „Памятники мировой литературы“ предназначены по своему характеру для людей серьезно образованных, так „Пушкинская библиотека“ должна при-

²¹ ОР ГБЛ. Ф. 261. Карт. 7. Ед. хр. 64. Л. 9 (договор совершен 30 октября 1916 г.).

общить к миру поэтического творчества широкую массу читателей». Далее среди прочих намеченных изданий «Программа...» называет «изборники старых и современных русских поэтов (поэты пушкинской поры, кн. И. М. Долгорукий, Н. И. Козлов, К. Д. Бальмонт, В. И. Иванов, В. Я. Брюсов, А. Блок и др.)»²².

Несомненно, все эти заманчивые характеристики замышлявшейся серии были изложены Блоку 4 мая 1918 г., когда его посетил Н. А. Барановский, представитель издательства (ЗК, 404)²³. От имени М. В. Сабашникова Барановский предложил поэту «подписать два договора»: один на переиздание блоковского перевода драмы Ф. Грильпарцера «Праматерь», другой — на издание «Изборника». Блок, судя по всему, согласился (хотя подписаны оба договора были несколько позднее) и начал работу с «Праматери» (ЗК, 404–406, 408)²⁴.

²² Там же. Карт. 1. Ед. хр. 11. Л. 5 и об. Издатель указал в своем проспекте книги либо вышедшие (см. об этом ниже), либо те, кажется, работа над которыми могла быть завершена, по его мнению, в короткий срок.

²³ Николай Александрович Барановский — племянник М. В. Сабашникова. «Комиссионером» издателя называет его в письме к Сабашникову 5 мая 1918 г. Ф. Ф. Зелинский, ведший переговоры с Барановским в Петрограде — ОР ГБЛ. Ф. 261. Карт. 4. Ед. хр. 21. Л. 21 об. В ЗК (404). Блок не называет имени «сабашниковского» агента, начавшего с ним переговоры; соседство дат блоковского записки и письма Зелинского делает весьма достоверным предположение о встрече 4 мая именно с Барановским (который и позже оформлял договор, выдавал аванс).

²⁴ Договор на «Праматерь», датированный 26 мая, хранится в архиве издательства Сабашниковых (ОР ГБЛ. Ф. 261. Карт. 7. Ед. хр. 41. Л. 1-2). В тот же день Блок расписался в получении аванса (Там же).

В начале июня Блок уже трудится над «Изборником». 8 июня он вновь разговаривает с Барановским «по поводу изборника» (ЗК, 411). 10 июня датируется запись: «Выбирание стихов для „Изборника“ до глубокой белой ночи и головной боли» (ЗК, 411). Работа над «Изборником» заняла у Блока в общей сложности около двух недель. 19 июня он помечает в записной книжке: «Кончен „изборник“» (ЗК, 413). 21 июня Блок подписывает договор на «Изборник» и, видимо, передает Барановскому оригинал подготовленной книги. В этот же день он получает и аванс — тысячу рублей²⁵. В позднейших дневниковых заметках Блока «Изборник» не упоминается.

К осени 1918 г. рукописи «изборников» представили в издательство лишь Блок и Бальмонт. Несколько позднее закончил свою работу Сологуб²⁶. Стремясь начать с 1919 г. издание поэтических томов «Пушкинской библиотеки», М. В. Сабаников неоднократно напоминал авторам о «изборниках», торопил их. «В настоящее время мы приступаем к печатанию тех изборников, которые к нам поступили», — сообщал он Бунину 9 октября 1918 г.²⁷ «Нам хотелось бы приступить к печатанию Изборника, и, если Вы можете приготовить текст, то мы сдали бы его в типографию», — уговаривал 4 сентября 1918 г. Сабаников Брюсова²⁸.

²⁵ Расписка Блока на договоре в получении аванса — ОР ГБЛ. Ф. 261. Карт. 7. Ед. хр. 41. Л. 4

²⁶ Оригиналы «Изборника», составленного Сологубом, сохранились в архиве издательства (ОР ГБЛ. Ф. 261. Карт. 13. Ед. хр. 22; оригинал составлен автором из отдельных листов его прежде изданных книг).

²⁷ ОР ГБЛ. Ф. 261. Карт. 2. Ед. хр. 5. Л. 1.

²⁸ ОР ГБЛ. Ф. 386. Карт. 101. Ед. хр. 25.

Однако в действительности дело подвигалось медленно. Издательство Сабашниковых работало в 1918–1920 гг. с постоянными перебоями, преодолевая серьезные типографские, финансовые и другие затруднения. Это обстоятельство «расхолаживало» некоторых авторов. «Что до антологии моих стихов, — писал Сабашникову хорошо осведомленный в издательской конъюнктуре Брюсов 11 сентября 1918 г., — то составить ее не хитро; нужно мне для того два-три вечера, которые я сумею все же найти. Итак, все зависит от Вас. Если Вы располагаете возможностью печатать, я в скором времени приготовлю „оригинал“. Но составлять рукопись для того, чтобы она лежала и ждала своей очереди, неопределенно, — не осудите меня, — не могу. Еще раз благодарю Вас за предложение и готов доставить Вам рукопись, но именно *для печати*»²⁹.

17.12.1918 г. Блок обращается к М. В. Сабашникову с просьбой уступить перевод «Праматери» издательству «Всемирная литература». «Очень прошу Вас сообщить, печатается ли мой „Изборник“, — спрашивает Блок в том же письме³⁰. В ответном письме, соглашаясь на просьбу Блока, М. В. Сабашников писал 6.1.1919 г.: «С большим огорче-

²⁹ Из переписки советских писателей: Письма В. Я. Брюсова // Зап. ОР ГБЛ. М., 1967. Вып. 29. С. 229–230.

³⁰ Литература и жизнь, 1960, № 141 (27 нояб.). Письмо Блока (см. о нем также заметку — ЗК, 440) передал Сабашникову В. Ф. Ходасевич, как видно из его неопубликованного письма к издателю от 25 декабря 1918 г.: «...я не знаю, смогу ли вскоре зайти к Вам. Между тем, Петербург торопит меня с ответом на прилагаемые два письма: одно от Блока, другое от Сологуба. Пожалуйста, передайте ответ подательнице сего, моему секретарю по „Всемирной литературе“» (ОР ГБЛ. Ф. 261. Карт. 6. Ед. хр. 99. Л. 2; Ходасевич в это

нием исполнил я Ваше пожелание и передал сегодня В. Ф. Ходасевичу (...) Ваш перевод Грильпарцера. Возвращением аванса (...) благоволите не беспокоиться, ибо он сам собою погасится печатающимся у нас изборником Ваших стихотворений. Для изготовления портрета к последнему не

время был деятельным сотрудником издательства «Всемирная литература»). Ф. Сологуб писал тогда же М. В. Сабашникову: «В Вашем распоряжении находятся мои переводы... Возникшее в Петрограде издательство „Всемирная литература“ включило эти произведения в свой список и желало бы иметь их в моем переводе. Состояние книжного дела в настоящее время таково, что частные издательства почти не имеют возможности что-либо издавать. Так, напр(имер), кончились ничем мои переговоры с одним здешним издательством о переиздании моих четырех романов, уже распроданных,— издательство (Кадима) не может ничего издать. Возможно, что и Ваше издательство находится в таком же положении. Невозможность работы в области оригинальной беллетристики принуждает не одного меня заняться более прилежно переводными работами, тем более, что жизнь очень дорога и трудна. Эти обстоятельства заставляют меня обратиться к Вам с просьбою о возвращении мне упомянутых переводов для передачи их изд(ательству) „Всемирная литература“. Полученные от Вас деньги будут возвращены незамедлительно после получения моих переводов от Вас. Г. Ходасевич передаст Вам это письмо, и ему же Вы сообразовите дать Ваш ответ и вручить рукописи» (ОР ГБЛ, Ф. 261, Карт. 6, Ед. хр. 37, Л. 9; машинопись, подпись — автограф). Несомненно тогда же Сологуб предпринял еще одну попытку объяснить свой выходящий за рамки издательской этики поступок (все, что говорил Сологуб, мог о себе, конечно, сказать и Блок): «Я очень надеюсь, что Вы поймете и оцените те тяжелые обстоятельства, которые заставили меня обратиться к Вам с просьбою о передаче моих переводов, предоставленных Вам, в другое издательство. И издательские, и литературные условия в

откажете прислать мне Вашу фотографическую карточку»³¹.

«Я очень рад, что изборник мой уже печатается у Вас, — отвечает Блок 18 января 1919 г. — Посылаю Вам портрет старый (1907 года), с тех пор я не снимался как следует; думаю, что он подходит, так как изображает автора как раз на середине того пути, который отмечен в книжке»³².

настоящее время чрезмерно тяжелы. Закрытие газет, стеснение издательской деятельности, необычайная дороговизна жизни — все это ставит каждого, живущего литературным трудом, в исключительно трудное положение. Очень прошу Вас возвратить мне приобретенные Вами права на мои переводы и также прошу поверить, что делаю это с большим огорчением, возлагая большую надежду на Ваше благосклонное и великодушное ко мне отношение. Я буду чрезмерно рад, если когда-нибудь сумею каким-нибудь новым соглашением относительно других вещей поправить ту неловкость, которую я принужден совершить по отношению к Вам» (Там же, л. 7; машинопись, подпись — автограф; оба письма без даты, второе, очевидно, написано несколько позже первого; на обоих пометы М. В. Сабашникова о сделанном ответе; ответ издателя Сологубу на оба письма помечен 27 декабря 1918 г. — РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 604. Л. 55).

³¹ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. № 7; на письме помета Блока: «Получено 17 января, вскрытое военной цензурой! Отв(етил) и посл(ал) портрет 18 мая».

³² Вопр. литературы, 1968, № 2. С. 249. — Упомянутого портрета Блока отыскать не удалось. По воспоминаниям дочери издателя, П. М. Артюховой (которой мы глубоко благодарны за помощь в нашей работе), большая фотография поэта (по-видимому, увеличенная копия присланной в 1918 г.) висела в конторе издательства все 20-е годы, к неизменному восхищению сотрудников и посетителей. Несомненно, поэт выбрал для «Изборника» какой-то из «здобновских» снимков 1907 г., один из которых мы и помещаем в качестве фронтисписа к настоящему изданию.

Так же как и Блок, прислал Сабашникову свой фотопортрет Ф. Сологуб³³. Это было решением проблемы оформления «за дальностью расстояния», «применительно к бедности», так как в «Изборниках» московских поэтов должны были появиться портреты, выполненные художницей М. В. Сабашниковой (дочерью В. М. Сабашникова, двоюродного брата издателей, и женой поэта М. А. Волошина). «Многоуважаемый Валерий Яковлевич, — обращалась она к Брюсову 10 апреля 1919 г., — М. В. Сабашников предполагает приложить к издаваемым им „изборникам“ портреты авторов. Он поручил мне сделать эти рисунки. Обращаюсь к Вам с просьбой попозировать мне. Портреты Бальмонта и Вяч. Иванова готовы. Б(альмонт) позировал мне раза 4 очень кратко, а Вяч(еслав) Ив(анов) 2 раза, но дольше. М(ожет) б(ыть), Вы, бывая в моей стороне, нашли бы возможность посидеть для меня?»³⁴.

Вероятно, набор блоковского «Изборника» издательство начать не сумело — вопреки тем сведениям, которые имел Блок, судя по его цитированному письму от 18 января 1919 г. В самом деле, в «Перечне изданий, находящихся в разных ста-

³³ Ныне хранится в архиве издательства. — ОР ГБЛ. Ф. 261. Карт. 22. Ед. хр. 16.

³⁴ ОР ГБЛ. Ф. 386. Карт. 101. Ед. хр. 26. Л. 3. По тому же поводу М. В. Сабашникова обращалась к Брюсову и 24 апреля 1919 г. (Там же. Л. 5). Портрет Брюсова, однако, не был исполнен. — Клише с портрета Вяч. Иванова хранится в архиве издательства — ОР ГБЛ. Ф. 261. Карт. 22. Ед. хр. 9. — М. В. Сабашникова выполнила также портреты Н. А. Бердяева, Б. К. Зайцева и др., судя по картотеке портфеля рукописей, хранившихся в издательстве. См.: ОР ГБЛ. Ф. 261. Карт. 24. Ед. хр. 1. Л. 282; их нынешнее местонахождение нам неизвестно.

днях производства в издательстве М. и С. Сабашниковых», утвержденном А. В. Луначарским, значится только книга Бальмонта³⁵. Какой-то благоприятный момент был упущен, бальмонтовская книга, опередившая все остальные набором, в конце концов увидела свет, а блоковская из года в год лишь показывалась в издательских документах как находящаяся в производстве. В «Сведениях о состоянии работ (...) на 25 июня 1920 г.», под которые Сабашников просил ссуду от Госиздата, она значится в составе «Пушкинской библиотеки» среди книг, текст которых готов к набору³⁶. В плане работы издательства на 1921 г. выставлены шесть «изборников» современных поэтов — Бальмонта, Блока, Брюсова, Кузмина, Иванова и Сологуба (тут же, между прочим, указан и «изборник» А. М. Ремизова — единственного современного прозаика в «Пушкинской библиотеке»). В графе плана «По производству» против книги Бальмонта указано: «Набран, отпечатать», против остальных книг — «Набирать и печатать по мере представления рукописей»³⁷. Последняя попытка издать «Изборник» Блока была предпринята Сабашниковым в конце 1921 г., уже после смерти поэта. При рукописи сохранился купон какого-то делопроизводственного

³⁵ ОР ГБЛ. Ф. 261. Карт. 1. Ед. хр. 2. Л. 1. Этот перечень служил издательству основанием для получения государственной ссуды, в нем был дан «Свод работ, уже вполне подготовленных издательством, окончание которых переходит на будущий 1919 год». Там же, л. 2.

³⁶ Там же. Ед. хр. 12. Л. 2.

³⁷ Там же. Ед. хр. 16. Л. 6 об. (другой вариант — л. 7 об.). В графе плана «По редакции» про все книги, кроме бальмонтовской, сказано, что «тексты подготавливаются к печати».

документа ГИЗа (с пометкой «Политотд(ел) № 6»), подписанный 17 ноября 1921 г. Н. Л. Мещеряковым, которым Полиграфическому отделу предлагалось «принять к печати „Избранные стихотворения“ Блока Александра»; все производственные графы этого купона (с определенным объемом и тиража, наряда, срока и очереди и т. п.) остались незаполненными³⁸. 6 декабря 1921 г. «Изборник» Блока и еще только три номера «Пушкинской библиотеки» (сочинения Жуковского, Лермонтова, Пушкина) были включены в «Список изданий, на которые издательство М. и С. Сабашниковых испрашивает бумагу», при этом был указан желаемый тираж — 10 000 экз. и необъяснимо большой объем книги — 20 листов³⁹. Затем всякие сведения о работе издательства над «Пушкинской библиотекой», в том числе над «Изборником» Блока, в сохранившихся документах исчезают.

Свой обширный замысел «Пушкинской библиотеки» издательству М. и С. Сабашниковых удалось

³⁸ Там же. Карт. 13. Ед. хр. 2. Л. 391 (о функциях издательских политотделов, фактически разрешавших каждое издание, см.: *Динерштейн Е.* Положившие первый камень. М., 1972. С. 76). Н. Л. Мещеряков в то время возглавлял Госиздат, но не принесло результата и его вмешательство.

³⁹ ОР ГБЛ. Ф. 261. Карт. 1. Ед. хр. 17. Л. 6; другой вариант, недатированный, — среди писем М. В. Сабашникова к К. В. Аркадакскому, полномочному представителю издательства в Петрограде (при этом указывалось, что печатать Блока предполагалось в Москве. — Там же. Карт. 2. Ед. хр. 1. Л. 4). Выбор книг был продиктован не только желанием издателя в трудной конъюнктуре опереться на имена безусловные, но и тем, что из «изборников» поэтов-современников у него на руках были только блоковский и солугубовский, на которых предпочтение отдавалось первому.

осуществить в самой малой части. «Библиотека» намечалась в несколько сот номеров — только М. О. Гершензон по упомянутому выше договору должен был подготовить 150 выпусков. Увидело свет — восемь. Из них три книги отвечали намеченному образцу «изборников»: Поэты пушкинской поры. Сборник стихов. Под редакцией и со вступительной статьей Ю. Н. Верховского (1919); И. М. Долгорукий. Изборник (1919)⁴⁰; К. Д. Бальмонт. Солнечная прижа. Изборник (1921). Последняя книга вышла тиражом 7500 экз. и открылась портретом Бальмонта, выполненном Маргаритой Сабашниковой⁴¹.

Рукопись книги Блока осталась в издательстве и, по всей видимости, не покидала его стен, что важно отметить в связи с нижеследующим обсуждением аутентичности издания «Избранных стихотворений» Блока 1924 г. В самом деле, в картотке издательского портфеля рукописей сохранилась карточка за регистрационным номером 31: «Блок, Александр. Изборник стихотворений. 150 листов, до 3800 стихов». На ней имеются отметки инвентаризации 23 ноября 1921 г., 26 сентября 1923 г., 1 октября 1924 г. и 24 декабря 1929 г. (т. е. последняя запись сделана практически при конце самостоятельной деятельности издательства М. В. Сабашникова)⁴².

⁴⁰ *Иван Михайлович Долгорукий* (1764—1823) — русский поэт.

⁴¹ В. Я. Брюсов в свое время, как мы видели, отказавшийся подготовить книгу для Сабашникова, в 1922 г. выпустил «Кругозор. Избранные стихи» в Госиздате.

⁴² ОР ГБЛ. Ф. 261. Карт. 24. Ед. хр. 1. Л. 39.— Приведенная в карточке количественная характеристика

2

Творческую работу Блока по составлению книги запечатлели два документа — оригинал «Изборника» и сохранившийся в архиве поэта «Хронологический список избранных стихотворений для „Издательства М. и С. Сабашниковых“»⁴³.

Мемуаристы и все, кто сталкивался с блоковским архивом, отмечают необычайный, до педантизма, порядок, который царил в бумагах лирика. В частности, В. Н. Орлов свидетельствовал, что у поэта аккуратно хранились, помимо белых тетрадей, заключавших в себе полный корпус его стихотворений, «беловые автографы отдельных стихотворений, собранные Блоком в особых папках вместе с авторизованными рукописными копиями и печатными текстами, вырезанными из блоковских сборников и различных периодических изданий (здесь

рукопись служит лишним доказательством тому, что она дошла до нас в полном объеме. На карточке сделана также отметка «портрет автора», регистрирующая наличие в редакции блоковской фотографии, и еще одна на обороте, к сожалению, не датированная; «сдано в цензуру». Последние, правда, предшествует самой ранней инвентаризационной записи 23 ноября 1921 г., что следует сопоставить с датой вышеуказанного распоряжения И. Л. Менщерякова от 17 ноября 1921 г. о печати книги.— Под тем же № 31 рукопись Блока проходила инвентаризации и позже, уже в кооперативном издательстве «Север» (в которое было преобразовано «Издательство М. и С. Сабашниковых») в 1931 и 1933 гг.— ОР ГБЛ. Ф. 261. Карт. 10. Ед. хр. 2. Л. 1; Ед. хр. 3. Л. 1.

⁴³ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1, № 132. Л. 1—2. Авторского заголовка документ не имеет (см. его воспроизведение в «Дополнениях»), мы пользуемся условным архивным заголовком. Далее: ХС.

же встречаются остатки правленных Блоком корректур)»⁴⁴. Это был запас копий, позволявший поэту при подготовке наборного оригинала новой книги сводить до минимума писарскую работу, не переписывать и не ремингтонировать бóльшую часть включаемых в нее текстов. У готовой копии Блок аккуратно обреза́л поля, наклеивал ее на ровные паспарту и дополнительно перебеливал сам (либо просил это сделать кого-либо из близких, чаще всего мать) только те стихотворения, кониями которых не располагал⁴⁵. «Стригу до поздней почти стихи, подготавливаю новое издание» (VII, 212), — описывал такого рода работу поэт в дневнике 29 января 1913 г. (новое издание тогда не осуществилось).

Именно так был подготовлен для издательства и «Изборник». В стране уже царил бумажный кризис, и в качестве паспарту для расклейки Блок использовал грубую и плохого качества, пыле сильно окрошившуюся, желтовато-коричневую оберточную бумагу, бывшую уже в употреблении (ср. ниже примеч. к стихотворениям «Поле за Петербургом» и «Белой ночью месяц красный...»). Оригиналами поэту послужили при расклейке его собственные автографы, списки стихотворений, выполненные А. А. Кублицкой-Пиотух и Л. Д. Дельмас (?), но по преимуществу — разнородный печатный материал. Корректурные оттиски прежних изданий

⁴⁴ Орлов В. И. Указ. соч. С. 507.

⁴⁵ Ср., например, описание наборных оригиналов трех томов «Собраний стихотворений» и «Ночных часов», приготовленных Блоком в 1911 г. для издательства «Мусагет» — Чарушникова М. В. Каталог творческих рукописей А. А. Блока // Зап. ОР ГБЛ. М., 1980. Вып. 41. С. 139—141.

иногда использовались в качестве наборного оригинала повторно и для этого сорваны со своих старых паспарту; в других случаях (речь идет о большей части материала из второго тома «Собрания стихотворений») у них тщательно обрезаны поля, возможно, для того, чтобы не мешались старая правка, пометы типографских работников и т. п. (когда их нельзя было срезать, не повреждая текста, они тщательно вымараны).

Оригиналы каждого входящего в «Изборник» стихотворения, как и книга в целом, описаны в каталоге М. В. Чарушниковой⁴⁶. Минимум необходимых текстологических сведений мы сообщаем ниже в примечаниях. Здесь же мы попытаемся дать образ архивного оригинала, вышедшего из рук Александра Блока. Реконструируя технику литературной работы, мы получаем ответы на важ-

⁴⁶ В это пособие проникло, к сожалению, значительное количество самых досадных неточностей и недосмотров. Явное недоразумение произошло при подсчете стихотворений, включенных в «Изборник»: на с. 138 указано, что их 156, а на с. 141—164. Поэт в ХС дал итог — «всего 150 стихотворений» (см. ниже), при этом он посчитал каждый раз за одно целое три стихотворения из «Снежной Маски», пять стихотворений цикла «На поле Куликовом» и четыре фрагмента из поэмы «Возмездие», которые графически в «Изборнике» оформлены неотличимо от названных циклов (почему мы и учитываем их как отдельные стихотворения); таким образом, в «Изборнике» по нашему счету — 159 стихотворений. Не останавливаясь на методических недостатках при описании оригиналов «Изборника», укажем лишь, что в каталоге М. В. Чарушниковой некоторые его стихотворения упущены вовсе («Отрекись от любимых творений...», «Я жду призыва, ищу ответа...», «Входите все. Во внутренних покоях...», «Просыпаюсь я — и в поле туманно...»).

нейшие текстологические вопросы: с каким текстом поэта читатель имеет дело в нашем издании — в блоковском «Изборнике»? В каком отношении «Изборник» стоит к предшествовавшим книгам Блока, а текст каждого включенного стихотворения — к предыдущим его публикациям? Современный подход к литературе, современный способ чтения художественного произведения предполагает проникновение по ту, авторскую сторону текста, а не безвольную остановку перед глянцевою поверхностью конечного результата. «Канонический» текст — только один из моментов в существовании художественного текста, одна из его метаморфоз в развитии динамической и многомерной системы... — автор — текст — читатель... Самый статус ненаданности и в определенном смысле незавершенности «Изборника» побуждает нас внедриться в его материальную историю. Помимо всего прочего, в этом случае текст получает дополнительно еще и событийное, биографическое измерение как отпечаток физической активности автора.

Если оригинал составлен из копий, то поднимаются естественные вопросы: насколько достоверны эти копии и какие за ними стоят протографы? Блок пользовался по преимуществу печатным материалом. При этом знаменателен тот факт, что стихотворения любимого поэтом первого тома лирики представлены в «Изборнике», по сути дела, одним источником — корректурными оттисками первого тома «мусагетовского» издания 1916 г. Если можно сказать, что основной источник для более ранних стихотворений второго тома — оттиски «Собрания стихотворений» 1911 г., то, чем далее, тем пестрее набор источников текста: оттиски третьего

тома издания 1911 г., второго и третьего — 1916 г., «Стихов о России» (1915 г.), журнальные и газетные вырезки, да и большинство автографов и списков приходится на позднюю часть «Изборника». Мало увидеть за этим случайность — отсутствие у поэта в запасе нужных копий. Здесь, несомненно, большее: Блок обладал сложившимся и четким образом первого этапа своего пути, во многом замкнутого внутри себя; позднейшие движения еще не обрели законченности в самопознании поэта. От издания к изданию первый том лирики менял свою аранжировку для читателя — проставлялись или убирались даты под стихотворениями, эниграфы, посвящения, менялось число стихотворений, они сокращались или восстанавливались в первоначальном чтении, но сохранялась структура и границы тома. Второй и еще в большей степени третий том этой внутренней цельности не выявили.

Мы различаем в оригинале «Изборника» гранки, оттиски веретки и «чистых листов» «Стихотворений» 1916 г. Гранки несут текст на одной стороне листа. Веретка и «чистые листы» расположением текста совпадают, но первая тиснута на низкосортной дешевой бумаге, оттиски вторых — на верже, неиспользованном и для тиража издания (о том, что перед нами еще пробный оттиск, свидетельствует изредка встречающийся на таких листах авторские исправления, отраженные изданием 1916 г.). В распоряжении поэта было иногда по несколько экземпляров одинаковых оттисков одного и того же стихотворения. Так, из «чистых листов» выклеены «Потемнели, поблекли залы...» и «Погружался я в море клевера», в «Стихотворениях» 1916 г. занимающие лицевую и обратную сторону одного

листа (тоже следует сказать и о наре «Ищу спасенья...» и «Медленно, тяжело и верно...» и др.). В. Н. Орлов отмечал, что в архиве Блока находились остатки экземпляра 1-го тома «Стихотворений» (изд. 1916 г.) с нанесенными в 1920 г. поправками для следующего, пятого по счету издания этого тома⁴⁷. Может статься, что Блок в этом случае пустил в дело наборные копии из комплектов, которыми он пользовался при работе над «Изборником». Решать подобного рода вопросы нужно будет при составлении полного научного описания рукописного наследия Блока.

Спросится, возможно, зачем пужны попытки различить грапки, верстку, «чистые листы», тиражные оттиски? Речь в таких случаях идет о степени надежности, авторизованности текста. Между грапкой и тиражным оттиском — различие, типологически соответствующее различию между черновиком и белой копией. Там и сям в оригинале «Изборника» встречаются корректурные оттиски с невыправленными опечатками, с песнятым номером стихотворения внутри упраздненного цикла и иными явными недосмотрами. В то же время эти копии авторизованы вмешательством поэта в текст в других местах, как будто бы узаконивающим дефект копии. Тогда-то авторитетность приобретает предыдущая окончательная версия текста. Внимательное отношение к типу печатного материала позволяет установить (или по крайней мере предположить) и другие факты из истории текста, точно фиксировать их во времени. В качестве примера сошлемся на предположение, высказанное

⁴⁷ Орлов В. Н. Указ. соч. С. 510.

нами в примечании к стихотворению «Вот он — ряд гробовых ступеней», об изменении в композиции последнего листа «Стихотворений» 1916 г.

Сложнее разобраться, какого рода печатный материал перед нами, когда мы обращаемся к оттискам «Собрания стихотворений» 1911 г., расклеенным в «Изборник». И тут у Блока были дубликаты оттисков, например, текстов стихотворений «Болотный поппик» и «На весеннем пути в теремок...» Большая часть этих типографских копий предназначалась Блоком в руки наборщиков вторично — они уже служили наборным оригиналом для «Стихотворений» 1916 г. На иных листах с текстом (но не на паспарту!) отпечатки пальцев, выпачканных типографской краской (см., например, лл. 184—186б, 190—192 оригинала). Разительные примеры двукратного использования копий — оригиналы стихотворений «Митинг» и «Еще прекрасно серое небо...» (см. ниже соответствующие примечания). Но дело не только в физической судьбе копий. На корректурных оттисках встречается многослойная правка, отражающая весьма различные этапы существования текста, и долг текстолога — датировать, определить каждый слой, чтобы его можно было понять как временной срез в непрерывной истории, континууме текста. Безусловно права М. В. Чарушникова, когда она датирует версии упомянутых двух стихотворений из оригинала «Изборника» (как и всех других, представленных в нем) 1918 г. Но, к сожалению, в ее описании не оговаривается то, что многие оригиналы «Изборника» отражают и работу над текстом для издания 1916 г., а иногда и 1911 г. (когда в расклейку 1916 г., а потом 1918 г. шли корректуры с правкой для «Собрания сти-

хотворений»); несколько принципиально различных состояний текста подверстываются к одной дате. Здесь мы снова возвращаемся к «случайности»: выбор текста в 1918 г. имел в виду его определенность, на тот момент — окончательность; и в этом смысле случайность, что в распоряжении Блока не оказалось лишнего тиражного экземпляра «Стихотворений» 1916 г. и он вынужденно воспользовался корректурным оттиском 1911 г., переработанным в 1916 г. Для Блока было важно, что он берет версию 1916 г. Мы отмечаем этот творческий жест, но и радуемся тому, что случай дает нам возможность разглядывать более раннюю работу поэта. В своих примечаниях мы старались вскрыть эту многослойность оригинала «Изборника».

Присмотримся внимательнее к авторской правке на коньях в оригинале «Изборника». Мы видим уже, что большая их часть восходит к тексту «мусагетовских» «Стихотворений» 1916 г., поскольку Блоком были использованы либо его наборные рукописи, либо его оттиски. Необходимо со всей настоятельностью подчеркнуть: в целом для «Изборника» ориентиром и образцом были текстовые решения 1915 г. Можно высказать предположение, что в иных случаях, располагая коньями «Собрания стихотворений» и используя их для выклейки «Изборника», Блок специально приводил их текст в соответствие с текстом «Стихотворений» 1916 г. (см. оригиналы стихотворений «Второе крещение», «Клеопатра», «Русь» и др.). Однако это предположение должно быть очень осторожным, поскольку соответствующие вырезки строф, лексические исправления могли быть сделаны еще при расклейке оригинала «Стихотворений».

Блок в работе над текстом избранного идет еще дальше в осуществлении принципов, определивших текст «Стихотворений» 1916 г. В ранних блоковских изданиях многочисленные эпитафии, посвящения, датировки пьес создавали вокруг стихотворного текста биографическую среду: отсылки к опыту личности и истории, культурных переключек и заявленных подтекстов. В 1916 г. поэт убирает почти все, что звучит подчеркнуто лично (и по сути дела, певнично — на уровне стоящих за текстом реалий — для анонимного читателя): поэтический текст утверждался в своей содержательной самоценности, в самодостаточности и коммуникабельности⁴⁸. При подготовке «Изборника» Блок, на наш взгляд, старается достигнуть еще большей «объективности» текста, еще дальше увести его от проекций на конкретную человеческую биографию. Исчезают сохранявшиеся в издании 1916 г. эпитафии из А. Майкова при стихотворении «К друзьям», из Э. По при стихотворении «Осенний вечер был...» Убирается указание на источник эпитафии при стихотворении «Верю в Солнце Завета...», указание на источник цитаты в стихотворении «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» Под стихотворениями сохраняются лишь самые значительные датировки, всего три. Одна дата была общепонятна, поскольку отсылала к важнейшему в русской истории событию и потому могла служить вехой в становлении лирического

⁴⁸ Если нас упрекнули в анахронизме, то мы напомним, что именно в современном смысле говорил Вяч. Иванов о сообщительности книги, употребляя словесную кальку, а не откровенный варваризм (см.: Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 492).

героя: речь идет о стихотворении «Еще прекрасно серое небо...», написанном на следующий день после манифеста 17 октября 1905 г. Две другие даты были эзотеричны. Но поступиться ими Блок, вероятно, не хотел, не мог, так как за ними были ключевые события его мифа: 7 ноября 1902 г. Л. Д. Менделеева согласилась стать его женой (стихотворение «Я их хранил в приделе Иоанна...»), а стихотворение «Вот он — ряд гробовых ступеней...» (помеченное июнем 1904 г.) замыкало первый том лирики, счастливую эпоху «тезы» (V, 426 и далее), «ту страну, из которой мы пришли» (V, 425) блоковского мифа. Сохраняются и посвящения, поскольку автор сообразно со строгой литературной этикой не был властен над ними, ибо они выставлялись с разрешения адресата.

Однако ориентация Блока на второе «муссагетовское» издание 1916 г. все же не безусловна. Встречаются случаи, когда тексты «Изборника» заметно расходятся с этим изданием. Так, характерный пример — стихотворение «О жизни, догоревшей в хоре...» Если в «Собрании стихотворений» 1911–1912 гг. это стихотворение состояло из восьми строф, а в «Стихотворениях» 1916 г. — из семи, то в «Изборнике» оно сокращено еще на одну строфу. В автографе стихотворения «О, нет! не расколдуешь сердца ты...» Блок, следуя первоначальному тексту, сохраняет строфу 7, тогда как в третьей книге «Стихотворений» 1916 г. эта строфа отсутствует. В автографе стихотворения «Пляска Смерти», как и в его первой публикации в журнале «Современник», Блок счел нужным сохранить строфу 10, опущенную им в третьей книге издания 1916 г. Филологической акрибии ради следует оговорить-

ся: если дополнительные сокращения есть несомненный жест авторской воли, то сохранение предыдущего состояния текста при использовании старой копии можно понимать и как недосмотр в незавершенной работе.

Закономерно возникает вопрос: встречаются ли в «Изборнике» принципиально новые чтения блоковских стихотворений? Таких случаев немного. Блоковский автограф стихотворения «Когда-то гордый и надменный...» в рукописи «Изборника» обнаруживает ряд вариантов, не повторяющихся ни в одной из других публикаций. Уникальны и чтения отдельных строк стихотворений «Осенний вечер был...», «Есть игра: осторожно войти...» и «Голос из хора»⁴⁹. Особо отметить следует, пожалуй, тот факт, что в «Изборнике», если бы он вышел в свет, должны были бы впервые предстать перед читателем третья и четвертая строфы стихотворения «Вновь богатый зол и рад...», по цензурным соображениям опущенные в журнальной, первой публикации. Однако вторую строку стихотворения «Все ли спокойно в народе?..», где в дореволюционных изданиях читалось «Полководец убит» вместо «Император убит» Блок в «Изборнике» восстанавливать в первоначальном чтении не стал, как не сделал он этого и в четвертом издании первого тома «Стихотворений» (Пб., «Земля», 1918), подготовленном почти одновременно.

⁴⁹ Сопоставление текстов «Изборника» с сохранившимися рукописными вариантами соответствующих стихотворений — особая текстологическая задача, решение которой не имеет прямого отношения к содержанию настоящей статьи.

И все же ценность «Изборника» — отнюдь не в количестве новых вариантов. Гораздо важнее выбор тех или иных стихотворений, позволяющий судить об отношении Блока к собственному творчеству в середине 1918 г.

Но, прежде нежели обратиться к рассмотрению блоковской книги под этим углом зрения, нужно отметить еще одну особенность ее оригинала. Все включенные в него тексты авторизованы Блоком в 1918 г., именно как составные части *единой книги*. Формально можно было бы вычленить несколько видов авторизации. Прежде всего, это конии — автографы, специально изготовленные для «Изборника». Затем, конии с авторской правкой, также специально проведенной для этого издания. Наконец, конии, текстовой правки не имеющие, но хранящие следы авторской организации текста, графической (проставление черточек—отбивок) или физической (обрезка полей, наклейка). Нет ни одного листа, не прошедшего через руки внимательного автора⁵⁰. В довершение всему Блок авторизовал и книгу в целом: он пронумеровал паспарту с наклеенными кониями⁵¹, соста-

⁵⁰ Для сравнения скажем, что по знакомству с одним оригиналом, без привлечения дополнительных документальных свидетельств, нет никаких оснований судить о минимальной хотя бы авторизации текста «Изборника» Ф. Сологуба, как упоминалось, целиком составленного из тиражных оттисков его прежних книг.

⁵¹ Возможно, несколько стихотворений (а именно представленные списками А. А. Кублицкой-Пиоттух и Л. А. Дельмас (?), для которых были оставлены паспарту с авторским указанием имеющих на них быть наклеенными стихотворений — о чем см. ниже) были помещены на свои места после сквозной нумерации

вил автобиблиографию, означавшую абсолютный конец печатной книги⁵². Для того чтобы мы могли сказать, что перед нами — полный оригинал целой книги, в ней не хватает оглавления (и/или «азбучного указателя», непременно у Блока в изданиях трехтомника) и титульного листа. Подготовка указателя содержания скорее всего была отложена, по издательскому обычаю, до верстки. Титульный же лист, вне всякого сомнения, был, но утрачен: в пользу его существования говорит вся новоевропейская традиция оформления рукописей, равно и все сохранившиеся блоковские наборные рукописи. По сути дела, перед нами именно рукопись книги; печатные копии, в том числе и явно тиражированные, превращаются в рукопись не только, а может быть и не столько с появлением на них рукописных помет, исправлений или дополнений, сколько в связи с изменением их функций, с превращением их в неотчуждаемую часть уникального мануфакта, который должен быть размножен в полиграфическом воспроизведении⁵³.

листов, но это не меняет сути дела: нужные стихотворения были выбраны, их место в книге определено.

⁵² Начиная со сборника «Земля в снегу» (1908), автобиблиографический список произведений Блока во всех его прижизненных изданиях помещался в конце книги.

⁵³ Ср.: *Котрелев И. В.* Рукописное и печатное: (На материале русской письменности XIX — нач. XX в.) // Книга и социальный прогресс: Пятая Всесоюз. науч. конф. по пробл. книговедения: Секция истории книги. М., 1984. С. 17—19. — В связи со сказанным заметим, что во избежание терминологической путаницы не следует, на наш взгляд, называть оригинал, рукопись «Изборника» макетом, как это делает М. В. Чарушникова. Макет — проект оформления книги, ее пластического или конструктивного решения, в котором и

И в этом качестве — рукописи, книги, предназначенной к набору и печати, — оригинал «Изборника» обладает некоторой незавершенностью: промежуточный (в единовременном процессе создания книги — даже мимолетный) продукт волею обстоятельств остался конечным продуктом прерванного издательского процесса. В полном издательском цикле «последнюю волю» автора воплощает окончательный, тиражированный текст, а все предыдущие стадии его существования, от черновика и до последней сверки, принимаются во внимание читателем (т. е. историком) ретроспективно, если между ними и тиражом есть расхождения, вызванные неавторским вмешательством (цензура, несогласованная редакция, корректорские ошибки и т. п.). Завершающей стадии работы Блока с корректурами «Изборник» не знал, и незавершенность издательского цикла читателю нельзя забывать. Она сказывается, между прочим, в отсутствии единого образа выделения прямой речи (о чем ниже), в неупорядоченности шрифтовых решений (которые по большей части подлежали ведению метранпажа, но в значительной мере зависели и от авторского выбора), в невыправленных отпечатках наборных копий и т. п. Но важнее осознание незавершенности как нарушения культурной нормы. Тем более что для многих писателей той эпохи, не стеснен-

текст-то может быть показан условно, плашками, вычерчиванием надлежащего ему места и т. п. Да и оригиналы других блоковских книг, подготовленные тем же способом — расклейкой рукописных и типографских копий, М. В. Чарушникова сама называет наборными рукописями. См.: *Чарушникова М. В. Каталог творческих рукописей А. А. Блока. С. 139—141.*

ных издательскими и типографскими требованиями к оригиналу и запретами на совершенствование, а то и просто отработку текста в корректурах (например, для Льва Толстого, Вяч. Иванова), только в процессе печатания завершался творческий процесс. Этому типу противостоял другой — писателей, как правило, текст в корректурах не менявших (например, Бальмонт, Сологуб). Блок тяготел к первому типу — ср. свидетельства о его работе над «Нечаянной Радостью»⁵⁴, над третьим томом «Собрания стихотворений»⁵⁵ и др.

Углубляясь в изучение состава «Изборника», необходимо наконец обратиться к упомянутому выше «Хронологическому списку...» (ХС). Он предваряет завершающие операции в работе над рукописью, но ненамного: список подвергался поэтот сокращению, но не донес до нас почти никаких следов авторского колебания — замен одного стихотворения другим, дополнительного включения новых пьес (кроме тех исключительных случаев, о которых ниже)⁵⁶. Допустимо и предположение, что ХС составлялся одновременно с изготовлением рукописи, фиксируя ее состав: на паспарту, несущих теперь копии сти-

⁵⁴ См. письмо Блока В. Я. Брюсову от 24 марта 1906 г. // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 1. М., 1980. С. 492.

⁵⁵ Чарушникова М. В. Указ. соч. С. 136.

⁵⁶ Помимо тех изменений в составе «Изборника», о которых сейчас пойдет речь, есть предельно невидные признаки замен текстов в самой рукописи: следы наклеенных, а после сорванных копий, повторных наклеек; в одном случае — л. 184 рукописи — тщательно замазан первоначальный номер паспарту. Содержательной интерпретации эти и некоторые другие следы блоковской работы не поддаются.

хотворений, сделанные А. А. Кублицкой-Пиоттух, Блоком были записаны первые строки соответствующих текстов как знак, что поместить туда (позже эти надписи скрылись под наклейками). 12 июня 1918 г. поэт писал об этом матери: «Вот избранные стихи в строго хронологическом порядке, просмотри. Если можешь, перепиши те тексты, которых здесь не хватает (там заложены листки с указанием)»⁵⁷. Какое-то время эти паспарту служили «заемителями» соответствующих стихотворений: состав был определен или почти определен, но работа над рукописью еще не завершена.

Заглавия стихотворений или первые их строки (усеченные, как правило, до первых слов; также Блок поступал при составлении азбучных указателей) занесены в ХС чернилами⁵⁸. Возможно, одно-

⁵⁷ Письма Александра Блока к родным. II/Под ред. и с примеч. М. А. Бекетовой и предисл. В. А. Десницкого. М.; Л., 1932. С. 401. Письмо датируется по сопоставлению его содержания с дневниковыми записями 12—15 июня (ЗК, 411—412), на что любезно обратила наше внимание К. Н. Суворова.

⁵⁸ Эти записи имеют несомненную текстологическую ценность, поскольку дают нам вариации авторских заглавий: «О легендах, о сказках, о тайнах...» имеет уточнение «Христос» (как в первой публикации — Речь, 1908, 21 сент.) в отличие от одновременного и «парного» стихотворения «О легендах, о сказках, о мифах...»; «Колдун и весна» — название при стих. «На весеннем пути в теремок...» (ср. II, 383), тогда как при ряде других, напротив, названия опущены. См.: «Моей матери», «Поле за Петербургом», «Ночь на Новый год», «Из газет» и т. д.; первая строка стихотворения «Утихает светлый ветер...» читается в ХС как «Умолкает светлый ветер...» (это форсированно метафорическое чтение не засвидетельствовано, кажется, в литературе).

временно при некоторых заглавиях было проставлено чернилами же и число строк в соответствующих пьесах. И только позже такие же цифры карандашом были выставлены при остальных заглавиях. Как бы то ни было, употребление различного материала письма — значимо. Чернила, кажется, означают несомненный выбор, помеченное карандашом подлежало дальнейшему рассмотрению. В самом деле, чернилами даны суммы строк всех стихотворений из первого тома и ключевых — из второго и третьего; из семнадцати случаев дополнительных сокращений материала ХС за 1904—1916 гг. только в пяти речь идет о стихотворениях с выставленной чернилами суммой строк (см. в «Дополнениях» воспроизведение ХС).

На самой ранней стадии работы со списком выброшено стихотворение 1906 г. «Ангел-Хранитель» — вычеркнуто простым карандашом, при нем не проставлено даже число строк. Столь же рано, вероятно, до подсчета строк (и даже до персонального выбора стихотворений 1916 г., среди которых нет никаких фрагментов ни из «Ямбов», ни из «Возмездия» — ср. зачеркнутое под 1911 г.) убраны синим карандашом из ХС включенные под 1907 и 1911 гг. указания на стихотворения, восходящие к никогда ранее не публиковавшемуся как оформленное целое циклу «Ямбы» и к поэме «Возмездие», что делает ХС источником, который нужно учитывать при уяснении творческой истории этих произведений⁵⁹.

⁵⁹ Мы не умеем объяснить, почему первые строки двух фрагментов из поэмы «Возмездие» («Когда ты загнан и забыт...» и «О, как смеялись вы над нами...») показаны под 1911 г. карандашом.

Общий контур состава был выяснен, но Блок еще искал нужное ему завершение книги. Из семи стихотворений, включенных в нее под 1915 и 1916 гг., он убирает три, вычеркнув синим карандашом «Протекли за годами года...», «За горами, лесами...» и «Другу» («Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...») ⁶⁰. Избранное Блока должны были заключить «Соловьиный сад» с его темой судьбы лирического героя, выбора между мечтой и действительностью и, в прямом примыкании к поэме, последнее стихотворение — «Коршун» с его темой судьб Родины.

Мы говорим о такой последовательности с определенностью, поскольку в проведенном затем подсчете суммарного количества строк в произведениях отдельных годов объемы названных трех не учитывались. После погодного подсчета Блок вставил и общую сумму числа строк в «Изборнике», записав простым карандашом: «всего с 1898—4257 стихов». Но, может быть, еще до общего подсчета поэт вывел из книги еще 30 стихотворений, вычеркнув их заголовки красным карандашом: 13 ранних, первого тома и 17 — второго и третьего (знаменательно, что первые и вторые были подсчитаны особыми, замкнутыми группами — и здесь мы видим, как еще неоднократно будем отмечать это, особое отношение к первому тому лирики). За вычетом убранных красным карандашом, в «Изборнике» оставалось 3765 строк (по подсчетам поэта, в которые вкрались непринципиальные погрешности, учет которых ничего не добавил бы к попи-

⁶⁰ Ко времени работы над изборником эти стихотворения не были изданы, первые два Блок оценивал невысоко. См. III, 554, 576.

манию творческой работы над книгой). Не стремление ли к округлению поддало мысль Блоку прибавить еще 35 строк? Тогда, по всей вероятности, были дополнительно введены в «Изборник» песня Гаэтана из драмы «Роза и Крест» — «Ревет ураган...», название которой с числом строк вписано чернилами под 1912 г., итоговая сумма года приобрела вид «173+35», а итоговая выкладка занесена простым карандашом: «Остается всего 3765 стихов +35=3800». Этот результат повторен и в записи красным карандашом, обведенной овалом: «всего 150 стих(отворений) // 3800 стихов». Тогда же (или, напротив, в самом начале работы?) во главе первой страницы списка Блок красным карандашом зафиксировал композиционный принцип «Изборника»: «Вся книга — в хронологическом порядке» (ср. цитированное выше письмо к матери от 12 июня 1918 г.).

Мы не можем, разумеется, утверждать, что с абсолютной точностью реконструировали все частности физической последовательности заполнения четырех страниц, которые занимает ХС. Но несомненно таковы в общих чертах были этапы работы над ним, отражающей заключительную стадию составления «Изборника...» Напротив, кажется, нет никаких оснований судить о том, когда поэт при каждой пьесе из второго и третьего тома «Стихотворений» 1916 г. обозначил принадлежность стихотворения к тому или иному разделу соответствующего тома (по изданию 1916 г.). Эта разметка начата со стихотворений, принадлежавших ко второму тому, но затем Блок, стремясь, по всей вероятности, сохранить пластическое единство первого тома, вычеркнул два стихотворения цикла

«Город», так что следующие три стихотворения, закрывавшие когда-то первый том, снова стали на свое естественное место. Ту же целостность отражения в какой-то мере сохраняют и второй и третий тома; Блок произведения второго тома помечает красным цветом, третьего — синим. Особым образом маркированы поэмы: «Ночная Фиалка» и «Соловьиный сад», к их числу отнесены и циклы «Из Си(ежной) Маски» и «Из Вольных Мыслей» (и, напротив, не имеет такой пометы пролог «Возмездия») ⁶¹. Это выделение крупных произведений необходимо сопоставить с еще одним неосуществленным блоковским замыслом — книги «Поэмы», названной в первоначальном варианте автобиблиографического списка, который должен был замыкать «Изборник» (ср. с. 274).

Причины, побудившие поэта убрать в последний момент из состава книги тридцать стихотворений, могут быть названы, вероятно, лишь гадательно. Скорее всего, главным мотивом был композиционный: в сквозном чтении обнаруживались несоответствие той или иной пьесы общему замыслу, несообразности стыковки отдельных пьес при строго хронологическом их расположении, ненужное поэту преобладание какой-то темы ⁶². Единственно, что

⁶¹ Не связывают ли с этой группой произведений курсивы в заглавиях и в указаниях циклов у таких произведений, как «На поле Куликовом», и «Из ямбов», «Родина», «О чем поет ветер», и тот же «Пролог», равно как и «Вступление» («Ты в поля отошла без возврата...»)?

⁶² Весьма правдоподобным нам представляется, в частности, предположение о неуместности появления в печати во второй половине 1918 г. стихотворения 1914 г. «И не предал белое знамя...» (курсив наш; ср. отме-

можно заключить, кажется, безошибочно: Блок руководствовался при сокращении исключительно художественными соображениями. Договор давал поэту право на книгу до 5000 строк, а даже с вычеркнутыми стихотворениями объем «Изборника» не достигал предельной границы.

Итак, в окончательный текст «Изборника» Блок включил, как мы сказали выше, 159 стихотворений. Количественно три тома блоковской поэзии представлены в «Изборнике» неравнопропорционально. В нашем подсчете мы, несколько упрощая задачу, не принимали во внимание выделение «стихотворений, не вошедших в основное собрание», взяв за базу отсчета распределение материала по томам в «Собрания сочинений» (8 т. М.; Л., 1960–1963). На 314 стихотворений первого тома в «Изборнике» приходится 63 стихотворения этого периода, на 210 второго — 34 (включая поэму «Ночная Фиалка») и на 242 третьего — 62 стихотворения (включая «Соловьиный сад»; тут на самом деле пропорцию искажает то, что пять, по нашему счету, фрагментов из поэмы «Возмездие» и один из драмы «Роза и Крест» не были автором включены в ставший «каноническим» текст третьего тома).

Мы уже обращали внимание на различные свидетельства тому, что при работе поэта над рукописью в его сознании постоянно присутствуют как императивная художественная данность трехчленное деление корпуса его поэзии и особый самостоятельный облик каждого тома. Блок сохраняет абсолютный конец, завершающее стихотворение

ченный выше отказ поэта восстановить изначальное чтение в стихотворении «Все ли спокойно в народе...»).

первого тома — на его естественном месте, убирает предшествовавшие ему хронологически (и очень значимые в собственных глазах), но логически относящиеся ко второму тому стихотворения. По всей видимости, и тексты оригинала Блок подбирал и обрабатывал «по томам» (об этом говорит характер авторских помет на соответствующих листах рукописи).

К задаче составления «избранного» Блок подошел отнюдь не формально, не как к простой выборке из «Стихотворений» 1916 г. Даже над первым томом, казалось бы, уже устоявшимся за три издания, Блок экспериментирует. Он открывает книгу удачно вписывающимся в нее, биографически юпошеским для образа автора стихотворением «Муза в уборе весны постучалась к поэту...», до той поры никогда не публиковавшимся (но и позже в канон не введенным). Не вводилось в книги поэта до «Изборника» и стихотворение «На весенний праздник света...», которое Блок не включил и в четвертое издание первого тома, подготовленное одновременно с «Изборником», но поместил, однако, в пятое, ставшее «каноническим».

Все стихотворения, которые «каноническая» редакция (1918) числит во втором томе, в трехтомнике 1916 г. были налицо, с тою лишь особенностью, что в окончательной версии три стихотворения оказались перенесенными во второй том из третьего (что продолжало тенденцию, сказавшуюся еще при переработке редакции трехтомника 1911—1912 гг. в редакцию 1916 г., когда из третьего тома во второй переместились 12 стихотворений «Изборника»; парадоксальным образом упомянутые три тогда перешли из второго тома в третий, но эти подробно-

сти нас в данной связи интересоваться не могут).

Гораздо сложнее обстояло дело с использовани-ем в «Изборнике» материала третьего тома блоковской лирики. Только 45 стихотворений из состава третьего тома 1916 г. вошло в «Изборник»; 19 произведений, в том числе пять фрагментов из «Возмездия», фрагмент из драмы «Роза и Крест», «Соловьиный сад», включены были в блоковскую книгу впервые. Все эти пьесы были опубликованы автором до появления в свет третьего тома «Стихотворений» 1916 г. Но в трехтомнике редакции 1916 г. места им не нашлось; очевидно, Блок «присматривался» к стихам, хотел уяснить свое к ним отношение, их место в «большом» произведении. Знаменательно, что все они (кроме отрывков из крупных произведений — «Возмездия» и «Розы и Креста») закрепились в «основном собрании», вошли в третий том редакции 1918 г. Более того, задержка с изданием «Изборника» и последней версии третьего тома «Стихотворений» позволила поэту ввести три из этих пьес в сборник 1919 г. «Ямбы», а остальные десять — в «Седое утро» 1920 г.

3

Сказанное затрагивает очень важный вопрос о связи «Изборника» с предшествующими отдельными сборниками Блока. За каждым из них — определенный этап блоковского пути, определенное содержательное единство, грань в ценностях его мира, и нам существенно важно, из каких запасов Блок реконструирует единый и цельный свой образ в июле 1918 г. Основной ряд блоковской лирики воплотили «Стихи о Прекрасной Даме» (1904), «Не-

чаянная Радость. Второй сборник стихов» (1907), «Снежная Маска» (1907, целиком включен в следующую книгу), «Земля в снегу. Третий сборник стихов» (1908), «Ночные часы. Четвертый сборник стихов» (1911) и «Седое утро» (1920). Вне хронологически преемственного ряда стоит небольшой, но необыкновенно значительный сборник «Стихи о России» (1915), концентрированно подавший одну из главных тем блоковской лирики, его размышления и болезнования о Родине⁶³.

При внимательном рассмотрении произведений, включенных поэтом в «Изборник», в их связях с композиционной организацией предшествующих книг поэта для нас яснее становится отношение Блока 1918 г. к тем или иным периодам и лейтмотивам своего творчества. Очень важно учесть при этом, что хронологический принцип построения, определивший структуру «Изборника», в формировании других книг играл подчиненную роль. Трехчленное деление «Собрания стихотворений» и «Стихотворений» 1916 г., закрепленное блоковским «канонам», не опиралось на строгую хронологию. Оно различало три этапа «пути» поэта, но границы между этапами были, как живая жизнь, подвижны, в пограничных областях произведения последующих лет соединялись с произведениями более ранними в тематические циклы, времена накладывались друг на друга. Неукоснительно

⁶³ Другие прижизненные сборники поэта, составленные по тематическому принципу (стихи для детей, ранние стихи), нас в данном случае не интересуют: тот факт, что несколько стихотворений «Изборника» помещались в детских книгах «Круглый год» (1913) и «Сказки» (1913), представляется в данном случае неважным.

последовательное временное развитие господствовало только внутри первого тома, «„однострунность“ души позволила, — говорил поэт, — расположить все стихотворения первой книги в строго хронологическом порядке» (I, 559). Во втором и третьем томах «неизбежная, драматическая последовательность жизни» (II, 37) выстраивала сложно упорядоченную структуру тематических разделов и циклов, и только внутри каждого из них (за исключением, однако, первых, заставочных стихотворений) материал располагался в движении от раннего к позднему.

Следует вспомнить, что и «Стихи о Прекрасной Даме», дебютная книга поэта, тоже компоновалась как фабульная конструкция, где стихотворение со стихотворением связывалось сообразно с их внутренне-текстовыми смыслами, а собственное «время» книги в целом утрачивало изоморфность духовному пути поэта в его реальном, биографическом измерении. В этом первоначальном виде Блок «Стихи о Прекрасной Даме» никогда не переиздавал (как, впрочем, никогда не переиздавал в первоначальном виде и других своих книг). Когда «Стихи о Прекрасной Даме» стали первым томом свода блоковской лирики, их материал был расположен в хронологической последовательности. Это означало, что Блок дезавуировал свое художественное осмысление первого этапа духовного пути, запечатлевшееся в 1904 г. в композиции первого сборника (и, разумеется, в отборе стихотворений для него). В конечном счете для поэта более важным представился реальный разворот жизненного опыта (мистического, лирического, бытового), чем преходящие акты ауторефлексии художника.

Работа над составлением «Изборника» дала Блоку практический опыт не тематической, а хронологической организации материала второго и третьего томов лирической трилогии. Можно заключить, что результаты операции не удовлетворили поэта, поскольку в следующей, последней редакции трилогии он сохранил прежний, приятный в первых двух изданиях принцип построения⁶⁴.

«Изборник» сохраняет в свернутом виде основные композиционные узлы трехтомника. Он — и это очень важно для понимания его значительности как одной из этапных книг на пути поэта — оказался для Блока новым шагом к построению того лирического текста, которому суждено было остаться каноническим. В частности, очень многие стихотворения в «Изборнике» оказались в том самом соседстве, примыкании, в котором мы видим их в окончательной версии лирической трилогии. Вот десять «неразлучных» пар из «сабашниковской» книги, перешедших в «капон» первого тома (учтем: десять пар, двадцать стихотворений — из шестидесяти трех стихотворений первого тома, представленных в «Изборнике»): «Гамаюн, птица вещая» — «Я шел к блаженству. Путь блестел...»;

⁶⁴ Сформулированное в издательском договоре условие, по которому «стихотворения, включенные в Изборник, не должны в полном собрании произведений автора размещаться в том же сочетании, в каком они войдут в изборник» (см. с. 178), вероятно, не могло бы связать руки Блоку, если бы он захотел вторую или третью книгу построить хронологически: при составлении такого тома, намного расширявшего объем «сабашниковского» избранного, все стихотворения из него отдалились бы друг от друга за счет вставок других, не нашедших себе места в «Изборнике».

«Не доверяй своих дорог...» — «Увижу я, как будет погибать...»; «Ищу спасенья...» — «Медленно, тяжело и верно...»; «Я вышел. Медленно сходили...» — «Ветер принес издалека...»; «Одинокий, к тебе прихожу...» — «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»; «Сумерки, сумерки вешние...» — «Ты горюшь над высокой горою...»; «Сны раздумий небывалых...» — «На весенний праздник света...»; «Мы живем в старинной келье...» — «Верю в Солнце Завета...»; «Мне спились веселые думы...» — «Отворяются двери — там мерцанья...»; «Темная, бледно-зеленая...» — «Фабрика».

В «Собрании стихотворений» 1911 г. в двух случаях эти пары разорваны: смысловая скрепа поверх временного соседства постепенно становилась для поэта важнее и важнее. Нужно отметить и тот факт, что часто эти пары справа и слева в «Изборнике» поддержаны стихотворениями, которые в «каноне» первого тома отделены от них одним-двумя стихотворениями, так что мы должны говорить о выявлении в «Изборнике» смысловых «сгустков» с определенной временной приуроченностью (особенно наглядной именно в силу хронологической композиции материала из второго и третьего томов). Несомненно, эта особенность «Изборника» интересна для биографа Блока, для исследователя ритмов его творческой эволюции.

Уже в первой части намечается другая особенность блоковского выбора. Как известно, первая книга лирики в «каноне» состоит из восьми глав, отвечающих большим и самоценным этапам становления поэта. При компоновке «Изборника» в него вошли первое и последнее стихотворения первой главы отдела «Стихи о Прекрасной Даме»,

последнее — третьей, первые — пятой и шестой, первое — отдела «Распутье», первое — цикла «Молитвы» из этого отдела, стихотворение «Вот он ряд гробовых ступеней...», замыкавшее этот же отдел и тем самым весь первый том. Из шестнадцати «краеугольных» стихотворений (если пренебречь специально выписанным вперед «Вступлением» в «Стихи о Прекрасной Даме») семь введено в «Изборник», что лишний раз подчеркивает их особую смысловую ценность и нагрузку с точки зрения автора.

То же наблюдается и в отборе материала из второго тома. Тут есть три пары стихотворений и даже две тройки (т. е. более трети общего числа включенных), уже в «Изборнике» нашедших себе окончательное примыкание. В «Изборник» вошло первое стихотворение этого тома, первое и единственное стихотворение цикла «Заклятие огнем и мраком» из отдела «Фанна» и последние два стихотворения этого отдела, первое — следующего заключительного отдела «Вольные мысли». Еще нагляднее важность апробации лирического материала при составлении «Изборника» открывается в стихотворениях третьего тома. В его «каноне» — десять составных частей (включая поэму «Соловиный сад», помещенную и в «Изборнике»), т. е. девятнадцать «краеугольных» произведений — из них двенадцать представлены в избранном (плюс еще и первое и последнее стихотворение цикла «Пляски смерти», последнее — цикла «Через двенадцать лет»). Заметим, что только пять из них могли появиться в первом издании третьего тома, а четыре, не включавшиеся и во второе его издание, в «канон» пришли через опыт «Изборника».

Наконец, последнее замечание о работе Блока над составом «Изборника», собственно, над его содержанием в тривиальном смысле слова (мы убеждены, впрочем, что все, о чем мы говорили прежде, равно было попыткой содержательной интерпретации рукописи, попыткой, идущей от материальных характеристик оригинала к пониманию выбора тех или иных произведений в определенных версиях и в определенных внетекстовых связях; авторский выбор мы стремились описать как нагруженный смыслом жест).

Мы хотим отметить тот факт, что «Изборник» представляет далеко не пропорционально отделы и циклы второго и третьего томов блоковских стихотворений, тогда как членения первого тома «Изборником» отражены сравнительно равномерно. Если мы вспомним, что поэт противопоставлял как два организующих принципа «годы» первого тома «понятиям» второго и третьего, утверждая, «что эти числа и слова» суть для него «одинаково живые и законченные образы» (I, 559), то мы поймем, что для Блока при составлении «Изборника» различные «образы» его пути были неравноценны. В самом деле, «Пузыри земли» представлены пятью стихотворениями из тринадцати; начало большого отдела «Разных стихотворений» опущено, выборка сделана из второй его половины; еще более определенно наблюдается то же в отделе «Город», где первые 21 стихотворение опущено, а из следующих 24 выбрано 8, треть; бывшая когда-то отдельной книгой «Снежная Маска» дала «Изборнику» всего три стихотворения; отдел «Фаина» — тоже три; состоящие из четырех произведений «Вольные мысли» — одно. Еще заметнее диспропорции третье-

го тома: 48 стихотворений отдела «Страшный мир» представлены в «Изборнике» 12 (при этом два самостоятельных цикла из трех, входящих в этот отдел, как бы «замещены» соответственно двумя и одним стихотворением из их состава); 17 стихотворений отдела «Возмездие» дали 5 стихотворений; 12 «Ямбов» — 3; 25 «Разных стихотворений» — 5; 72 «Арфы и скрипки» — 10; 10 «Кармен» — одно; 6 «О чем поет ветер» — одно. Один отдел опущен вовсе — «Итальянские стихи». Напротив, отдел «Родина» представлен 18 стихотворениями из составляющих его 27.

Уже сказанное не позволяет безраздельно согласиться с предположением В. Н. Орлова, сделанным на основе блоковских «Избранных стихотворений» 1924 г. (по составу, как мы увидим, достаточно близких «Изборнику»): издавшая вдовой поэта книга, писал исследователь, составлена из произведений, «которые сам Блок, пужно думать, считал наиболее характерными и важными»⁶⁵. Тем более ошибкою была бы попытка представить «Изборник» до предела сжатым трехтомником или собранием наилучших, хотя бы по приговору только самого поэта, произведений. Читатель не найдет в «Изборнике» многих шедевров, художественная ценность которых была понята и принята и Блоком, и читателем. Почему?

⁶⁵ Орлов В. Н. Литературное наследство Александра Блока. С. 531; тут же В. Н. Орлов совершенно справедливо отмечал, что интересна самая конструкция «Изборника», не совпадающая с расположением и составом циклов во всех трех изданиях трехтомника «Стихотворений».

Блок не мог не понимать, что книгу его избранных стихотворений ждала встреча с двумя типами читателей. Одни были уже знакомы с творчеством поэта по всем или почти всем предыдущим публикациям⁶⁶. На другом полюсе находились читатели, которые должны были бы впервые познакомиться с поэтом именно по «Изборнику». Заметим, что историк, исследователь обязан, как содержательные, проигрывать в себе обе модели восприятия поэтического текста. Для читателей первого типа значимым оказывается прежде всего авторский выбор, отказ от тех или иных произведений циклов, тем. Для читателей второго типа важней-

⁶⁶ Ср., например, как рассказывает Блоку Э. К. Метнер о своих впечатлениях от третьего тома «Собрания стихотворений», называвшегося «Снежная Ночь»: «... беру книгу третью Ваших стихов, которую очень плохо знаю, ибо после „Стихов о Прекрасной Даме“ (книги, которую я цензурировал и первый рецензировал (...)) и „Нечаянной Радости“ „Снежная Ночь“ меня на первых порах разочаровала, так что я, прочтя два-три стихотворения, бросил. (...) Итак, сегодня утром во второй раз беру книгу III, и по счастливой случайности на очереди отдел „Заклание“ и т. д. (письмо от 20 февраля 1913 г.— ЦГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 20—26). Впрочем, убедительнее всего характеризуют подобного искушенного читателя слова самого Блока из наброска предисловия к неосуществленному изданию «Стихов о Прекрасной Даме», датированному как раз августом 1918 г.: «Эта книга, вначале обратившая на себя внимание небольшого кружка людей, умевших читать между строк, с течением времени стала, по-видимому, достоянием читателей моих позднейших книг (...) Потом критика приняла их, истолковав совершенно превратно. До сих пор я встречаюсь иногда с рассуждениями о „превращении“ образа Прекрасной Дамы в образы следующих моих книг» и т. д. (I, 560).

шей данностью оказывается заложенный в конкретную книгу (в нашем случае — в «Изборник») образ «лирического героя» или «автора». Одному важно отношение отброшенного и оставленного в корпусе, другому — самодостаточный, живущий исключительно внутренней энергией, замкнутый на себя образ.

Некоторая часть — имеет смысл думать, сравнительно небольшая, — «отказов» объясняется хронологическим принципом составления «Изборника»: высокая степень тематической связи (которой Блок искал, по-видимому, сознательно — о чем ниже) при хронологически последовательном расположении материала требовала порой устранения произведений, эту связь затрудняющих, затемняющих. «Изборник» приобретал известную прямолинейность, приближался к «однострунности» первого тома лирики.

Важнее, однако, другое — снятие пацело или сведение до «замещающего» минимума важнейших лирических отделов-циклов, воплотивших в себе самые значительные этапы и стороны биографии и духовной жизни поэта, его «пути». Как особая тема практически снят весь ряд стихотворений, связанных с переживанием произведений искусства, в том числе драматургии и театра, столь близких Блоку, — не только «Итальянские стихи», но и многое, многое другое. (Не тем же ли стремлением оставить за пределами книги или приглушить вторичные переживания объясняется и снятие эпиграфов, многозначительных указаний на их источники?..) До минимума сведена в «Изборнике» тема любви, особенно в ее демонических или мучительных, разрушительных проявлениях, в ее ут-

верждении радостной покорности темному, заведомо неправому чувству, поскольку оно оправдывается — в духе декадентской эстетики мгновения — своей осязаемой, экспериментальной физической и эмоциональной достоверностью. Разумеется, нет возможности недоумевать по поводу отсутствия того либо иного конкретного стихотворения, — мы говорим о лейтмотивах, больших темах блоковского мира. На периферии «Изборника» оказываются и «запойные гики и визги, равно простонародной гармоникки, как и пропойно-интеллигентской гитары 40-х годов»⁶⁷. Отказ от этих тем в итоговой книге не был покаянием, не означал измены прошлому, которое как реально бывшее не подлежало забвению. Блок неоднократно, определенно и твердо, по разным поводам такого рода возможность отказа от самого себя отрицал. Но «Изборник» был подведением только *положительного* итога жизни, внятными давним и знающим читателям Блока; положительным, если угодно, назидательным для них последнее суждение поэта о себе должно было бы стать не по фигуре умолчания о страшном опыте, а в силу отброса эстетизированных, возведенных в «перл создания» свидетельств этого опыта, в силу решимости отказаться от них.

Исследователи блоковской поэзии сходятся в признании, что ее определяющее свойство — цельность, напряженное упорство дум и чувств, имеющих всегда единственный и общий источник в душе поэта, открывающейся все новыми излучинами в ответ на идущие извне биографические и истори-

⁶⁷ Из письма Вяч. Иванова Блоку по поводу книги «Земля в снегу», см.: Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1982. № 2. С. 168.

ческие импульсы. «Все стихи Блока крепко связаны, — например, писал об этом Д. Е. Максимов, — как бы сложены в одно произведение. Их связывает единый образ поэзии Блока и все то, что к нему относится: переживания, поэтические идеи, темы, мифологемы, символы, глубинная духовная преемственность слова и стиля»⁶⁸. Для читателя, которому творчество поэта впервые открылось бы в «Изборнике», это свойство было бы особенно ощутимо. Уже в результате отказа от датировок уменьшалась дискретность поэтического ряда, снижалось расстояние во времени между граничащими стихотворениями. Выбор стихотворений на сквозные темы лирического мира и исходная немногочисленность блоковских мифологем довершали дело. Между отдельными нессами создавались прямые сюжетные подхваты, что, впрочем, случается и в трехтомнике, но на малом пространстве «Изборника» особенно заметно. В качестве примера укажем на такую череду стихотворений, приводя их концы и начала:

...В тайник души проникла плесень,
Но надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути.

(«Балаган»)

Хожу, брожу понурый,
Один в своей норе,
Придет шарманщик хмурый,
Заплачет на дворе.

О той свободной доле,
Что мне не суждена,

⁶⁸ Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. С. 144.

О том, что ветер в поле,
А на дворе весна...
...И что ей молвить — нежной?
Что сердце расцвело?
Что ветер вест снежный?
Что в комнате светло?
(«Хожу, брожу, покурый...»)

Что на свете выше
Светлых чердаков...
(«На чердаке»)

Мы привели пример самого наглядного уровня — простых словесных сцеп. Но и во многих других случаях стихотворения «перетекают» одно в другое и на иных уровнях, сложно отягощая друг друга, превращаясь в связанные, фабульные секвенции. В большей степени, чем какая-либо другая из блоковских книг, «Изборник» напоминает собой сплошной лирический поток, несомненно тяготея к лирической эпопее.

В «Изборнике» читатель прежних книг поэта отметил бы сравнительно большую долю стихотворений, написанных от лирических масок (мастерового, люмпена), заведомо далеких от биографически конкретного социального облика Александра Блока, а также стихотворений, рисующих внешние по отношению к рассказывающему «я» события и образы большого города. Для «свежего» читателя эта особенность сборника стала бы изначальной характеристикой поэта. Отождествление поэтического «я» с «сумраком улиц городских» («О жизни, догоревшей в хоре...») было парадоксальным результатом нравственных исканий Блока, его устремленности к социальной правде и справедливости. И знаменательно, что в итоговой

книге, в избранном, Блок придает этой стороне своего творчества особую значительность.

Не ставя себе задачей анализ всего тематического многообразия «Изборника» (прежде всего потому, что это потребовало бы рассмотрения каждой темы в развитии, как внутри, так и вне «Изборника»), отметим лишь две основные меж собой координирующие темы.

В плотном пространстве «Изборника» особенно заметна необычайная значительность для блоковского мира — символа смерти. Из 159 стихотворений «сабашниковской» книги она упомянута в 54. И лишь изредка при этом речь идет о маргинальных случаях словоупотребления; как правило, этот символ определяет образный строй стихотворения, обуславливая отношения «я» с миром и с самим собою. В корреляции с символом сна (зачастую два состояния оказываются неразличимыми), несомненно, смерть возглавит будущий каталог топики Блока. Символ этот у поэта многосмыслен. В нем кроется и космический катаклизм («Увижу я, как будет погибать...»), и исторический («Гамаюн, птица вещая»). В стихотворениях, восходящих к первому тому, к эпохе «зорь», смерть может дарить поэту в небе даптовскую Беатриче («Мне снилась смерть любимого созданья...»), быть залогом светлого преобразования мира («Целый год не дрожало окно...», «У забытых могил пробивалась трава...»). И только предвестием будущих темных страстей проскальзывает тень самоубийцы — «я»:

Вслед за льдиной синее
В полдень я всплыву,
Деву в снежном инее
Встречу на яву
(«Ночью вьюга снежная...»)

Горечь и ужас социальной действительности раскрывает важнейшее знание о чужой безвинной гибели, остающейся в вечности обвинением несправедному порядку вещей и искупительной за всех страдальцев жертвой: «Из газет», «Митинг», позже — «На железной дороге». Смерть — неременная спутница социальных конфликтов — тот же «Митинг», «Еще прекрасно серое небо...». Смерть — атрибут героического подвига, то мрачного («Еще прекрасно серое небо...»), то светлого («Сын и мать», второе стихотворение из цикла «На поле Куликовом»). Но, чем дальше, тем упорнее создается и явственнее познается пространство «Страшного мира» с его отсутствием границы между «я» и «не-я», их идентичностью, равнокачественностью. В этом мире смерть, почти всегда безнадежная, вечная, смерть — проклятие царит, уже явлена в как будто живых современниках, в возлюбленных, в самом поэте, она предстает мерой мира. И она же частая как единственное верное утешение (примеров из второго и особенно третьего тома можно было бы привести слишком много) и неотвратимое и желанное возмездие за свою и общую измену правде, за жизненное бессилие:

И пусть над нашим смертным ложем
Взвывается с криком воронье.
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие твое!

(«Рожденные в года глухие...»)

Этот ужасный лейтмотив сопоставлен — то в переплетениях и взаимопроникновении, но чаще в противоборстве — с темой Руси, России, Родины. За годы первой русской революции, под влиянием

больших исторических событий и ближайшего литературного окружения в Блоке назревает глубокий духовный переворот. В нем рождается стремление вырваться из индивидуалистического мира узко «личных» переживаний и приобщиться к жизни общества, народа, страны. Примечательна запись в дневнике Е. П. Иванова, ближайшего друга Блока, относящаяся к 19 июля 1906 г.: «Саша (т. е. А. А. Блок) говорил о гибели декадентства. Общественность противопоставлялась декадентству»⁶⁹.

Путь своей жизни и поэзии Блок начинает осмыслять в неразрывной связи с историческим путем, которым из древности сквозь современность в будущее шел народ, шла страна. Стихотворением «Осепняя воля» (1905) зачинается в «Изборнике» тема России, которая со временем станет одной из ведущих тем блоковского творчества. Именно так и представил ее поэт в книге избранных стихотворений: из отдела «Родина» (третий том) в нее было включено 18 стихотворений из 27! Из них только 11 входили прежде в особый сборник «Стихи о России», откуда взято в «Изборник» 17 произведений, т. е. из 159 его стихотворений самым непосредственным образом тему Родины в нем представляют 24 стихотворения, одна шестая всего состава. Тема Родины — несомненная доминанта «Изборника», сила которой возрастает к концу книги, оправдывая и уточняя прозрение Блоком собственной судьбы, записанное в предисловии к сборнику «Земля в снегу» (1908): «...в конце пути, ис-

⁶⁹ Иванов Е. П. Записи об Александре Блоке // Блоковский сборник. Тарту, 1964. С. 408.

полненного падений, противоречий, горестных восторгов и ненужной тоски, расстилается одна вечная и бескрайняя равнина — изначальная родина, быть может, сама Россия» (II, 373–374). Читатель, знавший Блока до «Изборника», должен был бы увидеть, что «горестные восторги и ненужная тоска» — ценности привходящие, во многом — личные, биографические обстоятельства, и вместе с новым читателем должен был бы понять, что высшей, единственной подлинной ценностью, залогом бессмертия, могла быть (вопреки всем историческим видимостям, паваждениям, вопреки конкретности любого индивидуального проявления) только Родина, бытийственное растворение в жизни всех, соединение с «душой народа».

Не удивительно, что именно вопросом о России, о ее будущем — стихотворением «Коршун» заканчивается «Изборник». Стихотворение это написано в 1916 г. К середине 1918 г., когда составлялся «Изборник», ответа, безусловно ясного для Блока, еще не было, но не подлежало сомнению, что все прежде мыслимые ответы и отгадки уже не возможны, что народилась новая действительность, что звучала «музыка Революции», продиктованная «Двенадцать» и «Скифы». Поэтический мир трехтомника замкнулся, «Двенадцать» и «Скифы» принадлежали некоему четвертому тому — тому неопределенных контуров. «Изборник» стал ипостасью завершающих трех.

При сравнении «Изборника» со следующей, последней версией трехтомника стихотворений бросается в глаза изменение концовки: «Коршун» там замыкает только отдел «Родина», а тяжкие раздумья лета 1918 г. вместо него в завершении книги

поставили более личностно-замкнутый, субъективный и горький цикл «О чем поет ветер».

Несмотря на то что составление «Изборника» считанными неделями предваряет работу над последней версией, между ними глубокая принципиальная разница.

Редакторские принципы, которыми руководствовался Блок при составлении «Изборника», принадлежали предшествующей эпохе — эпохе второго «мусагетовского» издания, собственно, в «Изборнике» получив предельное выражение. Уже через несколько недель после отправки рукописи «Изборника» в Москву, готовя свои сочинения для издательства «Земля», Блок решительно меняет творческую установку: «После упорной работы, — отмечает он в записной книжке 22 июля 1918 г., — я увидал, что мои переделки стихов (главным образом, сокращения) были напрасны. Поэтому я восстанавливаю многие выкинутые строфы и строки» (ЗК, 417). Следует уточнить, что Блок восстанавливал не только «строфы и строки», но и даты, эпиграфы, пояснительные пометы и др. На этом основании и строилась последняя прижизненная редакция блоковских стихотворений, которой суждено стать «окончательной» или «канонической». Разбирать здесь отличия «Изборника» от «канона» было бы, несомненно, было неуместно, так как потребовало бы прежде всего внимательного анализа последней версии блоковского собрания стихотворений в целостности и единстве текстологических принципов, содержательного анализа на всех уровнях.

В качестве заключения стоит, быть может, лишь повторить, что «Изборник» дает самое последовательное воплощение того отношения Блока к своим

текстам, которое прежде подвергалось исследованию только в «мусагетовском» издании 1916 г. С другой стороны, это — полноценное авторское произведение 1918 г., замечательно выпуклое отражение автоинтерпретации Блоком смысла и направленности собственного пути. Без знания этой книги творчество поэта представляется нам обедненным и, может быть, даже недостаточно точным.

ПРИМЕЧАНИЯ

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

- Ночные часы. А. А. Блок. Ночные часы: Четвертый сборник стихов (1908—1910). — М.: «Мусагет», 1911.
- С А. Блок. Стихотворения: Книга первая (1898—1904); Стихи о Прекрасной Даме. Распутья; Книга вторая (1904—1907). Вступление. Пузыри земли. Ночная Фиалка. Разные стихотворения. Город. Снежная Маска. Фаина. Вольные мысли. Третье издание, переработанное; Книга третья (1905—1914). Страшный мир. Возмездие. Опять на родине. Итальянские стихи. Разные стихотворения. Арфы и скрипки. Кармен. Родина. О чем поет ветер. — Второе издание, переработанное и дополненное. — М.: «Мусагет», 1916. (Соответствующая книга обозначается арабской цифрой в круглых скобках.)
- СС А. Блок. Собрание стихотворений: Книга первая — Стихи о Прекрасной Даме (1898—1904). — Издание второе исправленное и дополненное; Книга вторая — Нечаянная Радость (1904—1906). Издание второе, дополненное; Книга третья — Снежная ночь (1907—1910). — М.: «Мусагет», 1911—1912. (Соответствующая книга обозначается арабской цифрой в круглых скобках.)

Седое утро	А. А. Блок. Седое утро: Стихотворения.— Пб., «Алконост», 1920
Стихи о России	А. А. Блок. Стихи о России.— Пг., Изд. журн. «Отечество», 1915
корр. отт.	корректурный оттиск
л.	лист
ориг.	оригинал
печ.	печатное
примеч.	примечание
стих.	стихотворение
Ч	М. В. Чарушникова. Каталог творческих рукописей А. А. Блока (см. примеч. 45 на с. 206)
чист. л.	чистые листы

В 1924 г. в ленинградском издательстве «Петроград» (филиал издательства существовал и в Москве)¹ была выпущена тиражом 4000 экз. книга: А. Блок. Избранные стихотворения: Посмертное издание, подготовленное автором. На оборотной стороне титульного листа значилось: «Избранные стихотворения» составлены из стихотворений, указанных А. Блоком для предполагавшегося им «Изборника». Настоящий сборник редактировал (так.—*К. А., Н. К.*) Блок, Л. Д.». Значит, книга была подготовлена вдовой поэта, которая в то время активно занималась его литературным наследием. Однако анализ этой книги показывает, что «Избранные стихотворения» 1924 г. и «Изборник» 1918 г. — издания принципиально не идентичные. Любовь Дмитриевна искажила блоковский замысел «Изборника» и притом — во многих аспектах.

Нам не удалось установить, каковы обстоятельства появления книги в коммерческом издательстве «Петроград»². Равно неизвестно и то, какими имен-

¹ О издательстве «Петроград» см.: Книговедение // Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 398.

² В том же издательстве в 1925 г. были напечатаны еще две книги: Блок А. Стихи (1898—1921 гг.), не вошедшие в собрание сочинений/Предисл. Л. Блок; Бекетова М. А. Александр Блок и его мать: Воспоминания и заметки.

но материалами пользовалась Л. Д. Блок при подготовке «Избранных стихотворений». В ее распоряжении, в архиве поэта находился уже знакомый читателю «Хронологический список...». Хранившаяся в издательстве Сабашниковых рукописью Л. Д. Блок, судя по всему, не смогла воспользоваться, может быть, она забыла или даже не знала о ней³. Именно ХС, видимо, и послужил основой для работы Л. Д. Блок. Так, последовательность первых 57 стихотворений (начиная с «Муза в уборе весны», т. е. второй пьесы «Избранных стихотворений» и первой — «Изборника») полностью отвечает ХС и рукописи «Изборника». Но именно основополагающий для «Изборника» хронологический принцип оказался в книге 1924 г. грубо нарушенным. Достаточно сказать, что стихотворение «Коршун» (1916), завершающее «Изборник», оказалось в середине книги, открывается же она прологом из поэмы «Возмездие», написанным в 1911 г. Неоправданным отступлением от авторской воли следует также считать произвольное изменение состава сборника, осуществленное Л. Д. Блок. В «Избранных стихотворениях» отсутствуют: цикл «Из „Спешной Маски“» (три стихотворения), стихотворение «О, как смеялись вы над нами» и фрагмент «Ревет ураган» (песня Гаэтана из драмы «Роза и Крест»). В книгу включены, однако, от-

³ Не подлежит сомнению, что М. В. Сабашников и возвратил бы ей рукопись во временное пользование или навсегда (архив издателя за эти годы содержит в себе многочисленные примеры подобных ответов на просьбы авторов, чьи произведения он не смог выпустить в свет). Быть может, у М. В. Сабашникова и Л. Д. Блок были какие-то контакты — ср. письмо А. И. Менделеевой, второй жены Д. И. Менделеева, отца Л. Д. Блок, от 27 октября 1927 г. к М. В. Сабашникову: «Вы (...) очень чутко поняли, что я не хотела бы соединять мои воспоминания с воспоминаниями дочери Дмитрия Ивановича» (ГБЛ. Ф. 261. Карт. 5. Ед. хр. 39. Л. 13; А. И. Менделеева вела переговоры об издании своих мемуаров у Сабашникова).

сутствующие в оригинале «Изборника» стихотворения: «Старый, старый сон. Из мрака...» и «Я ухо приложил к земле...»⁴.

Самое серьезное отступление от подлинного «Изборника» обнаруживает структура «Избранных стихотворений», сгруппированных в приблизительном соответствии с отделами прижизненных сборников Блока: «Ante lucem», «Стихи о Прекрасной Даме», «Пузыри земли», «Город», «Вольные мысли», «Разные стихотворения», «Страшный мир», «Покорность», «Родина» и др. Несмотря на то что Блок в ХС твердо обозначил принадлежность того или иного стихотворения к определенным отделам, Л. Д. Блок произвела перераспределение материала, не считаясь с авторскими указаниями. При этом в книге появился отдел, которого нет ни в одном из сборников, авторизованных поэтом: «Стихи о России» (вдова Блока явно имела в виду название его известной книги стихотворений, изданной в 1915 г.). В него вошли по преимуществу стихотворения из цикла «Родина». Зато в озаглавленный «Родина» последний отдел «Избранных стихотворений» Л. Д. Блок включила произведения из циклов, тематически никак не связанных с Россией. При сравнении этого отдела с аналогично озаглавленным отделом третьего тома выясняется, что к последнему относятся только два стихотворения из книги 1924 г.: «Ты отошла, и я в пустыне...» и «Жоржун». Еще большее удивление вызывает раздел «Покорность» (Л. Д. Блок заимствовала это название из второй книги «Собрания стихотворений»; в более поздних сборниках и редакциях трехтомника такой «главы» не встречается). Между отделами «Покорность» в книге 1924 г. и в «Собрании стихотворений» нет ни одного совпадения.

И еще одно существеннейшее искажение авторской воли: готова тексты для «Избранных стихотворений», Л. Д. Блок совершенно упустила из виду

⁴ В ХС этих стихотворений нет даже среди зачеркнутых Блоком названий.

правку самого Блока, лексические, графические и иные решения, принятые им в июне 1918 г. Ориентируясь на более позднюю «капошическую» редакцию, Л. Д. Блок соответственно ставила заглавия, датировку для каждого стихотворения и т. д. Из всего этого неизбежен вывод, что Л. Д. Блок до неузнаваемости искажила в изданной ею книге замысел поэта. Книга, любовно и старательно выстроенная Блоком, оказалась разрушающей как неповторимое единство текстов, как памятник литературы.

Другая попытка издать «Изборник», предложив его широкому кругу читателей, была предпринята в 1974 г.¹ Выпущенная тиражом 150 тысяч экземпляров, новая книга блоковских сочинений состояла из трех частей. Первый раздел занимал «Изборник», второй составили стихотворения Блока, относящиеся к разным циклам («Вольные мысли», «Страшный мир», «Ямбы», «Арфы и скрипки» и др.), и драма «Роза и Крест». (Оба эти раздела охватывают творчество поэта с 1898 по 1916 г.). В третьем разделе книги были представлены произведения последних лет жизни Блока (поэма «Двенадцать», «Скифы», несколько известных стихотворений).

Л. К. Долгополов, рецензируя это издание, по праву охарактеризовал его как «экспериментальное». «Составитель,— пишет Л. К. Долгополов,— предлагает нам взглянуть на Блока с трех разных точек зрения: каким сам поэт видел себя до 1916 года; каким видит его до этого же времени составитель; каким объективно является Блок на всем протяжении творческого пути. Подобная задача уже по характеру замысла выводит сборник за

¹ Блок А. Стихотворения. Поэмы. «Роза и Крест»/Вступ. и сост. А. Тархова. Примеч. Е. Огневой и А. Тархова. М.: Художественная литература, 1974 (ссылки на страницы этого издания далее приводятся в тексте).

пределы издания массового типа, приближая его к изданиям научным»².

В издании 1974 г. утверждалось, что «Изборник» печатается впервые (с. 523). Справедливо подчеркивалось и значение «Изборника»: «Это единственный опыт Блока по созданию книги своих избранных стихотворений. Поэтому «Изборник» как форма поэтической книги существенно дополняет две известные блоковские формы — поэтическую «трилогию» и отдельные сборники стихотворений» (с. 524).

Действительно, издание 1974 г. можно отчасти рассматривать как первую публикацию «Изборника». В книге представлены все 150 стихотворений, составивших антологию; их расположение полностью соответствует оригиналу и «Хронологическому списку...». Самовольных изъятий, добавлений, перестановок — всего того, чем столь невыгодно отличались «Избранные стихотворения» 1924 г., — в данном издании нет. Кроме того отдельные стихотворения «Изборника» снабжены содержательным комментарием.

И все же при ближайшем рассмотрении выясняется, что книга произведений Блока, по-новому составленная А. Тарховым, не во всем удовлетворяет тем критериям научности, на которые она претендует. «Изборник», каким он предстает в этой книге, и действительный блоковский «Изборник» 1918 г., если их сопоставить, лишь внешне похожи друг на друга. Составитель, строго соблюдая последовательность стихотворений, образующих «Изборник», совершенно не позаботился о текстуальном соответствии. Все тексты Блока напечатаны им по «Собранию сочинений» (М.; Л., 1960—1963), т. е. воспроизводят «какопическую» редакцию. Своеобразие текстов «Изборника», их отличие как от более ранних, так и более поздних редакций тем самым оказалось утраченным. С этой точки зрения издание 1974 г. явно проигрывает по сравнению с «Избранными стихотворениями», подготовленными Л. Д. Блок.

² Долгополов Л. «Изборник» Александра Блока и вокруг него // В мире книг, 1976, № 2. С. 68.

Стихотворения, напечатанные А. Тарховым в составе «Изборника», не совпадают с соответствующими текстами оригинала прежде всего «количественно», т. е. по числу строф или строк в отдельных произведениях. Так, стихотворение «Полюби эту вечность болот...» состоит в «канонической» редакции из трех строф, а в «Изборнике» — из двух; стихотворение «Русь» — из одиннадцати строф (в «Изборнике» — из десяти); стихотворение «Клеопатра» — из десяти строф (в «Изборнике» — из восьми); стихотворение «Друзья» — из восьми строф (в «Изборнике» — из шести). Стихотворение «Пляска смерти», напротив, уменьшается в «каноническом» варианте — по сравнению с «Изборником» — на одну строфу (см. также статью, с. 214–215 наст. изд.). Расхождения касаются кроме того заголовков, эпитафий, посвящений, не говоря уже о многих частных расхождениях и вариантах, подчас довольно существенных.

Бросается в глаза и нарушение одного из важнейших принципов, положенного Блоком в основу «Изборника», — снятие датировок (за исключением трех случаев). В издании 1974 г. они все полностью восстановлены. «Мы можем понять составителя и принять его предложение, когда он, нарушая волю Блока, проставляет под стихотворениями «Изборника» даты», — замечает в своей рецензии Л. Долгополов³. Возразим рецензенту: подобная вольность сомнительна даже в издании, предназначенном для массового читателя, и тем менее допустима в издании, тяготеющем к научному.

Укажем попутно и на явную оплошность: на с. 71 «Изборника» 1974 г. помещено стихотворение «() легендах, с сказках, о мифах...». В подлинном «Изборнике» такое стихотворение отсутствует, в него вошло другое стихотворение, близкое к первому лишь начальной строкой «О легендах, о сказках, о тайнах...»⁴ (Оба стихотворения написаны

³ Долгополов Л. Указ. соч. С. 68.

⁴ Ср. соответствующую пометку Блока в «Хронологическом списке...».

осенью 1902 г.; первое имеет дату «17 октября», второе — «сентябрь».)

Справочный аппарат к «Изборнику», выполненный Е. Огневой и А. Тарховым, отличается своеобразной скудостью: из 150 стихотворений примечаниями снабжены лишь восемь. Комментаторы ограничились лишь «одной из ключевых тем Блока — темой «поэта и поэзии» в разных ее аспектах» (с. 525). Но ведь несколько точных и интересных наблюдений на эту действительно важную для Блока тему никак не исчерпывают всего содержания «Изборника». Пояснений требовали, на наш взгляд, и многие другие стихотворения.

Таким образом, напечатанный в 1974 г. «Изборник» дает лишь самое общее (и подчас недостоверное) представление о блоковском однотомике 1918 г. Издание действительно получилось «экспериментальным», и наиболее удачная итоговая его оценка принадлежит опять-таки Л. К. Долгополову: «Эксперимент этот в чем-то безусловно удался, а в чем-то нет (...) Может быть, более резонно в таком случае было бы ограничиться воспроизведением текста одного лишь „Изборника“, в том его виде, каким он был задуман поэтом, забыв его максимально полными примечаниями...?»⁵.

Предлагаемое издание печатается в строгом соответствии с рукописью «Изборника», зафиксировавшей замысел Блока. Она, как сказано, хранится в фонде «Издательства М. и С. Сабашниковых» (ГБЛ. Ф. 261. Карт. 13, № 2). Воспроизведены все особенности графики оригинала, пунктуации, написания заглавных строчек и строчных букв (за исключением тех редких случаев, когда авторизованный текст «Изборника» вступает в противоречие с ныне действующими правилами орфографии

⁵ Долгополов Л. Указ. соч. С. 68.

и пунктуации). Как известно, Блок был убежден, что произведения, созданные до проведения орфографической реформы, следует навсегда печатать по старой орфографии; советская издательская практика давно приняла противное решение. Но необходимо отметить, что рукопись «Изборника» подготовлена по старой орфографии, и тот факт, что она предназначалась для «Издательства М. и С. Сабашниковых», мог иметь большое значение, так как оно имело право на «донечатание (...) по старой орфографии (...) по 1 января 1924 г.»⁶. Очевидные опечатки в использованных Блоком копиях, не выправленные автором, исправляются без оговорок. В нескольких случаях пунктуационные расхождения «Изборника» и других версий текста могут объясняться причинами случайными: при обрезке копии для наклейки на паспарту Блок иногда случайно срезал крайние правые знаки. Один корректорский знак, употребляемый Блоком, остался для нас непонятен — он имеет вид латинской буквы «z» без перекладины и ставится в конце строки (см. рукопись «Изборника», л. 80, 249, 266, 339, 371 и др.). При заголовках стихотворений Блок пунктуально выставлял там, где они были пропущены в наборе, — точку, а после стихотворения — линейку-отбивку; по условиям оформления эту частность блоковского оригинала соблюсти не удалось.

Особого внимания текстологов заслуживает вопрос о передаче блоковских знаков выделения прямой речи. Блок регулярно пользовался для этой цели тире. Наблюдающиеся в рукописи «Изборника» случаи употребления кавычек (см., например, стихотворение «Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...») восходят к газетным и журнальным публикациям, что следует объяснить вторжением в авторскую систему пунктуации правил, применявшихся в соответствующих журналах,

⁶ См. в архиве издательства письмо заведующего Главного управления по делам литературы и издательств Лебедева-Полянского. ГБЛ. Ф. 261. Карт. 1. Ед. хр. 28.

газетах, типографиях. В. Н. Орлов восьмитомном издании сочинений Блока, как правило, тире заменяет кавычками, но поочередно, так что подчас реплики персонажей могут восприниматься как авторские.

Ни текстологический, ни реальный комментарий к предлагаемому изданию не ставят себе задачей подменить готовящееся параллельно академическое издание сочинений Блока. Поэтому мы даем лишь самые необходимые примечания.

После заглавия или первой строки стихотворного текста в каждом примечании дается номер, под которым названное стихотворение зафиксировано в упомянутом выше «Каталоге творческих рукописей А. А. Блока», составленном М. В. Чарушиковой. В этом каталоге сообщаются основные текстологические и негеографические особенности печатного или рукописного текста, сведения о количестве листов, формате бумаги, наличии авторских помет и т. д.; в нем отражена также работа по сопоставлению каждого из текстов, составивших «Изборник», с текстами «Собрания сочинений в 8-ми тт.» Считаем нужным, однако, указать на то, что труд М. В. Чарушиковой не свободен от ошибок (датировка текстов, характеристика вариантов и др.).

Далее указывается, какой текст использован Блоком — рукописный или печатный. В первом случае сообщается вид оттиска — гранки, верстка, чистые листы. Как правило, гранки подавались на низкосортной бумаге, верстка и чистые листы — на бумаге, на которой печатался тираж; иногда различение стадий работы над книгой затруднительно, дополнительные указания можно получить из анализа текста и его графического оформления (наличие и число поправок, следы типографской краски и т. п.). Указывается, наборный оттиск какого издания использован автором; наличие авторской правки отмечается только в двух случаях: во-первых, если имеется правка для «Стихотворений» 1916 г. на оттиске более раннего издания; во-вторых, если имеется правка специально для

«Изборника». Не оговаривается наличие правки технического порядка — снятие колонцифр и кустодов, выставление отбивок-линеек в конце текста и т. п. Если автором использован автограф или рукописная копия, указывается первая публикация стихотворения и соответствие ей данной версии текста. Пунктуационные и графические расхождения при этом, как правило, не учитываются.

Исследование всей истории текста для произведений, включенных в «Изборник», в задачу авторов не входило.

Распределение материала по годам — в соответствии с блоковским «Хронологическим списком...»

К изданию приложен «азбучный указатель», по образцу тех, которыми Блок снабжал все издания трех томов своей поэзии; для обозначения этого элемента аппарата мы воспользовались термином, обычным в авторских блоковских изданиях.

1898

«Муза в уборе весны постучалась к поэту...»

Ч 2. Ориг. — автограф Блока, синий карандаш (или оттиск под синюю кофирку?). К моменту составления «Изборника» стихотворение еще не печаталось, впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1.

«Я стремлюсь к роскошной воле...»

Ч 5. 2. Ориг. — печ.: С(1), верстка. — Эпиграф — из стихотворения В. А. Жуковского («Песня» «Счастливы тот, кому забавы...») (с отступлениями от оригинала).

«Мне снилась смерть любимого созданья...»

Ч 6. 2. Ориг. — печ.: С(1), верстка. При подготовке «Изборника» снята дата под стихотворением. — Эпиграф — из Гейне, «Лирическое интермеццо», 55, в переводе М. Л. Михайлова.

1899

«Милый друг! Ты юною душою...»

Ч 11. 2. Ориг. — печ.: С(1), гранки.

Гамаюн, птица вещая.

Ч 16. 2. Ориг. — печ.: С(1), чист. л. — «Стихотворение ввнушено картиной Васнецова» — примеч. Блока: СС(1), с. [211].

«Я шел к блаженству. Путь блеснул...»

Ч 19. 2. Ориг. — печ.: С(1), чист. л.

«Дышит утро в окошко твое...»

Ч 28. 2. Ориг. — печ.: С(1), чист. л.

Неведомому Богу.

Ч 33. 2. Ориг. — печ.: С(1), гранки. — Заглавие — ср. слова апостола Павла к жителям Афин: «...осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу» (Деян. 17, 23).

Моей матери.

Ч 37. 2. Ориг. — печ.: С(1), гранки.

1900

«Не доверяй своих дорог...»

Ч 61. Ориг.— печ.: С(1), гранки.
«Увижу я, как будет погибать...»

Ч 62. Ориг. — печ.: С(1), чист. л.
«То сон предутренний сошел...»

Ч 64. 2. Ориг.— печ.: С(1), гранки.
«Отрекись от любимых творений...»

Ориг. — печ.: С(1), гранки.

«Ищу спасенья...»

Ч 77. 2. Ориг.— печ.: С(1), чист. л.

Ольга Михайловна Соловьева (1852–1903) — художница, переводчица; жена Михаила Сергеевича Соловьева (1862–1903, брат Вл. Соловьева), мать Сергея Михайловича Соловьева (см. примеч. к стих. «Входите все. Во внутренних покоях...»); в семье Соловьевых и вокруг нее сложился в начале века круг первых почитателей Блока.

«Медленно, тяжело и верно...»

Ч 78. 2. Ориг.— печ.: С (1), чист. л.

1901

«Я вышел. Медленно сходили...»

Ч 84. 2. Ориг.— печ.: С(1), чист. л. При подготовке «Изборника» снята дата под стихотворением.

«Ветер принес издалека...»

Ч 85. 2. Ориг. — печ.: С(1), гранки.

Моей матери

Ч. 92.2. Ориг.— печ.: С(1), чист. л.

Поле за Петербургом

Ч 94. 2. Ориг. — печ.: С(1), чист. л.

Паспарту этого стихотворения и следующего составляли один лист бумаги, на котором была надпись рукою Блока (красный карандаш), при работе над «Изборником» частично замазанная (красный и синий карандаш): [Б. Бугаев // (1903–191) (?),] (недописано).

«Белой ночью месяц красный...»

Ч 100. 2. Ориг. — печ.: С(1), чист. л.

«Одинокий, к тебе прихожу...»

Ч 102. 3. Ориг. — печ.: С(1), чист. л.

«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»

Ч 103. 2. Ориг.— печ.: С(1), чист. л. При подготовке «Изборника» снята дата под стихотворением.

ем и подстрочное примеч., в котором указывалось, что слова «тоскуя и любя» взяты из стихотворения Вл. Соловьева «Зачем слова? В безбрежности лазурной...»

«Я жду призыва, ищу ответа...»

Ориг. печ.: С(1), чист. л.

«Входите все. Во внутренних покоях...»

Ориг. — печ.: С(1), чист. л. — *Сергей Михайлович Соловьев* — (1885—1942) — ближайший друг Блока, единомышленник и сочувственный в начале 1900-х годов (см. также примеч. к стих. «Ищу сна-сенья...»)

«Сумерки, сумерки вешние...»

Ч 119. 2. Ориг.— печ.: С(1), верстка.

«Ты горишь над высокой горою...»

Ч 120. 4. Ориг. — печ.: С(1), верстка.

«Встану я в утро туманное...»

Ч 129. 2. Ориг. — печ.: С(1), верстка.

«Медленно в двери церковные...»

Ч 135. 2. Ориг.— печ.: С(1), верстка (штемпель «Типографии Русского Товарищества», Москва, (19?) января 1916 г.). При подготовке «Изборника» снята дата под стихотворением.

«Ночью вьюга снежная...»

Ч 144. 3. Ориг. — печ.: С(1), чист. л.

Ночь на Новый год.

Ч 155. 2. Ориг. — печ.: С(1), верстка.

1902

«Бегут неверные дневные тени...»

Ч 157. 3. Ориг. — печ.: С(1), верстка.— *О С. М. Соловьеве* см. примеч. к стих. «Входите все. Во внутренних покоях...»

«Сны раздумий небывалых...»

Ч 164. 2. Ориг. — печ.: С(1), верстка.

«На весенний праздник света...»

Ч 165. Ориг. — автограф Блока (такой же, как автограф стих. «Муза в уборе весны постучалась к поэту...»).

«Мы живем в старинной келье...»

Ч 169. 2. Ориг. — печ.: С(1), верстка.

«Верю в Солнце Завета...»

Ч 171. 2. Ориг. — печ.: С(1), верстка. Эпиграф из последней главы Апокалипсиса (Откр. 22, 17).

«Гадай и жди. Среди полночи...»

Ч 175. 2. Ориг. — печ.: С(1), верстка.

«Весна в реке ломает льдины...»

Ч 177. 2. Ориг. — печ.: С(1), верстка. — ...*милых мертвых мне не жаль* — ср. слова Христа к ученику (когда тот попросил позволения, прежде чем идти за учителем, похоронить своего отца): «...иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф. 8, 22); ср. также: «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20, 38); тоже — Мк. 12, 27.— ...*Из Моисеева куста* — из середины горящего и негорающего тернового куста Бог говорил к Моисею (Исх. 3, 1 слл.).

«Мы встречались с тобой на закате...»

Ч 190. 2. Ориг. — печ.: С(1), верстка.

«Брожу в стенах монастыря...»

Ч 194. 3. Ориг. — печ.: С(1), верстка.

«Я, отрок, зажигаю свечи...»

Ч 198. 2. Ориг. — печ.: С(1), верстка.

«Свет в окошке шатался...»

Ч 205. 3. Ориг. — печ.: С(1), верстка.

«Золотистой долиной...»

Ч 208. 3. Ориг. — печ.: С(1), чист. л.

«Я вышел в ночь — узнать, понять...»

Ч 211. 2. Ориг. — список рукой А. А. Кублицкой-Пиоттух; на паспарту рукою Блока, синим карандашом: Я вышел в ночь. Текст воспроизводит версию «Стихов о Прекрасной Даме».

Экклесиаст.

Ч 215. 2. Ориг. — список рукой А. А. Кублицкой-Пиоттух; на паспарту рукою Блока, синим карандашом: Экклесиаст. Текст воспроизводит версию «Стихов о Прекрасной Даме». — Стихотворение представляет собою парафраз отрывка из двенадцатой главы библейской «Книги Экклесиаста» (Эпиграф — Екк. 12, 9).

«О легендах, о сказках, о тайнах...»

Ч 219. 2. Ориг. — список рукой А. А. Кублицкой-Пиоттух; на паспарту рукою Блока, синим карандашом.

дашом: О легендах (Христос). Текст совпадает с СС(1) и С(1).

«Любил я нежные слова...»

Ч 224. 2. Ориг. — печ.: С(1), верстка.

«Вхожу я в темные храмы...»

Ч 226. 3. Ориг. — список рукой А. А. Кублицкой-Пиоттух; на паспарту рукой Блока, синим карандашом: Вхожу я в темные храмы. Текст совпадает со «Стихами о Прекрасной Даме». СС(1) и С(1).

«Я их хранил в приделе Иоанна...»

Ч 233. 2. Ориг. — печ.: С(1), верстка. Блок сохранил дату под стихотворением, вероятно, потому, что оно написано тотчас после объявления 7 ноября 1902 г. с Л. Д. Менделесовой, когда она дала согласие стать женой поэта.

1903

«Целый год не дрожало окно...»

Ч 253. 2. Ориг. — печ.: С(1), чист. л.

«Я к людям не выйду навстречу...»

Ч 255. 2. Ориг. — печ.: С(1), чист. л.

«Потемнели, поблекли залы...»

Ч 258. 2. Ориг. — печ.: С(1), чист. л.

«Погружался я в море клевера...»

Ч 260. 2. Ориг. — печ.: С(1), чист. л.

«—Все ли спокойно в народе?»

Ч 263. 2. Ориг. — печ.: С(1), чист. л. — *Посохом гонит железным* — апокалиптический образ (Откр. 2.27; 12.5), ср. стих. «Он занесен — сей жезл железный...»

«Мне снились веселые думы...»

Ч 265. 2. Ориг. — печ.: С(1), чист. л.

«Отворяются двери — там мерцанья...»

Ч 267. 2. Ориг. — печ.: С(1), чист. л.

«У забытых могил пробивалась трава...»

Ч 270. 3. Ориг. — печ.: С(1), чист. л. — О С. М. Соловьеве см. примеч. к стих. «Входите все. Во внутренних покоях...»

«Просьпаюсь я — и в поле туманно...»

Ориг. — печ.: С(1), чист. л.

«Темная, бледно-зеленая...»

Ч 299. 2. Ориг. — печ.: С(1), верстка. — *Мария*

Алексеевна Оленина д'Альгейм (1869–1970) – камерная певица.

Фабрика.

Ч 300. 2. Ориг. – печ.: С(1), верстка.

Из газет.

Ч 306. 2. Ориг. – список рукой А. А. Кублицкой-Пиоттух; на паспарту рукой Блока, синим карандашом: *Встала в сияньи. Текст совпадает с С(1). – ...человек // с оловянной бляхой на теплой шапке – городской.*

1904

«Мой любимый, мой князь, мой жених...»

Ч 319. 3. Ориг. – печ.: С(1), верстка.

«Сторожим у входа в терем...»

Ч 320–324. 1. в. Ориг. – печ.: С(1), верстка. – Эпиграф – из стихотворения Андрея Белого «Золотое руно».

«Вот он – ряд гробовых ступеней...»

Ч 333 2. Ориг. – печ.: С(1), верстка. При подготовке «Изборника» Блок снял тире, стоявшее в конце предпоследней строки. На оттиске стоит колонцифра 270, стих. занимало в верстке С(1) левую сторону разворота, на с. 269 помещалось стих. «В час, когда пьянеют нарциссы»... В окончательном тексте С(1) эти два стихотворения составляют один разворот, помещаясь на страницах соответственно 271 и 270. Следовательно, корр. отт., использованный в рукописи «Изборника», показывает, что либо при верстке С(1) была допущена ошибка, либо Блок в конце книги уже на стадии верстки ввел еще один текст, отчего пришлось переверстывать последний лист (все, кроме этого, корр. отт. С(1), вошедшие в «Изборник», имеют колонцифры, отвечающие окончательной пагинации книги).

1905

Болотные чертенятки.

Ч 356. 2. Ориг. – печ.: СС(2), корр. отт., из наборной рукописи С(2). *Алексей Михайлович Ремизов* (1877–1957) – писатель, друг Блока.

Ты в поля отошла без возврата.

Ч 362. 4. Ориг. — печ.: СС(2), корр. отт., верстка (?), из наборной рукописи С(2). При подготовке «Изборника» снята дата, сохранявшаяся под стих. в С(2), строчная буква не заменена прописной в слове «Рукой» (последняя строка), в согласии с окопчательным чтением С(2). — *Да святится Имя Твое* — из молитвы «Отче Наш». — *Со святыми... упокой* — из православной заупокойной службы.

Болотный попик.

Ч 363. 4. Ориг. — печ.: СС(2), корр. отт., из наборной рукописи С(2).

«На весеннем пути в теремок...»

Ч 364. 3. Ориг. — печ.: СС(2), корр. отт., из наборной рукописи С(2).

«Она веселой невестой была...»

Ч 370. 2. Ориг. — список рукой А. А. Кублицкой-Пиоттух; на паспарту рукою Блока, синим карандашом: Она веселой невестой была.

«Полюби эту вечность болот...»

Ч 371. 2. Ориг. — печ.: СС(2), корр. отт., из наборной рукописи С(2). При подготовке «Изборника» снята третья строфа, в согласии с версией С(2). — *Этот злак... не умрет* — ср. слова Христа о себе: «...пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12, 23–24). — *Этот куст — без истления...* — контаминация двух богородничных образов: Неопалимой Купины (см. примеч. к стих. «Весна в реке ломает льдины...»), в которой церковное предание видит знамение Присподевы, и песнопения — «...без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу ты величаем».

Старушка и чертенята.

Ч 381. 3. Ориг. — печ.: С(2), чист. л. — Посвящение шуточное — лесному е(жу) Григорию, пойманному Блоком и жившему в Шахматове летом 1905 г. — *Троица* — Троице-Сергиева лавра, в мире «народного благочестия», который стилизует Блок, — важнейшее место паломничества.

Балаганчик.

Ч 373. 3. Ориг. — печ.: СС(2), корр. отт.

Осенняя воля.

Ч 377. 2. Ориг. — печ.: Стихи о России.

«Девушка пела в церковном хоре...»

Ч 385. 3. Ориг. — печ.: СС(2), корр. отт.

«Вот он — Христос — в цепях и розах...»

Ч 392. 3. Ориг. — печ.: СС(2), корр. отт. *Евгений Павлович Иванов (1879–1942)* — ближайший друг Блока. — *...агнец кроткий* — восходит к Библии (Иер. 11, 19). — *«Пока не станешь сам как стезя»* — вероятно, имеет, по меньшей мере, два подтекста: ср., во-первых, заглавие известного позднесредневекового сочинения «О подражании Христу», во-вторых, слова Христа: — «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14. 6). — *Не ляжешь... // И не поблекнешь, как мертвый злак* — см. примеч. к стихотворению «Полюби эту вечность болот...»

Митинг.

Ч 393. 3. Ориг. — печ.: СС(2), корр. отт. На обычное паспарту «Изборника» желтовато-коричневой оберточной бумаги наклеено паспарту из наборной рукописи С(2) с корр. отт. СС(2); первоначально в макете С(2) присутствовали две последние строфы текста СС(2), по позже — однако еще во время подготовки С(2) — они были сняты Блоком.

«Еще прекрасно серое небо...»

Ч 396. 2. Ориг. — печ.: СС(2), корр. отт., с правкой для С(2) (когда, в частности, дата под текстом СС(2) — «17 октября 1905 г.» — была исправлена карандашом на «18 окт. 1905»). В «Изборнике» датировка этого стихотворения, написанного на другой день после манифеста 17 октября 1905 г., была сохранена как необходимая для Блока отсылка к общеизвестному важнейшему политическому событию. Пояснение к словам «латник в черном» («Статуя на кровле Зимнего дворца»), внесенное при подготовке С(2), в рукописи «Изборника» срезано внизу листа, хотя звездочка после указанных слов в тексте стихотворения не снята.

1906

Сказка о петушке и старушке.

Ч 403. 2. Ориг.— печ.: СС(2), корр. отт., из наборной рукописи С(2).

Ночная фиалка

Ч 402. 2. Ориг. — печ.: С(2), верстка и чист. л., с правкой для «Изборника». Вариант в ст. 62, совпадающая с «каноническим», расходится, однако, с текстом в СС(2), принятым и В. Н. Орловым (II, 28): «И под красной полоской зари». — ...на праздник вечерний // Я не в брачной одежде пришел. — восходит к евангельскому повествованию: «Царство Небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего... Царь, вошед посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду: и говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: Связавши ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов; ибо много званых, а мало избранных» (Мф. 22. 2–14). — ...*нечаянно Радость придет* — словосочетание (ставшее заглавием второго сборника стихов Блока — «Нечаянная Радость») восходит к православной иконографии, где один из образов Девы Марии именуется «Нечаянная Радость».

Незнакомка.

Ч 413. 2. Ориг. — печ.: СС(2), из наборной рукописи С(2). При подготовке «Изборника» снята дата, сохранявшаяся под стихотворением в С(2) (после колебаний, зафиксированных последовательными зачеркиваниями и восстановлениями, что объясняется центральным положением в блоковском мифе этого стихотворения). — *Мне чье-то солнце вручено* — отождествление солнца и сердца восходит к лирике Вяч. Иванова (ср. его цикл «Солнце-Сердце» в книге «Cor ardens», отдельные стихотворения из которого появились в печати в 1905–1906 гг.).

Холодный день.

Ч 417. 2. Ориг. — печ.: СС(2).

В октябре.

Ч 420. 2. Ориг. — печ.: СС(2), из наборной рукописи С(2).

Русь.

Ч 416. 2. Ориг.— печ.: Стихи о России, с правкой для «Изборника».

Сын и мать.

Ч 419. 2. Ориг. — печ.: СС(2), из наборной рукописи С(2). Уподобление героя — жертвенному солнцу ближайшим образом восходит к Ф. Ницше (ср.: «Так говорил Заратустра», ч. 1. Предисловие Заратустры. 1) и Вяч. Иванову (см. примеч. к стих. «Незнакомка»).

«О жизни, догоревшей в хоре...»

Ч 430. 1. Ориг. — печ.: СС(3), вероятно, из наборной рукописи С(2), с сохранением, однако, части более ранних чтений.— *О деве дальней...*— образ из арсенала европейской романтической традиции, восходящей к центральному образу лирики трубадура Джауфре Рюделя.

Балаган.

Ч 431. 3. Ориг. — печ.: СС(3), из наборной рукописи С(2). Эпиграф — слова Кина из пьесы А. Дюма «Кин, или беспутство и гений» (1836), действие 4, сцена 8.

«Хожу, брожу понурый...»

Ч 434. 2. Ориг. — печ.: СС(2), из наборной рукописи С(2).

На чердаке.

Ч 437. 2. Ориг. — печ.: СС(2).

1907

Из «Снежной маски»

Ч 446. 2; 449. 2; 465. 2. ориг.— печ.: СС(3), из наборной рукописи С(2), с дополнительной правкой для «Изборника». — Стихотворение «*Ее песни*» представляет собою отрицательную реплику на программное стихотворение Вяч. Иванова «Мэнада» («Скорбь нашла и смута на Мэнаду...»). — В стихотворении «*Обреченный*» в строке 9 слово «Завила» — в С(2) «Завела» — подчеркнуто, но не исправлено.

Усталость.

Ч 472. 2. Ориг. — СС(3), возможно, из наборной рукописи С(2). — *Кому назначен темный жребий, // Над тем не властен хоровод* — стихотворение пропизано фаталистическим неприятием оптимистической проповеди Вяч. Иванова, утверждавшего, что художнику нового времени открывается единственный выход из мучительного одиночества — к искусству всенародному: ср. в его статье «Кризис индивидуализма» (1905): «Умчался век эноса: пусть же зачнется хоровой дифирамб. Горек наш запев: плач самоотрекающегося и еще не отрешенного духа. Кто не хочет петь хоровую песнь, пусть удалится из круга, закрыв лицо руками. Он может умереть; но жить отъединенным не сможет... Анархия... соберет безумцев, не знающих имени (курсив автора.— К. А., П. К.), которое их связало и сблизило в общины таинственным сродством взаимно разделенного восторга и вещего соизволения... Они зачнут новый дифирамб, и из нового хора... выступит трагический герой» (Иванов Вяч. По звездам. СПб., 1909. С. 99–101).

О смерти.

Ч 484. 2. Ориг. — печ.: СС(3), из наборной рукописи С(2). — *Сотка* — водочная бутылка, в сотую часть ведра.

«С каждой весной пути мои круче...»

Ч 478. 2. Ориг. — печ.: СС(3).

«Ты отошла, и я в пустыне...»

Ч 479. 2. Ориг. — печ.: СС(3). При подготовке «Изборника» снята дата под стихотворением. — *Галилея* — родина Иисуса Христа (*Сына Человеческого*). — Заключительные две строки — парафраз слов Христа (Мф. 8. 20; Лк. 9. 58).

«В густой траве пропадешь с головой...»

Ч 488. 2. Ориг. — список рукой А. А. Кублицкой-Пиоттух; текст соответствует тексту первой публикации в журнале «Трудовой путь» (1907, № 12) и последующих публикаций в СС(3) и С(3).

Принимаю.

Ч 496. 2. Ориг. — печ.: СС(3). — *С неразгаданным именем Бога* — ср. примеч. к стих. «Неведомому Богу» и «Усталость».

Клеопатра.

Ч 506. 3. — Ориг. — печ.: СС(3), из наборной рукописи С(2). Стихотворение отражает впечатления от петербургского паноптикума — музея восковых фигур, одна из которых представляла момент самоубийства египетской царицы Клеопатры. Имеются прямые переклички со стихотворением В. Брюсова «Клеопатра» («Я — Клеопатра, я была царица...»; 1901).

1908

«Я помню длительные муки...»

Ч 513. 3. Ориг. — печ.: СС(3). При подготовке «Изборника» снята дата под стихотворением.

«Свирель запела на мосту...»

Ч. 516. 3. Ориг. — печ.: СС(3), возможно, из наборной рукописи С(3).

За гробом.

Ч 523. 2. Ориг. — печ.: СС(3). — «Утоли мои печали» — один из наиболее чтимых богородичных образов.

Друзьям.

Ч 527. 2. Ориг. — печ.: СС(3). При подготовке «Изборника» снят эпиграф из А. Майкова.

Россия.

Ч. 531. 3. Ориг. — печ.: «Стихи о России», корр. отт.

«Ночь как ночь, и улица пустынна...»

Ч 533. 3. Ориг. — печ.: СС(3).

«Своими горькими слезами...»

Ч 535. 3. Ориг. — печ.: СС(3), из наборной рукописи С(2).

На поле Куликовом.

Ч 530. 3; 521. 3; 522. 3; 530. 3; 540. 3. Ориг. 1-го, 2-го, 3-го и 5-го стихотворений. — печ.: СС(3); ориг. 4-го стихотворения — печ.: Ночные часы. Каждое стихотворение — на особом паспарту, но на паспарту первого — указание Блока, красным карандашом: 5 стихотворений // — печатать подряд. — В четвертом стихотворении отмечаются цитаты из лето-

писного «Сказания о Мамаевом побоище». — Эпиграф к пятому стих. — из стихотворения Вл. Соловьева «Дракон» («Из-за кругов небес незримых...»).

«О доблестях, о подвигах, о славе...»

Ч 541. 3. Ориг. — печ.: СС(3).

1909

Осенний день.

Ч 544. 3. Ориг. — печ.: Стихи о России.

«Мой милый, будь смелым...»

Ч 545. 3. Ориг. — печ.: СС(3).

«В голодной и больной неволе...»

Ч 549. Ориг. — автограф Блока; соответствует тексту первой публикации в «Ежемесячном журнале» (1914, № 3). — *Не миновать Господня лета // Благоприятного — и нам* — текст отсылает к евангельскому рассказу о проповеди Иисуса Христа в Назарете: «Ему подали книгу пророка Исаии; и Он... нашел место, где было написано: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное» (Ис. 61. 1–2)... И Он начал говорить им: ныне исполнилось писание сие, слышанное вами» (Лк. 4. 17–19, 21).

«Ты в комнате один сидишь...»

Ч 557. 3. Ориг. — печ.: СС(3), возможно, из наборной рукописи С(3).

«Чем больше хочешь отдохнуть...»

Ч 571. Ориг. — печ.: С(3), гранки.

«Как прощались, страстно клялись...»

Ч 576. 3. Ориг. — печ.: С(3), верстка.

«Все на земле умрет — и мать, и младость...»

Ч 577. 2. Ориг. — печ.: СС(3).

«Из хрустального тумана...»

Ч 579. 4. Ориг. — печ.: СС(3).

«Поздней осенью из гавани...»

Ч 581. 3. Ориг. — печ.: СС(3).

1910

«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..»

Ч 583. 3. Ориг. — печ.: СС(3). — Соколов, лебедей в степь распустила ты — восходит к «Слову о полку Игореве».

«Все, что память сберечь мне старается...»

Ч 589. 3. Ориг. — печ.: СС(3), видимо, корр. отт. Над стихотворением просматривается тщательно вымаранный синим карандашом (вероятно, при подготовке «Изборника») номер 6, тогда как в СС(3) оно было пятым в цикле «Через двенадцать лет». — Синий призрак умершей любовницы — стихотворение начато в январе 1910, под впечатлением ложного известия о смерти Ксении Михайловны Садовской (1860—1925).

В ресторане.

Ч 591. 3. Ориг. — печ.: СС(3). Ан — марка шампанского.

На железной дороге.

Ч 594. 3. Ориг. — печ.: СС(3). Мария Павловна Иванова (1873—1941), врач; сестра Е. П. Иванова (см. примеч. к стих. «Вот он — Христос — в цепях и розах...»).

«Когда-то гордый и надменный...»

Ч 595. 2. Ориг. — автограф А. А. Блока. Первая публикация — газ. «Биржевые ведомости», 1916. 6 марта, утр. вып. (заголовок — «Тоска»).

1911

«Когда ты загнан и забит...»

Ч 635. Ориг. — автограф А. А. Блока; в левом верхнем углу при подготовке «Изборника» замарана дата: [1911, ⟨прзбр⟩]. Текст соответствует первой публикации в альманахе «Сирин» (1914, сб. 3). Данный текст представляет собой конец 3-й главы поэмы «Возмездие». Следующая после «Избранных стихотворений» 1924 г. публикация этого отрывка как отдельного произведения — в кн.: Блок А. Избранное/Подготовка текста, предисл. и примеч. В. Орлова. М., 1954. — «Quantum satis» — достаточное количество (имеется в виду апофеоз самоцен-

ной титанической воли у Бранда, героя одноименной драмы Г. Ибсена — ср. его обмен репликами с Доктором в начале третьего действия и последние слова в финале).

Народ и поэт.

Ч 634. Ориг. — автограф А. А. Блока; на первом л. указание автора, красным карандашом: 4 страницы — печатать подряд; в левом верхнем углу при подготовке «Изборника» замарана дата: [1911, (прзбр)]. Текст соответствует первой публикации в газ. «Русское слово» (1914. 6/19 апреля). Данный текст — пролог к поэме «Возмездие», печатался также вместе с первой главой поэмы (под общим заголовком «Возмездие») в журн. «Русская мысль». 1917. № 1. После «Избранных стихотворений» 1924 г. вновь напечатан под заглавием «Народ и поэт» в кн.: Блок А. Избранное/Подготовка текста, предисл. и примеч. В. Орлова. М., 1954 (в этом же виде — в ряде последующих советских изданий сочинений Блока). — *Так Зигфрид правит меч ∞ В смятенъе падает у ног* — Блок использует образы оказавшего на него глубокое влияние музыкально-драматического цикла Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга»: герой немецкого эпоса Зигфрид заново отковал разбитый в бою волшебный меч, злокозненный карлик *Миме*, стремясь овладеть мечом, пытался убить героя, но погиб от его руки сам. Символика преданий о Нибелунгах введена Блоком в контекст биографии и творчества Г. Ибсена (V, 457); отсюда переклички пролога к «Возмездию» со статьями «Генрих Ибсен» и «От Ибсена к Стриндбергу» (в частности: «книга жизни» — V, 309; «воля... как железный, разящий меч» — 311; «юность» — 317; «с Ибсеном произошло то же, что с Зигфридом», — 456 и т. д.) и с текстом «Бранда». — *...умный раб* — ср.: «...будьте готовы; ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий. Кто же верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу вовремя? Блажен тот раб, которого господин его, пришед, найдет поступающим так» (Мф. 24. 44–46). — *...созданье праха* — библеизм — ср.

Быт. 2. 7. — *Стоит над миром столб огня* — образ Апокалипсиса: «И видел я другого Ангела... сходящего с неба... и ноги его как столпы огненные... поставил он правую ногу свою на море, а левую на землю» (Откр. 10. 1–2). — *Над всей Европою — дракон* — прочтение в апокалиптическом ключе (ср. Откр. 20. 1. 1–3, 7–8) стихотворения Вл. Соловьева «Дракон» (ср. примеч. к пятому стихотворению цикла «На поле Куликовом»), посвященного «Зигфриду» — германскому кайзеру Вильгельму II (в сказаниях о Нибелунгах Зигфрид — змеборец). — *Над нашим станом ∞ пожар* — автоцитаты возвращают к образам и предсказаниям цикла «На поле Куликовом». — *Вот голову его ∞ плясунья подает* — Блок уподобляет певца, поэта — пророку, отсылая к евангельскому рассказу о конце Иоанна Крестителя, обезглавленного царем Иродом по просьбе дочери Иродиады, Саломеи, очаровавшей царя своей пляской (Мф. 14. 1–11; Мк. 6. 14–29); в стихотворении «Холодный ветер от лагуны...» Блок замещал Иоанна Крестителя лирическим героем (или отождествлял их?):

В тени дворцовой галереи,
Чуть озаренная луной,
Таясь, проходит Саломея
С моей кровавой головой.

(III, 103)

— *Ты, поразившая Денницу* — «жепа, облеченная в солнце», победительница Люцифера (Денницы, дьявола); апокалиптический образ, восходящий ближайшим образом, вероятно, к стихотворению Вл. Соловьева «Знамение» («Одно, навек одно! Пускай в уснувшем храме...»), в эпитафиях которого приводятся соответствующие библейские источники. — *Угль превращается в алмаз* — Блок мог знать о превращении графита в алмаз из книги своего тестя, Д. И. Менделеева, «Основы химии». — *Он, под киркой трудолюбивой ∞ Дроби, мой гневный ямб камня* — отрывок, по всей видимости, восходит к стихотворению Г. Ибсена «Рудокоп».

«О, как смеялись вы над нами...»

Ч 601. Ориг. — автограф Блока; соответствует тексту первой публикации в газ. «Русское слово» (1915, 22 марта). — Две последние строки — цитата из стихотворения Тютчева «Silentium!» («Молчи, скрывайся и тай...»).

1912

«Ветр налетит, завоюет снег...»

Ч 602. Ориг. — автограф Блока; соответствует тексту в С(3).

Пляска смерти.

Ч 604. Ориг. — автограф Блока; соответствует тексту первой публикации в журн. «Современник» (1912, № 11). Возможно, Блок на раннем этапе работы хотел включить в «Изборник» цикл стихотворений: в оригинале первоначальное заглавие этого стихотворения «Totentanz» заменено на «Пляски смерти» (позже заменено на воспроизводимое в настоящем издании); перед первой строкой выставлена цифра 1, позже не снятая; эти поправки могут относиться, однако, и к другому замыслу.

«Приближается звук. И покорна щемящему звуку...»

Ч 605. Ориг. — автограф А. А. Блока; соответствует тексту в С(3).

«Миры летят. Года летят. Пустая...»

Ч 606. Ориг. — печ.: «Русская молва». 1913. 10 февр.

«Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...»

Ч 608. Ориг. — автограф Блока; соответствует тексту первой публикации в журн. «Северные записки» (1913, № 11). Вариация на тему стихотворения Эдгара По «Ворон».

К Музе.

Ч 610. Ориг. — список рукой А. А. Кублицкой-Пиоттух; соответствует тексту в С(3).

«Ревет ураган...»

Ч 607. Ориг. список рукой А. А. Кублицкой-Пиоттух. Этот текст — песня Гаэтана из драмы

«Роза и крест», впервые опубликованной в альм. «Сирин» (сб. 1, 1913); драма перепечатывалась также в 1916 и 1918 гг. В виде отдельного стихотворения песня Гаэтана впервые была напечатана в кн.: Блок А. Стихотворения/Вступ. ст. ред. и примеч. В. Орлова. Т. 2. Л., 1938.

1913

«Мы забыты, одни на земле...»

Ч 611. Ориг. — печ.: «Русская мысль». 1915. № 2. Возможно, при подготовке «Изборника» снята пятая строфа журнального текста в соответствии с версией С(3).

«Есть времена, есть дни, когда...»

Ч 612. Ориг. — список рукой Л. А. Кублицкой-Пиоттух; соответствует тексту первой публикации в журн. «Русская мысль» (1915, № 1) и в С(3). На паспарту рукой Блока, синим карандашом: *Есть времена.*

Новая Америка.

Ч 614. Ориг. — печ.: «Стихи о России»; вероятно, при подготовке «Изборника» Блоком от руки выставлено заглавие стихотворения. — *Праздник радостный ∞ звезда из-за туч не видна* — вероятно, следует связать с тем, что стихотворение появилось в рождественском номере газеты («Русское слово». 1913. 25 дек.); звезда, указавшая пастухам (волхам, магам, царям) место рождения мессии, Иисуса Христа (ср. в предпоследней строфе: *подземный мессия... царь и жених*), которая занимает столь важное место в рождественской церковной службе и народных обрядах, не видна, взамен ее видна *Америки новой звезда.*

Художник.

Ч 613. Ориг. — печ.: альм. «Сирин» (сб. 3, 1914), корр. отт.— комбинация гранок (первые три строфы) и чист. л.

«О, нет! не расколдуешь сердца ты...»

Ч 615. Ориг.— автограф Блока; использован оригинал первой публикации в альм. «Сирин» (сб. 3, 1914).

«Есть игра: осторожно войти...»

Ч 617. Ориг. — список рукой А. А. Кублицкой-Пиоттух. Первая публикация — в «Ежемесячном журнале» (1914, № 2). Копия ближе всего к тексту в С(3). На паспарту рукою Блока: *Есть игра.*

«Пристал ко мне нищий дурак...»

Ч 618. Ориг. — автограф Блока; соответствует тексту первой публикации в еженед. «Голос жизни» (1915, № 16).

Неотступное.

Ч 619. Ориг. — автограф Блока; соответствует тексту первой публикации в газ. «Биржевые ведомости» (1914, 21 дек.).

«Как свершилось, как случилось?..»

Ч 609. Ориг. — автограф Блока; использован оригинал первой публикации в альм. «Сирии» (сб. 3, 1914). — *Недостойный раб сокровищ, // Мне врученных не храня* — Блок имеет в виду евангельскую «притчу о талантах» (Мф. 25. 14–30; Лк. 19, 12–27). — *Обожженный языками // Преисподнего огня* — средневековое итальянское предание утверждало, что лицо Данте было опалено адским пламенем; текст Блока ближайшим образом соотносится со стихотворением Брюсова «Поэту» («Ты должен быть гордым, как знамя...»), ср.: «Искусство есть *Ад*» (курс. Блока. — К. А., Н. К.). Недаром В. Брюсов завещал художнику: «Как Данте, подземное пламя должно тебе щеки обжечь» (V, 433).

1914

«О, я хочу безумно жить...»

Ч 621. Ориг. — автограф Блока; соответствует тексту первой публикации в газ. «Русское слово» (1915, 22 марта).

«Вновь богатый зол и рад...»

Ч 622. 2. Ориг. — список рукой Л. А. Дельмас(?). Первая публикация (с автоцензурными сокращениями) — «Русская мысль» (1915, № 12); полный текст впервые — в сб. «Седое утро» (1920).

«Ну что же? Устало заломлены слабые руки...»

Ч 623. Ориг. — автограф Блока; соответствует тексту первой публикации в журн. «Русская мысль»

(1914, № 12). — ...ревность по дому — ср. слова Псалтири (Пс. 68. 10), которые вспомнились после изгнания Христом, торгующих из храма, его ученикам (Ин. 2. 13—17): «ревность по доме Твоем съедает Меня». — *Что делаешь, делай скорее* — слова Христа к Иуде Искароту, имеющие в виду задушное Иудой предательство (Ин 13. 21—31).

Голос из хора.

Ч 593. Ориг. — список рукой Л. А. Дельмас (?). Заголовок — рукою Блока. Первая публикация — журн. «Любовь к трем апельсинам», 1916, № 1. — ...небо скроет... грех — ср. слова Апокалипсиса о вавилонской блуднице: «...грехи ее дошли до неба» (Откр. 18. 5).

Кармен.

Ч 624. Ориг. — печ.: «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 4/5; заглавие и посвящение — автограф Блока. Стихотворение посвящено оперной артистке Любви Александровне Дельмас (урожд. Тицинская, по сцене Дельмас, в замуж. Андреева; 1879—1969), исполнительнице роли Кармен.

Последнее напутствие.

Ч 625. Ориг. — печ.: Стихи о России. — В последней строфе несомненная аллюзия на дантовский миф: Беатриче, которую любил Данте в земной жизни, в потустороннем мире вела поэта по райским сферам; возлюбленная Блока поведет его в Элизий — место упокоения языческих героев, мудрецов, поэтов.

«Ветер стих, и слава зарева...»

Ч 627. Ориг. — печ.: Стихи о России, корр. отт.; правка в первом стихе — для более позднего издания.

«Грешить бесстыдно, непробудно...»

Ч 626. Ориг. — печ.: Стихи о России, корр. отт.

«Рожденные в года глухие...»

Ч 628. Ориг. — автограф Блока; соответствует тексту первой публикации в журн. «Аполлон», (1914, № 10). Зинаида Николаевна Гиппиус (1869—1945) — русская поэтесса. *Рожденные в года глухие* ∞ *Забывать не в силах ничего* — блоковское противопоставление проясняется первоначальным тек-

стом, где поэт и его адресат отнесены к поколению родившихся в дни первой русской революции:

Родившийся в глухие годы
 Не помнит детства своего.
 Но мы — мы дети дней свободы,
 Мы не забыли ничего

(III. 599)

Дни свободы — в языке эпохи устойчивое обозначение начального периода революции, 1904–1905 гг., ср. в рецензии Вяч. Иванова на «Ночные часы» (1912): «Из новой книги Блока, — писал Иванов, — мы должны заключить, что русская душа все еще глубоко омрачена, все еще страдает нравственными ранами, нанесенными войною и крушением великих надежд, которые ее смущенная вера связывала с днями так называемого «Освободительного Движения» (Изв. АН СССР, Сер. литературы и языка, 1982. 2, с. 166). — *Те, кто достойней, Боже, Боже // Да узрят Царствие Твое!* — эти строки могут быть поставлены в связь с рядом евангельских и литургических отрывков, например: «...мы сами хвалимся... терпением вашим и верою во всех гонениях и скорбях, переносимых вами в доказательство того, что будет праведный суд Божий, чтобы вам удостоиться Царствия Божия» (2 Фес. 1. 4–5) и др.

«Он занесен — сей жезл железный...»

Ч 629. Ориг. — автограф Блока; соответствует тексту первой публикации в еженед. «Огонек» (1914, № 52). — *...жезл железный* — выражение из Апокалипсиса (Откр. 2. 27; 12. 5) — *Сынам отчаяния* — следует сопоставить с такими новозаветными выражениями, как «сын погибели» (Ин. 17. 12 — об Иуде; 2 Фес. 2. 3.), «сыны противления» (Еф. 2. 2; 5. 6; Кол. 3. 6.), «чада гнева» (Еф. 2. 3), «сыны проклятия» (2 Петр. 2, 14) и др.

1915

Перед судом.

Ч 630. Ориг. — печ.: «Русская мысль», 1916, № 1, гранки.

Соловьиный сад.

Ч 620. Ориг.— печ.: «Воля народа». 1917. 28 нояб. На паспарту первого листа рукою Блока: 2 страницы — печатать подряд. При подготовке «Изборника» снята дата в конце текста. Первая публикация — «Русское слово». 1915. 25 дек. В июле 1918 г. поэма вышла также отдельным изданием в «Алконосте».

1916

Коршун.

Ч 631. Ориг. — список рукой Л. А. Дельмас (?); соответствует тексту первой публикации в газ. «Русское слово» (1916, 10 апр.).

Того же автора (Автобиблиографический список).

Ориг. — автограф Блока. На обороте (л. 388 об.) — окончание его другого, более раннего варианта, зачеркнутое красным карандашом (основная часть, вероятно, не сохранилась):

Готовится к печати:

Поэмы.

Стихотворения. Издание четвертое.

Театр. Издание третье.

Собрание статей.

Грильпарцер. Праматерь. Издание второе.

Флобер. Переписка. Части вторая и третья.

Переводы в стихах.

Из указанных в списке задуманных Блоком изданий не были подготовлены или не были осуществлены: том третий «Стихотворений», предназначенный для издательства «Земля»; «сабашниковское» издание перевода драмы Ф. Грильпарцера (см. об этом выше в нашей статье). Названные в первоначальном варианте списка издания блоковских «поэм» и «переводов в стихах», а также второй и третьей части переписки Флобера под редакцией Блока также не осуществились.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К «ИЗБОРНИКУ»

- Балагап («Над черной
слякотью дороги...») 81
- Балагапчик («Вот от-
крыт балагапчик...») 53
- «Бегут неверные днев-
ные тени...» 22
- «Белой ночью месяц
красный...» 15
- «Благословляя свет и
тьнь...» (Экклесиаст) 31
- «Божья Мать «Утоли
мой печали...» (За
гробом) 99
- Болотные чертенятки
(«Я прогнал тебя кну-
том...») 46
- Болотный попик («На
весенней проталин-
ке...») 48
- «Боль проходит поне-
мпогу...» (Последнее
напутствие) 152
- «Брожу в стенах мона-
стыря...» 26
- «В голодной и больной
неволе...» 112
- «В густой траве пропа-
дешь с головой...» 94
- «В день холодный, в
день осенний...» (По-
ле за Петербургом) 15
- «Верю в Солице Заве-
та...» 25
- «Весна в реке ломает
льдины...» 26
- «Ветер принес издале-
ка...» 14
- «Ветер стих, и слава за-
ревая...» 154
- «Ветр палетит, завоет
снег...» 127
- «В жаркое лето и в зиму
метельную...» (Худож-
ник) 140
- «Вновь богатый зол и
рад...» 148
- «В ночь, когда Мамай
залег с ордою...» 106
- В октябре («Открыл ок-
но. Какая хмурая...») 75
- «Вот он — ряд гробовых
ступеней...» 46
- «Вот он — Христос — в
цепях и розах...» 56

- «Вот открыт балаганчик...» (Балаганчик) 53
- В ресторане («Никогда не забуду (он был или не был...)») 119
- «— Все ли спокойно в пароде?...» 38
- «Все на земле умрет — и мать, и младость...» 115
- «Все чаще я по городу брожу...» (О смерти) 89
- «Все, что память сберечь мне старается...» 119
- «В соседнем доме окна желты...» (Фабрика) 42
- «Встала в сияньи. Крестила детей...» (Из газет) 43
- «Встану я в утро туманное...» 20
- Второе крещение («Открыли дверь мою метели...») 85
- «Входите все. Во внутренних покоях...» 18
- «Вхожу я в темные храмы...» 34
- «Выхожу я в путь, открытый взорам...» (Осенняя воля) 54
- «Гадай и жди. Среди полночи...» 25
- Гамаюн, птица вещая («На глядах бесконечных вод...») 7
- Голос из хора («Как часто плачем — вы и я...») 150
- «Грешить бесстыдно, непробудно...» 154
- «Девушка пела в церковном хоре...» 56
- «Друг другу мы тайно враждебны...» (Друзьям) 100
- Друзьям («Друг другу мы тайно враждебны...») 100
- «Дышит утро в окошко твое...» 8
- Ее песни («Не в земной темнице душевной...») 86
- «Есть в напевах твоих сокровенных...» (К Музе) 133
- «Есть времена, есть дни, когда...» 137
- «Есть игра: осторожно войти...» 143
- «Еще прекрасно серое небо...» 60

- «Жизнь — без начала и конца» (Народ и поэт) 124
- За гробом («Божья Матерь «Утоли мои печали...») 99
- «Золотистой долиной...» 30
- «Идем по жнивью, не спеша...» (Осенний день) 111
- Из газет («Встала в сияньи. Крестила детей...») 43
- Из «Снежной Маски» 85
- «Из хрустального тумана...» 116
- «Ищу спасенья...» 12
- «Как океан меняет цвет...» (Кармен) 151
- «Как прощались, страстно клялись...» 115
- «Как свершилось, как случилось?...» 145
- «Как тяжело мертвецу среди людей...» (Пляска смерти) 128
- «Как часто плачем — вы и я...» (Голос из хора) 150
- Кармен («Как океан меняет цвет...») 151
- Клеопатра («Открыт паноптикум печальный...») 96
- К Музе («Есть в напевах твоих сокровенных...») 133
- «Когда-то гордый и падменный...» 122
- «Когда ты загнан и забит...» 123
- «Кому назначен темный жребий...» (Усталость) 88
- Коршун («Чертя за кругом плавный круг...») 164
- «Лежат холодные туманы...» (Ночь на Новый год) 21
- «Любил я нежные слова» 33
- «Медленно в двери церковные...» 20
- «Медленно, тяжело и верно...» 12
- «Милый друг! Ты юною душою...» 7
- «Миновали случайные дни...» (Ночная фиалка) 62

- «Миры летят. Года летят. Пустая...» 131
- Митинг («Он говорил умно и резко...») 57
- «Мне снилась смерть любимого созданья...» 6
- «Мне снились веселые думы...» 39
- Моей матери («Спустилась мгла, туманами чревата...») 9
- Моей матери («Чем больней душе мятежной...») 14
- «Мой любимый, мой князь, мой жених...» 44
- «Мой милый, будь смелым...» 112
- «Муза в уборе весны постучалась к поэту...» 5
- «Мы встретились с тобою в храме...» (Холодный день) 74
- «Мы встречались с тобой на закате...» 26
- «Мы живем в старинной келье...» 24
- «Мы забыты, одни на земле...» 135
- «Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...» 106
- «На весенней проталинке...» (Болотный поник) 48
- «На весеннем пути в теремок...» 49
- «На весенний праздник света...» 15
- «На глядах бесконечных вод...» (Гамаюн, птица вещая) 7
- «Над черной слякотью дороги...» (Балаган) 81
- На железной дороге («Под насыпью во рву некошешном...») 120
- На поле Куликовом 105
- Народ и поэт («Жизнь — без начала и конца...») 124
- На чердаке («Что на свете выше...») 84
- Неведомому Богу («Нет ли душу ожи-вишь?») 9
- «Не в земной темнице душевной...» (Ее песни) 86
- «Не доверяй своих дорог...» 10
- Незнакомка («По вечерам над ресторанами...») 72

- Неотступное («Ты — буйный зов рогов призывных...») 145
- «Не ты ли душу оживишь?..» (Неведомому Богу) 9
- «Никогда не забуду (он был или не был...») (В ресторане) 119
- Новая Америка («Праздник радостный, праздник великий...») 137
- Почная фиалка («Минували случайные дни...») 62
- «Ночь как ночь, и улица пустынна» 102
- Ночь на Новый год («Лежат холодные туманы...») 21
- «Ночью вьюга снежная...» 21
- «Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...» 149
- Обреченный («Тайно сердце просит гибели...») 87
- «О, весна без конца и без краю...» (Принимаю) 95
- «Одинокий, к тебе прихожу...» 16
- «О доблестях, о подвигах, о славе...» 110
- «О жизни, догоревшей в хоре...» 80
- «О, как смеялись вы над нами...» 127
- «О легендах, о сказках, о тайнах...» 32
- «Опа веселой певестой была...» 50
- «Он говорил умно и резко...» (Митинг) 57
- «Он занесел — сей жезл железный...» 156
- «О, нет! не расколдуешь сердца ты...» 141
- «Опять, как в годы золотые...» (Россия) 101
- «Опять над полем Куликовым...» 109
- «Опять с вековой тоскою...» 108
- «Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...» 132
- Осенний день («Идем по жнивью, не спеша...») 111
- Осенняя воля («Выхожу я в путь, открытый взорам...») 54
- О смерти («Все чаще я по городу брожу...») 89

- «Отворяются двери — там мерцапья...» 39
- «Открыл окно. Какая хмурая...» (В октябре) 75
- «Открыли дверь мою метели...» (Второе крещение) 85
- «Открыт паноптикум печальный...» (Клеопатра) 96
- «Отрекись от любимых творений...» 11
- «О, я хочу безумно жить...» 147
- Перед судом («Что же ты потупилась в смущеньи?..») 157
- «Петуха упустила старушка...» (Сказка о петухе и старушке) 60
- Пляска смерти («Как тяжело мертвецу среди людей...») 128
- «Побывала старушка у Троицы...» (Старушка и чертенята) 52
- «По вечерам над ресторанами...» (Незнакомка) 72
- «Погружался я в море клевера...» 37
- «Под пасыпью во рву пекошенпом...» (На железной дороге) 120
- «Поздней осенью из гавани...» 117
- Поле за Петербургом («В день холодный, в день осенний...») 15
- «Полюби эту вечность болот...» 52
- Последнее напутствие («Боль проходит по-немпогу...») 152
- «Потемнели, поблекли залы...» 36
- «Праздник радостный, праздник великий...» (Новая Америка) 137
- «Предчувствую Тебя. Годы проходят мимо...» 16
- «Приближается звук. Инокорна щемящему звуку...» 130
- Принимаю («О, весна без конца и без краю...») 95
- «Пристал ко мне нищий дурак...» 144
- «Просыпаюсь я — и в поле туманно...» 41
- «Ревет ураган...» 134
- «Река раскинулась. Те-

- чет, грустит лениво...»
105
- «Рожденные в года глухие...» 155
- Россия («Опять, как в годы золотые...») 101
- Русь («Ты и во сне необычайна...») 77
- «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?...» 118
- «Свет в окошке шатался...» 29
- «Свирель запела на мосту...» 98
- «Своими горькими слезами...» 103
- «С каждой весною пути мой круче...» 93
- Снежная Маска см. Из «Снежной Маски»
- Сказка о петухе и старушке («Петуха упустила старушка...») 60
- «Сны раздумий небывалых...» 23
- Соловьиный сад («Я ломаю слоистые скалы...») 158
- «Спустилась мгла, туманами чревата...» (Моей матери) 9
- Старушка и чертенята («Побывала старушка у Троицы...») 52
- «Сторожим у входа в терем...» 45
- «Сумерки, сумерки внешние...» 18
- Сын и мать («Сын осеняется крестом...») 78
- «Сын осеняется крестом...» (Сын и мать) 78
- «Тайно сердце просит гибели...» (Обреченный) 87
- «Темная, бледно-зеленая...» 41
- «То сон предутренний сошел...» 11
- «Ты — буйный зов рогов призывных...» (Неступное) 145
- «Ты в комнате один сидишь...» 113
- «Ты в поля отошла без возврата...» 47
- «Ты горишь над высокой горою...» 19
- «Ты и во сне необычайна...» (Русь) 77
- «Ты отошла, и я в пустыне...» 94

- «Увижу я, как будет по-
гибать...» 10
- «У забытых могил про-
бивалась трава...» 40
- Усталость («Кому назна-
чен темный жребий...»)
88
- Фабрика («В соседнем
доме окна желты...»)
42
- «Хочу, брожу понурый...»
82
- Холодный день («Мы
встретились с тобою в
храме...») 74
- Художник («В жаркое
лето и в зиму метель-
ную...») 140
- «Целый год не дрожало
окно...» 35
- «Чем больней душе мя-
тежной...» (Моей ма-
тери) 14
- «Чем больше хочешь от-
дохнуть...» 114
- «Чертя за кругом плав-
ный круг...» (Коршун)
163
- «Что же потушилась в
смущеньи?...» (Перед
судом) 157
- «Что на свете выше...»
(На чердаке) 86
- Экклесиаст («Благослов-
ляя свет и тень...») 31
- «Я вышел в ночь — уз-
нать, понять...» 30
- «Я вышел. Медленно схо-
дили...» 13
- «Я жду призыва, ищу
ответа...» 17
- «Я их хранил в приделе
Иоанна...» 34
- «Я к людям не выйду на-
встречу...» 36
- «Я ломаю слоистые ска-
лы...» (Соловьиный
сад) 158
- «Я, отрок, зажигаю све-
чи...» 28
- «Я помню длительные
муки...» 98
- «Я прогнал тебя кну-
том...» (Болотные чер-
тенятки) 46
- «Я стремлюсь к роскош-
ной воле...» 5
- «Я шел к блаженству.
Путь блестел...» 8

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Блок ИЗБОРНИК	3
ДОПОЛНЕНИЯ	
⟨Хронологический список избранных стихотворений для «Издательства М. и С. Сабашниковых⟩	167
⟨А. А. Блок и «Издательство М. и С. Сабашниковых». Договор на книгу «Изборник⟩	178
ПРИЛОЖЕНИЯ	
<i>Н. В. Котрелев</i> Александр Блок в работе над томом избранных стихотворений («Изборник», 1918)	183
Примечания (<i>К. М. Азадовский, Н. В. Котрелев</i>)	246
Азбучный указатель к «Изборнику» (<i>сост. Ф. Н. Котрелев</i>)	279

АЛЕКСАНДР БЛОК

ИЗБОРНИК

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии
«Литературные памятники»*

Редактор *Н. А. Алпатова*
Художник *И. Е. Сайко*
Художественный редактор *Н. П. Власик*
Технический редактор *И. Н. Кожина*
Корректоры *Р. С. Алимova, И. А. Несмеeva*

ИБ № 35998

Сдано в набор 19.08.88

Подписано к печати 26.01.89

Формат 70×90¹/₃₂

Бумага книжно-журнальная

Гарнитура обыкновенная новая

Печать высокая

Усл. печ. л. 10,6. Усл. кр. отт. 11,84

Уч.-изд. л. 11,2

Тираж 50000 экз. Тип. зак. 2120

Цена 1 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6